

ЗАПИСКИ
МОРСКАГО ОФИЦЕРА,

ВЪ ПРОДОЛЖЕНІИ КАМПАНИИ НА СРЕДИЗЕМНОМЪ
МОРЬ ПОДЪ НАЧАЛСТВОМЪ ВИЦЕ - АДМИРАЛА
ДМИТРІЯ НИКОЛАЕВИЧА СЕНЯВИНА,
ОПЪ 1805 ПО 1810 ГОДЪ.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Второе издаше.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Императорской Россійской Академіи.

1837.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлены были въ
Ценсурный Комитетъ *три* экземпляра.

С. Петербургъ 21 Генваря 1836 года.

Ценсоръ *А. Крыловъ.*

У В Ъ Д О М Л Е Н І Е

къ первому изданію.

При изданіи четвертой части, долгомъ почитаю предваришь почтеннѣшую публку, чпо щедроты Государя Императора, награды Государынь Императриць и Великаго Князя; пособія Государственаго Адмиралшейскаго Департаментна и Россійской Академіи, при таковомъ значительномъ числѣ Преномерантовъ, каковаго сначала не могъ я ожидать, даюшъ мнѣ возможность не надбавляшь цѣны на *мои записки* и по совершенномъ изданіи оныхъ.

Принося чувствительнѣйшую благодарность за столь лестное вниманіе публки въ трудамъ моимъ, обязанностію также поставляю повпорить мою признательность Особамъ, удостоившимъ меня своей довѣренности сообщеніемъ частныхъ происшествій, до предмета моего касающихся.

Благосклоннымъ принятіемъ первого моего сочиненія поощренный, съ надеждою на шакоеже, предприемлю я сдѣлать извлеченіе изъ журнала, доставленнаго мнѣ однимъ изъ поварипей моихъ съ тѣмъ, чпобы я воспользовался онымъ при печатаніи моихъ записокъ. Но какъ журналъ его заключаешъ въ себя событія 1804 года, высадку нашихъ и Англинскихъ войскъ подъ предводительствомъ

Генералъ-Аншефа де Ласси въ Неаполь, описаніе великолѣпной сей столицы съ ея окрестностями, итакъже Гаэпы, Венеціи и многихъ другихъ городовъ, въ коихъ я не былъ; посему и софъповалъ ему переложить журналъ въ письма и напечатать оныя особо, на что онъ и согласился, предославя изданіе оныхъ моему попеченію. Тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ принялъ я на себя сей трудъ, что журналъ его какъ по оригинальности слога, такъ и по любопытнымъ замѣчаніямъ, съ вѣкошорою увѣренностію могу думать, доставившъ любителямъ словесности пріятное, занимательное и полезное чтеніе; и припомъ вмѣстѣ съ моими записками составившъ полное обзорніе пѣхъ странъ, въ которыхъ флотъ нашъ отъ 1804 до 1810 годъ находился. По выходѣ въ свѣтъ сихъ писемъ, если обстоятельства позволятъ, надѣюсь такъже опудать въ печать продолженіе сихъ записокъ, заключающее въ себѣ путешествіе мое отъ Триестна до С. Петербурга.

В... Б...

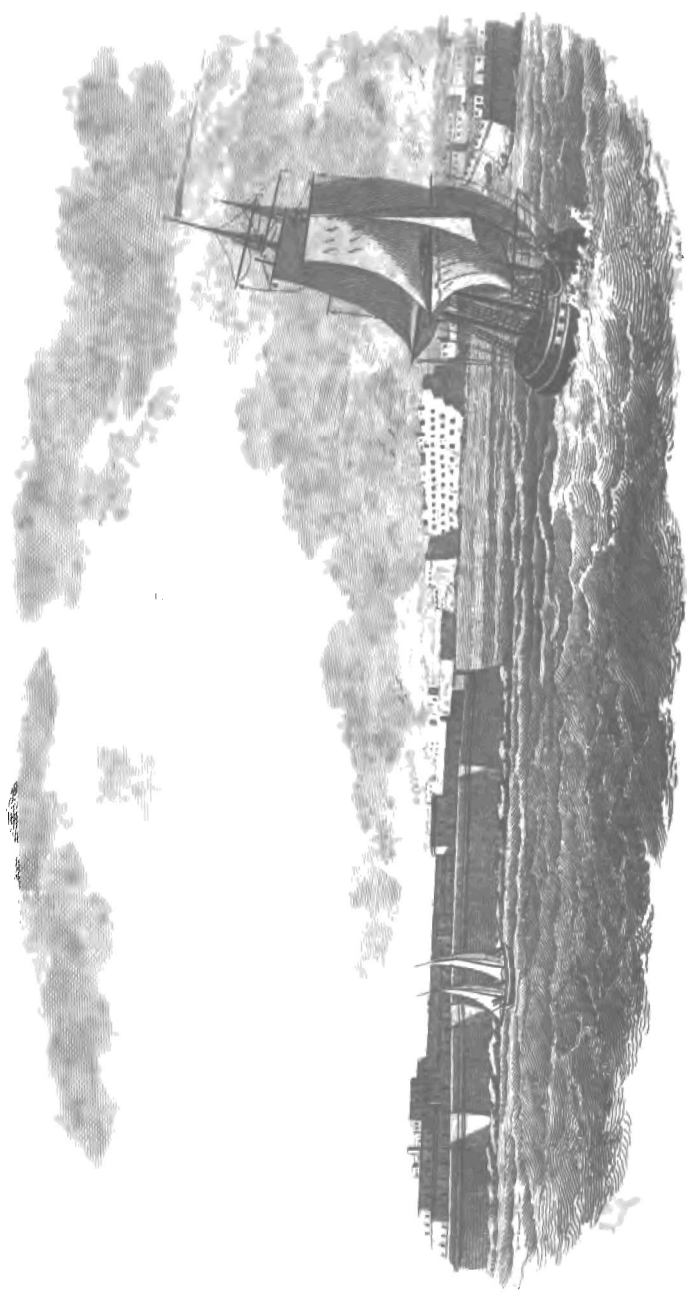
О Г Л А В Л Е Н И Е.

	Стран.
<i>Возращеніе фрегата Венера въ Средиземное море</i> -	3.
ПРЕВЫВАНІЕ ВЪ ПАЛЕРМА:	
<i>Портъ и укрѣпленія</i> -	9.
<i>Два знакомства</i> -	10.
<i>Монастырь св. Мартына</i> -	14.
<i>Монпѣ-Реале</i> -	27.
<i>Белведеръ</i> -	31.
<i>Пещера святой Розаліи</i> -	34.
<i>Китайскій домикъ</i> -	58.
<i>Королевское собраніе</i> -	40.
<i>Дворецъ</i> -	45.
<i>Больница бѣдныхъ</i> -	53.
<i>Поле мертвыхъ</i> -	56.
<i>Дворянское собраніе</i> -	60.
<i>Гримальди</i> -	63.
<i>Рыбная ловля</i> -	66.
<i>День модигео свѣта</i> -	69.
<i>Нѣчто о правахъ и бытаяхъ</i> -	78.
<i>Церковные обряды на спраспной и въ недѣлю Пасхи</i> -	93.
<i>Дворянство</i> -	105.
<i>Духовенство</i> -	107.
<i>Народъ</i> -	109.
<i>Правленіе</i> -	111.
<i>Законы и судопроизводство</i> -	115.
<i>Власть Короля — Доходы — Войска</i>	121.

	Стран.
<i>Древности</i> - - - - -	129.
<i>Минеральныя воды — Произведенія —</i> <i>Торговля</i> - - - - -	136.
<i>Война съ Анеліею — Сдача фрегата Ве-</i> <i>нуса Сицилійскому Правительству -</i>	142.
<i>На пути отъ Палермы до Тріеста. —</i> <i>Нѣкто о Мессинѣ</i> - - - - -	174.

ПРЕБЫВАНІЕ ВЪ ТРІЕСТѢ.

<i>Портъ и укрѣпленія</i> - - - - -	192.
<i>Карантинъ</i> - - - - -	194.
<i>Взглядъ на городъ</i> - - - - -	205.
<i>Боскетто-Сантѣ-Андрея</i> - - - - -	210.
<i>Театръ</i> - - - - -	215.
<i>Карнавалъ</i> - - - - -	227.
<i>Гротъ въ Липцахъ</i> - - - - -	231,
<i>Поступки Французовъ въ Тріестѣ</i> -	235.
<i>Произшествія во время пребыванія Рос-</i> <i>сійской Эскадры въ Тріестѣ. — Воз-</i> <i>ращеніе въ Россію</i> - - - - -	249.
<i>Отвѣздъ Принца Регента Португальска-</i> <i>го въ Бразилію. — Лиссабонскій договоръ</i>	264.
<i>Продолженіе дѣйствій Россійской Эска-</i> <i>дры въ Портсмутѣ — Поднесеніе Ви-</i> <i>це-Адмиралу Сенявину вазы. — При-</i> <i>бытіе въ Ригу</i> - - - - -	292.
<i>Эскадра Капитана Гетцена въ Тулонѣ</i>	310.
<i>Шмелъ Шпицбергенъ въ Портѣ Виго</i>	315.

Видъ Малиновки.

*Издана въ
Петербургѣ.*

*Издание 2-е, исправлено
и дополнено въ 1840 году.*

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ,

СОДЕРЖАЩАЯ ПРОИСШЕСТВІЯ ОТЪ ОБЪЯВЛЕНІЯ ВОЙНЫ АН- ГЛІИ ДО ВОЗВРАЩЕНІЯ ВЪ РОССІЮ.

ВОЗВРАЩЕНІЕ ФРЕГАТА ВЕНУСА ВЪ СРЕДИЗЕМНОЕ МОРЕ.

Какъ слухи о войнѣ Россіи съ Англіею подшверждались болѣе и болѣе, и какъ извѣстно стало, что Принцъ-Регентъ, по невозможности защищаться проптиву превосходнаго числа Французскихъ войскъ, вступившихъ въ Португалію, рѣшился переѣхать въ Бразилію; но, по симъ политическимъ обстоятельствомъ, также и по невозможности, прежде весны, возвратиться намъ въ свои Балтійскіе порты, исправи важныя поврежденія кораблей, для коихъ Принцъ Регентъ всѣ нужные матеріалы приказалъ опустушить, Главнокомандующій положилъ зимовать въ Лиссабонѣ. Въ слѣдствіе сего Капитанъ фрегата Венса получилъ повелѣніе опрavitись обратно въ Средиземное море, съ какою тамъ эскадру Капитанъ-Командора

Часть IV.

1

Баратынскаго, и дашь ему знать куда идти для соединенія со флотомъ, также отвезишь депеши въ Палерму къ Министру Д. П. Тапищеву и повелѣнїя въ Корфу. Капитану фрегата Спѣшнаго, который съ однимъ транспортомъ отправленъ былъ изъ Россіи для доставленія на флотъ денегъ и запасовъ, и остановился въ Поршмутѣ въ ожиданіи прибытія шуда флота, послано также повелѣніе, чтобы онъ немедленно шелъ въ Лиссабонъ.

По болѣзни Капитана Е. Ф. Развозова фрегатъ нашъ порученъ Капитану К. И. Андреевскому. 9 го Ноября, при шихомъ вѣтрѣ, снялись мы съ якоря; печеніемъ навалило насъ на корабль Репвизанъ, однакожь разошлись съ нимъ безъ всякаго вреда. Никогда съ такою неохотою не оставляли мы флота, какъ теперь; какое то шайное предчувствіе приводило каждого въ скуку, и мы думали, что надолго разлучаемся съ шоварищами. Вышедъ въ море большимъ фарватеромъ, увидѣли въ Каскаіѣ Англинскую изъ 7 кораблей эскадру, стоящую на якорѣ, которую давно ожидали для способствованія переѣзда Королевской фамиліи въ Америку. Шлюпъ, принадлежащій сей эскадрѣ, подошелъ къ намъ, спрашивалъ именемъ своего Командира-Адмирала Сиднея Смита, куда идемъ и здоровъ ли нашъ Вице-Адмиралъ? Получивъ отвѣтъ, Англичане пожела-ли намъ добраго пути, а мы поставивъ всѣ паруса, при Сѣверномъ умеренномъ вѣтрѣ, скоро пошерали изъ вида всѣ береговые предметы.

Лиссабонъ, величественная рѣка Таго со множествомъ кораблей, оспались только въ воображеніи, и мы, не видя ничего кромѣ неба и воды, и вдали играющей зарницы, какъ осиротѣвшіе, одни безъ всякаго шоварищества плыли къ югу въ необозримое пространство Океана. Ночью зарница увеличилась до того, что вся небесная свѣрдъ покрылась багрянымъ цвѣшомъ, пламенила подобно раскаленному металлу и представляла зрѣлище великолѣпное и шихое; но вдругъ нашель шкваль ошъ Сѣверо-запада, зарница угасла, темноша сдѣлалась непроницаемая, скоро съ крѣпкимъ вѣшромъ началась гроза, удары грома были шоль сильны, что казалось самый небесный сводъ колеблешся. Сильный шумъ по мѣрѣ приближенія увеличивавшійся, въ оспорожностъ принудилъ насъ убрать верхніе паруса; но мы обманулись; вмѣсто ожидаемаго съ той стороны вѣшра, былъ дождь шоль обильный и благосворный, что чрезъ полчаса гроза умолкла: вѣшрь уменьшился, небо очистилося, заблещали звѣзды и сребристая луна показалась во всемъ блескѣ.

10го Ноября при ясной погодѣ и умѣренномъ вѣшрѣ обошедъ мысъ Сантъ-Винцентъ, встрѣщились мы съ шлюпомъ Шницбергеномъ. Командиръ онаго Капишанъ-Лейшенантъ Качаловъ былъ очень доволенъ, что ему иди въ Лиссабонъ, а не далѣе; ибо онъ не зналъ гдѣ флотъ находится. Шлюпъ сей, не успѣвъ обойти при крупомъ бейдевиндѣ ошровъ Маринимо, поворошомъ на другой галсъ ушрашилъ

время не болѣе часа, и отспалъ опъ флоша на 45 ть дней, въ продолженіи кошорыхъ въ плаваніи Средиземнымъ моремъ имѣлъ всегда пропивные вѣпры, а мы напропивъ шли всегда попушнымъ. Вошь примѣръ, сколь драгоценны минушы для мореходцевъ. Шлюпъ для налишя водою заходилъ въ Гибралшаръ, гдѣ опъ Англинскихъ купцовъ получилъ нѣсколько провіанта, не смотря на шо, что слухъ о войнѣ почти былъ досповѣрный, они не усумнились отпустить припасовъ подъ росписку Капитана на значущую для нихъ сумму.

11-го Ноября чѣмъ ближе подходили мы къ Гибралшарскому проливу, вѣпръ свѣжѣлъ, небо покрылось мрачностію. Гибралшарская скала показывается опъ спороны океана остро-вомъ (*); другая, находящаяся на Варварійскомъ берегу, называемая Обезьянная гора, также издали кажешся остро-вомъ; почему въ пасмурную погоду крайне остерегашся должно, дабы принявъ одну за другую, идучи изъ Средиземнаго моря не найши на низкой перешекъ Малбаія, соединяющій Гибралшаръ съ маперымъ берегомъ или не подвергнушыся опасности въ Тешуанскомъ заливѣ, гдѣ Обезьянная гора возвышаешся въ видѣ сахарной головы. Гибралшарскій рейдъ очень неудобенъ, шолько у Новой Мола, корабли могушь спановишыся на якорь на 10 саженьяхъ глубины,

(*) Смотря видъ Гибралтара.

грунтъ песчанистой и съ раковинами перебиваешь канатъ. При западномъ вѣтрѣ опъ большаго волненія опасно оставаешься на рейдѣ, а при воспочныхъ бывають споль сильныя порывы, что корабли срываетъ съ якорей. Въ Новой Молѣ помѣсшишься могушь полько пять кораблей, въ старой же до десяти малыхъ судовъ, что при недостаткѣ воды и съѣстныхъ припасовъ дѣлаеть Гибралтарскій портъ неудобнымъ и опаснымъ.

Намъ должно было изъ Гибралтара послать рапортъ къ Адмиралу, но западный вѣтръ былъ шакъ силенъ, что ни спашъ на якорь, ни послать шлюпку въ городъ было не возможно, къ счастью у самага Европейскаго мыса встрѣшилось съ нами Американское судно, шедшее въ Лиссабонъ, шкиперъ охотно взялся доставить рапортъ Адмиралу. Едва вспутили мы въ Средиземное море, воздухъ и небо все перемѣнилось, въ океанѣ погода посюянно была пасмурная и суровая, шеперь же настала самая пріятная; умѣренныя попушныя вѣтры не заспавили насъ скучать медленнымъ плаваніемъ, небо было ясно, воздухъ шепль, а въ полдень даже жарокъ. Вчера будучи въ шойже широтѣ, въ Океанѣ было холодно, а сего дня какъ бы нечаянно перешли въ другой климатъ. Плаваніе наше Средиземнымъ моремъ до Сардиніи было благополучно, перемѣна предметовъ до мыса Гапо занимала меня безпрешанно. Одинъ разъ ночью подошли мы споль близко къ берегу,

что зашпилила, совершенная пишина нарушалась шокмо вплескомъ волнъ, разбивавшихся о кремнистую скалу, грозно предъ нами стоявшую. На вершинѣ ея видно было нѣскольکو хижинъ; кое-гдѣ мелькали въ окнахъ огоньки. Съ неизъяснимымъ удовольствіемъ внимала я звонкому голосу спорожевыхъ собакъ, вображала себѣ, что пушешествую по землѣ, и упомившись ошъ дальняго пуши, спѣшу въ деревню на ночлегъ. Все, что составляетъ противоположность съ мяшежною нашею жизнью, все, что связуешся въ мысляхъ съ сельскою бышностью, привлекаеш и нравишся мореходцамъ, ибо и споль обыкновенные предметы рѣдко имъ предсавляются; мы еще большую ощущаемъ радость шѣхъ, которые на короткое время лѣтомъ переѣзжаютъ изъ столицы въ деревню.

У Сардиніи встрѣшилъ насъ прошивный вѣшрь, пять дней лавировали мы въ виду оной и едва на сто верспъ подвинулись впередъ, однакожъ не безъ пользы провели сіе скучное время, по точнымъ наблюденіямъ наши, что наша и Англинская карта невѣрны, по нашей Сардинія опнесена къ Сѣверу на 2, а по Англинской на $4\frac{1}{4}$ Нѣмецк. миль; островокъ Торо, на первой опнесенъ на NO 50 градусовъ на 9 Нѣмец. миль, а на послѣдней на NO 38 градусовъ на 6 Нѣмец. миль. 20 Ноября при безпокойной зыби, оставшейся ошъ крѣпкаго вѣшра, усмошрѣно, что голова руля сгнила и сверху раскололась. Послѣ

шпиля, продолжавшагося по 21 число, подулъ свѣжій поупный вѣтръ; быстро перешли мы пространство, раздѣляющее Сардинію, отъ Сициліи, 22го Ноября, великолѣпная Палерма, покрывая легкимъ отъ испареній шуманомъ, открылась, и мы бросили якорь между Молою и Англинскою эскадрою, состоящею изъ 5 кораблей и 2 фрегатовъ. Вице-Адмиралъ Торнброу имѣлъ флагъ свой на сшо-пушечномъ кораблѣ Рояль-Соверинъ.

ПРЕБЫВАНІЕ ВЪ ПАЛЕРМѢ.

Портъ и укрѣпленія ().*

Обширный заливъ, заключенный мысомъ *Собрано* отъ востока и горою *Палегрино* отъ запада, открытый Сѣвернымъ вѣтрамъ, дѣлаешь Палермскій портъ только въ лѣтнее время удобнымъ. Корабли оспанавливаются предъ городомъ на глубинѣ 18 и 20 сажень, грунтъ иль съправою. Сѣверо-восточный вѣтръ разводитъ большое волненіе; почему противу его и должно класть фертоингъ. Въ Моло длиною 200 сажень, укрѣпленной двумя малыми крѣпостями, изъ коихъ въ крайней къ морю зажигается каждую ночь фонарь. Три или чешыре корабля и сполько же фрегатовъ на глубинѣ 5 и 6 сажень могутъ укрыться отъ

(*) Смотри карту.

всѣхъ вѣшровъ. Городъ обнесенъ четыре-угольною стѣною, съ башнями, имѣетъ четверо вострошъ прямо на Сѣверъ, Югъ, Востокъ и Западъ; нушекъ на стѣнахъ вѣшъ, и самая Цишадель, подлѣ Сѣверной стѣны находящаяся, и редушъ, на концѣ набережной построенный, могутъ защищать городъ, только съ моря и по слабо. Не смотря на неудобство порта, рейдъ всегда полонъ военныхъ и купеческихъ кораблей. Палерма, по торговлѣ соперница Мессинѣ, и уступаетъ ей только по тому, что гавань послѣдней, искусствомъ и природою сдѣлана совершенно покойною. Изъ Палермы отправляется много хлѣба, вина, масла, плодовъ, шелковыхъ матерій, манны и разныхъ лѣкарственныхъ правъ.

Д в а з н а к о ж с т в а .

Подъ всѣми парусами вошли мы въ гавань и стали подлѣ Архимеда, одного поком линейнаго корабля, оставшагося у Неаполитанскаго Короля. Множество любопытныхъ собралось на Молѣ. Нѣсколько хорошо одѣтыхъ господъ просились взойти на фрегатъ; Капитанъ имъ позволилъ, а я съ чешырьми товарищами поѣхалъ на берегъ. Переѣздъ былъ коротокъ, строило только шолкнуть яликъ и мы вышли на приспань, скорыми шатами прошли мимо арсенала, попомъ широкую аллею, чрезъ главныя ворота вошли въ улицу Макведа и лишь спутили на шрошуаръ, шолпа маленькихъ мак-

леровъ, предложили услуги, кому что угодно? мы не могли ихъ опъ себя опогнашь, вечеръ имъ благопріятствовалъ. Куда ишши спросилъ одинъ изъ поварищей? Въ саду конечно шеперь ни кого нѣтъ, а въ театръ еще рано, разумѣю, что ты хочешь сказашь, пойдёмъ..... опвѣчалъ другой... и они пошли за замаранными амурами. Я оспался одинъ, вѣспники Сиренъ вершѣлись предо мною, выхваляли, божились; я смѣялся и продолжалъ ишши, какъ вдругъ нѣкто сзади меня сказалъ: если позволише спросишь, конечно вы иностранецъ? Въ первомъ движеніи я хвашился за карманы; но при свѣтѣ фонаря увидѣлъ щеголевахо одѣшаго молодаго челоуѣка, въ лицѣ котораго ничего не было злаго. Успокоившись опвѣчалъ ему, что я Руской, tanto meglio, продолжалъ незнакомецъ, не вѣрете, сударь, этой городской чумѣ (Pesta di citta); наши Сирены очень опасны. Поблагодаривъ за благой совѣтъ, я просилъ Барона N., шакъ онъ себя назвалъ, на чашку шеколада. Баронъ выпилъ не одну, не опказался и опъ рюмки вина и опорожнилъ цѣлую буылку. Слова текли рѣкою комплименшы, высокій пишулъ Eccellenza! похвала моему благоразумію, и наконецъ предложение взять лоуу въ театръ, ни малаго не подавали миѣ повода, думаешь о немъ иначе, какъ о самомъ благовоспишанномъ челоуѣкѣ. Почишая себя знающимъ физиономисшомъ, я обращался съ Барономъ съ довѣренностію, но обманулъ и обманулъ жестко. Мы вмѣстѣ

рука съ рукой пошли въ театръ, взяли ложу въ Бенуаръ. Занавѣсъ еще не поднимался, театръ былъ полонъ, разумѣется, чтожъ было дѣлать; какъ не смотрѣть на право, на лѣво, въ раекъ и партеръ; замѣшивъ одно прекрасное лице, спросилъ я друга своего (шакъ онъ уже меня называлъ) не знаешь ли онъ этой дамы, которая сидѣла въ прошивной отъ насъ ложѣ. Очень знаю, я нѣкогда ей нравился, теперь въ чистой отставкѣ и числюсь въ длинномъ спискѣ ея друзей. Я покрасивѣлъ отъ вѣселаго опивѣнія, и досадовалъ на Лафатера, однакожъ не вѣрилъ, чтобы прелестная дама была шакъ вѣтрена. Впрочемъ не слишкомъ желая, чтобы она была посшоянна, скоро согласился на доводы ея стараго друга, который тушьже предложилъ познакомить меня съ нею и ручался, что я хорошо буду принять. По окончаніи перваго дѣйствія Баронъ подчивалъ меня мороженымъ, ликеромъ, конфектами, и послѣ втораго дѣйствія пошелъ въ ложу къ дамѣ. Вскорѣ по выходѣ его вошелъ слуга и просилъ съ меня червонецъ за лакомство, я догадался кто былъ Баронъ, хватился за карманъ и плашка въ немъ не было. Баронъ больше не возвращался.

Двѣ дамы, сидѣвшія въ ложѣ подлѣ моей, сожалѣли, что у нихъ въ сполницѣ шакъ много плушовъ, которые весьма искусно обманываютъ добрыхъ иностранцевъ. Это сожалѣніе было достапочнымъ вознагражденіемъ за два червонца и плашокъ. Разговоръ начался, въ

продолженіи кошораго и подумалъ, что прекрасная Люкреція (имя Маркизы) должна быть подобна Римской, но скоро поссорился съ Лафатеромъ и первое заключеніе было невѣрно. Театръ кончился, я подалъ руку дамамъ, свелъ ихъ съ лѣспницы, помогъ войши въ карешу, меня поблагодарили и напомнили, что завтра въ Флорѣ будешь большее гулянье. Медленно возвратился я на фрегатъ, а на другой день очень заблаговременно пришелъ въ садъ, и послѣ прехъ часовъ скучнаго исканія, наконецъ встрѣчаю Маркизу съ прекраснымъ молодымъ кавалеромъ! Она меня рекомендовала ему, но такъ холодно, что я поклонившись хотѣлъ ийти другою аллеєю; къ счастью подруга ея была одна, надобно было подать ей руку. Маркиза изрѣдка обращалась ко мнѣ съ двумя, шремя словами, и я скоро исправясь отъ перваго впечатлѣнія, увидѣлъ пристань куда должно было мнѣ править. Дама, кошорую я велъ, была молодая вдова и сестра Маркизы, Донъ Розаріо, кавалеръ ея, богатый дворянинъ, ловкій и любезный молодой человекъ; онъ старался снискашь мою довѣренность, мы съ нимъ въ нѣсколько минутъ познакомились шакъ корошко, что проводя дамъ домой ужинали вмѣстѣ, и отъ всего сердца смѣялись двумъ моимъ неожиданнымъ знакомшвамъ.

Монастырь Св. Мартына.

Мы располагались пробыть въ Палермѣ шолько нѣскольکو дней, но судьба, которая самонравно располагаетъ всѣми случаями, удержала насъ нѣскольکو мѣсяцовъ въ сей мраморной столицѣ Неаполитанскаго Короля; я говорю мраморной, ибо здѣсь оный упопребленъ какъ у насъ кирпичъ и дикой камень. Въ продолженіе пятимѣсячнаго пребыванія въ Палермѣ я имѣлъ время замѣпить въ ономъ много любопытнаго; выберу лучшіе предметы и во первыхъ скажу, монастырь Св. Мартына достоинъ особаго вниманія всякаго путешественника.

Монастырь сей почитается изъ богатѣйшихъ въ Европѣ, построень въ горахъ въ разстояніи ошъ Палермы въ 12 верстахъ. Товарищи мои, бывшіе въ немъ, рассказывали много хорошаго; но жаловались на дурной приѣмъ. Сему была причина, они ошиблись въ выборѣ провожащаго, почно шакъ какъ я въ Баронѣ. Казначей монастыря, чрезъ нѣскольکو дней посѣшилъ фрегатъ, объяснилъ причину прежняго холоднаго приѣма и просилъ сдѣлать монастырю честь вторичнымъ посѣщеніемъ, назначилъ день и прислалъ для сопровожденія насъ одного изъ своихъ собратій, монаха умнаго, веселаго и говорившаго по Французски и по Англински. Мы опправились въ чепырехъ наемныхъ весьма красивыхъ коляскахъ. Дорога чрезъ равнину окружающую Палерму

шла между садовъ. Приблизившись къ горамъ, споль величественно равнину облегающимъ, вдругъ всѣ предметы перемѣнились. Излучистая бишая дорога шла на крушую гору и между скаль опчасу спановилась спрашняе и запрудншельнѣе; по одну спорону былъ высокій утесъ, по другую пропасть. Лошади часно оспанавливались и опдыхъ не укрьплялъ ихъ силъ, мы шли пѣшкомъ скинувши кафшаны и чрезмѣрно усшали, наконецъ вдали опкрылось великолѣпное зданіе, оно скоро опять скрылось и съ нимъ шрудная дорога перемѣнилась въ ровное какъ подъ шоссе; мы вѣхали въ широкую аллею, кошорая привела насъ къ спѣнамъ монаспыря.

Колокольчикъ зазвенѣлъ, желѣзныя рѣшетчатыя вороша на шяжелыхъ веренхъ скрипнули, опворились, монахъ, распрысканный духами, съ благородною осанкою, встрѣпилъ насъ поклономъ и просилъ оставиши наши шпаги у приврашника; въ улѣщеніе наше онъ прибавилъ, что самъ Король дѣлаеть поже (*). Вошедъ на обширный, усыпанный пескомъ дворъ, мы увидѣли длинный фасадъ монаспыря, у кошораго фронтонъ и поршникъ, лежащіе на стройной колоннадѣ, дѣлали его похожимъ болѣе на царскій чершогъ, нежели на скромное жи-

(*) Женщипамъ, какого бы званія онъ ни были, запрещеть входъ въ сей монаспырь, по монахамъ не запрещено видѣть ихъ мѣ онаго.

лице опшельниковъ. Въ сѣняхъ, ведущихъ въ парадной лѣсшницѣ, представляется взору монументъ Св. Маршына. Конная спашуя въ Срацынской военной одеждѣ, поставленная на камнѣ, подобномъ подножію спашуи Петра Великаго, изображаетъ свяшаго Маршына, раздирающаго свою мантію; подлѣ него бѣжипъ нищій и принимаетъ половину оной. Конь, свяшій и нищій хладны какъ мраморъ, изъ котораго они сдѣланы; въ монументѣ нѣтъ искусства, отдѣлка очень посредственна. Сполъ огромный монументъ въ сѣняхъ, ошнимая видъ у себя и у оныхъ, совершенно не соопвѣпшпвуемъ красотѣ лѣсшницы. Въ самыхъ сѣняхъ встрѣпили насъ нѣскольکو монаховъ. По бѣлой мраморной парадной лѣсшницѣ, прикасаясь рукою къ агашовымъ периламъ, прошли мы къ огромнымъ дверямъ, онѣ предъ нами раскрылись и мы вошли въ длинную и высокую залу. Мраморный паркешъ, плафонъ раскрашенный, широкіе карнизы и чрезвычайный свѣпъ, оспражаемый ошъ бѣлизны мраморныхъ стѣнъ, даюпъ великое поняшіе о богатствѣ монашсря сего. Проходя попомъ длиннымъ коридоромъ, пересѣченнымъ накрешъ другимъ, гдѣ выспавлены были порпшепы кардиналовъ, свяшыхъ мужей и настояшелей сего монашсря; попирая ногами разноцвѣпные мраморы, вошли мы въ пріемную комнату. Какое великолѣпіе! шпучный полъ, изъ зеленаго, сѣровашаго и чернаго мрамора составленный,

порфирный каминъ, бѣлыя спѣны съ розовою каймою, широкіе промежутки между оконъ, украшенные огромными зеркалами, рѣзная позолоченная мебель, и весь сей совокупный блескъ изумилъ меня, и въ тоже время возродилъ во мнѣ мысль, что роскошь сія излишня для монаховъ. Что же долженъ я сказать о томъ, что видѣлъ послѣ? Согласись, что монахи хорошо употребляютъ 300.000 рублей своего годового дохода.

Предъ диваномъ, на которомъ мы посажены были, вдругъ отворяются настежь множество дверей, одна за другою; въ приемную вбѣгаешь малаго роспа монахъ, въ длинной шелковой маншіи и четверугольной шапочкѣ; за нимъ вдали, съ поникшимъ взоромъ шли попарно человекъ 30 шучныхъ, румяныхъ монаховъ. Маленькой монахъ былъ Настоятель. Онъ, не дожидая нашего привѣтствія, насаказалъ намъ пысячу вѣжливостей, садился, вспавалъ, обращался съ разговоромъ шо къ шому, шо къ другому, весьма живо и ловко перемѣнялъ всѣ положенія шѣла; пошомъ жаловался, что уже дни при шоишъ дурная погода, что онъ не можетъ сносить холода, и думаетъ, что онъ въ Россіи замерзъ бы при первомъ ушренникѣ, пошомъ божился и увѣрлялъ насъ, что эшо ешь рѣдкая нечаянность случившаяся съ Палермскимъ климатомъ; наконецъ перемѣнивъ и понизивъ свой голосъ, который былъ довольно громокъ, продолжалъ медленно: „я увѣренъ, что почтен-

нѣшіе господа Рускіе удостояшъ раздѣлишь съ нами скудную нашу трапезу. „Поблагодаривъ за приглашеніе, и дабы не дашь ему времени начашъ новый разговоръ, одинъ изъ насъ просилъ позволенія осмотрѣшь церковь и другія достопамятности монастыря. Все, что вамъ угодно; располагайте мною, приказывайте; я самъ бы за особенное удовольствіе пошелъ сопровождать васъ; но старость моя и больныя ноги тому препятствуютъ. Конечно вы пожелаете, продолжалъ Настоятель, прежде всего видѣшь нашу бібліотеку; она имѣеть 40.000 томовъ и много древнихъ рукописей. Музеумомъ, надѣюсь будете довольны, памъ пригоповлена для васъ нечаянности.... Тутъ вступилъ онъ въ ученые разсужденія, разгорячился, говорилъ весьма краснорѣчиво, замысловащо, и открылъ въ себѣ умъ, обогащенный великими познаніями.

Сперва привели насъ въ бібліотеку, помѣщенную въ большой залѣ. Библіотекаръ съ важнымъ видомъ поднесъ намъ кашалогъ, и потомъ по пошребованію нашему подавалъ классическія книги во всѣхъ родахъ наукъ, а въ заключеніе положилъ предъ нами нѣскольکو рукописей Греческихъ, Лашинскихъ, Еврейскихъ и Гопѣскихъ; мы перебирали листы въ первыхъ съ видомъ учености, а на послѣднія только взглянули; никто изъ насъ, да и самыя монахи, какъ я думаю, не разумѣли, что въ нихъ написано. Самая любопытная

изъ рукописей была посланіе къ Римлянамъ Апостола Павла, какъ увѣряли насъ, писанная имъ самимъ; наконецъ показывали намъ какой-то Славянскій свитокъ, въ которомъ, кромѣ нѣкоторыхъ буквъ, большею часпію съ пергамина спершихся, ни одного слова разобрать не могли. Мы думали, что рукопись сія есть Болгарская, писанная въ 12-мъ или 13-мъ столѣтіи.

Изъ библіотеки перешли мы въ Музеумъ. Нѣсколько залъ исполнены всякаго рода рѣдкостями. Разсматриваніе каждой изъ нихъ порознь заняло бы охотника до древностей нѣсколько дней. Но Мы на ихъ только взглянули и обошли всѣ залы кругомъ. Первая составляетъ арсеналь, наполненный ружьями, пистолетами, разныхъ родовъ кольчугами, шлемами, мечами, сѣкирами, бердышами и булавами. Вторая занята собраніемъ рѣдкихъ древнихъ произведеній, какъ то чашъ, слезохранилищъ, обломковъ древнѣйшихъ статуи, вывезенныхъ изъ Греціи, и между прочими шуловище Юпитера, также нѣкоторыя Египетскія ипуканы и Греческихъ храмовъ корнизы, барельефы и рельефы. Тутже хранится рѣдкое собраніе медалей Сиракузскихъ, Карфагенскихъ, окаменѣлостей и множество Эпурскихъ сосудовъ. Въ сей залѣ по обѣ стороны дверей поставлены двѣ восковыя статуи во весь ростъ Императриць Екатерины II и Маріи Терезіи. Въ лицѣ Великой нашей Царицы машери, къ сожалѣнію нѣтъ ника-

*

кого сходства, одежда же ея состоить изъ фуры на фижмахъ, корсетъ сдѣланъ изъ раковинъ наподобіе чешуи, выдумка неудачная и монахи общали намъ перемѣнить головной уборъ и сдѣлать спашую повыше ростомъ. Спашуя Маріи Терезіи еще хуже отработана; взглянувъ на нее нечаянно, можно испугаться. Третья зала наполнена произведеніями моря и земли, въ числѣ послѣднихъ показывали намъ на небольшемъ кускѣ бѣлаго мрамора удивительную игру природы, которая изобразила на немъ дерево споль сходно, что одинъ Англинскій путешественникъ желая увѣришься не нарисовано ли оно, купилъ кусочикъ, разбилъ оный, и подарилъ обратно. Въ числѣ минераловъ находятся и Сибирскіе. Въ четвертой самой большой комнатѣ, видѣлъ я спроусовъ, пеликановъ, тигровъ, крокодиловъ, гіенъ, львовъ, Венерь, дѣвочекъ, спариковъ и дѣшей, въ чучелахъ, спашуяхъ, наконецъ уродовъ въ спиртѣ и видѣлъ ихъ сполько, что утомился смотрѣніемъ, и въ заключеніе признаюсь должно, что я почти ничего не видалъ; наконецъ монахъ, насъ провожавшій, съ улыбкою выноситъ, кладетъ на споль богатый сафьянный футляръ, вынимаетъ изъ него черной глины сосудъ и съ важносцію говоритъ: вошь кубокъ, изъ котораго Сокрапъ принялъ ядъ! (*Si signori!*)! да, милосшивые Государи! Сокрапъ принялъ ядъ! При семъ приподнялся онъ нѣсколько, и близко къ нашимъ глазамъ держалъ обѣими

руками сосудъ. Товарищи его и мы улыбнулись. Хранитель рѣдкоспей, не перемѣняя лица, показалъ одному изъ насъ Греческую надпись на сосудѣ: *Socratus* и спросилъ: не ужели и шеперь вы сомнѣваетесь! Чпобъ не податъ повода сему спрасптному любителю древноспей еще сильнѣйшими убѣждашь насъ доказашельспвами, мы согласились, и вошли въ послѣднюю комнапу, занятую Анапомическимъ шешромъ, доспойнымъ особаго вниманія. Восковыя части шѣла опдѣланы, каждая порознь, съ шакимъ искуспвомъ и шочностію, чшо представляющъ съ совершенствѣ брешный и мудрый сосшавъ внушрешноспей челошва.

Изъ Музеума, шемными переходами, привели насъ въ церковь. Какая мрачностъ, обширностъ и великолѣпіе! вошъ первыя слова, которыя скажешъ при вспупленіи. Едва вышли мы на средину храма, сошряслись своды его, громкій маршъ ошпановилъ, привелъ меня въ изумленіе. Роскошный блескъ металловъ, драгоценныхъ мраморовъ и мусикійское согласіе, перешедшее въ шихій гимнъ, напоминали присутствіе Того, Кого мы не постигаемъ, но ошщушаемъ въ самихъ себѣ и въ каждомъ предметѣ. Органы, конечно были дѣломъ великаго машера, онѣ подражающъ 40 инструментамъ. Помощію механизма, надувающаго мѣхи, дѣйствуютъ шакже лишавры и гармоника двухъ родовъ: первая изъ металлическихъ колокольчиковъ, шшорая изъ хрушала.

На органахъ играютъ только два человѣка. Дѣйствіе опголосковъ споль сильно, что когда перешли играть, поющіе звуки еще дояго были слышимы. На главномъ придѣлѣ Св. Мартына, замѣчательна прорѣзная серебряная доска, наложенная на малиновомъ бархатѣ и служащая украшеніемъ престола; работа по истиннѣй искусная и прекрасная. Предъ симъ же олшаремъ споятъ два большихъ золотыхъ подсвѣчника, они только по тому хороши, что спюютъ 15,000 унцій (по нынѣшнему курсу около 200,000 рублей). Изъ множества карпинъ и спашуй, которымъ можно удивляться, при оспались въ моей памяти. 1.) *Жертвоприношеніе Авраама*. Сія карпина удивительна по дѣйствию ея производимому. Патріархъ подъемлеть жертвенный ножъ для закланія сына; въ лицѣ его, обращенномъ къ небу, видишь вѣру и надежду на Бога, и хопя замѣчаешь Ангела спѣшно парящаго, дабы удержашъ его руку, но при всемъ томъ цѣпенѣешь отъ ужаса, боишься, что Авраамъ скоро кончинтъ свою молитву; ибо Ангель еще далеко, а Патріархъ кажется уже обращаетъ голову къ сыну. 2.) *Иаковъ*, сидяцій на одрѣ, приемлеть окровавленную одежду Іосифа. Горестъ ошца, сѣдинами убѣленнаго, расперзанная его одежда, одна рука приложенная къ слезящимъ глазамъ, выпадающая изъ другой руки Іосифова одежда, притворная печаль однихъ, искренняя скорбь другихъ, взаимныя укоризны, изобра-

женныя на лицахъ сыновъ его окружающихъ, не имѣютъ ничего себѣ подобнаго. Искусная кисть живописоврила шуть различныя чувства. Переходя взоромъ съ одного лица на другое, не лъзя не плакашь съ однимъ, не лъзя не гнушаешься преступленіемъ другаго, а раскаяніе шрепьяго извлекаешь невольный вздохъ. Не можно даже сказашь, что лучше изображено: горесшь ли опца или шерзаніе совѣсти одного изъ сыновъ его? Самый жестокосердый, несоспрадапелный сказаць бы послѣднему: прощаю тебя. 3.) *Статуя Св. Севастіана*, подражаніе рѣзцу Пуджешову. Выраженіе вѣры и крѣпости въ очахъ, бореніе жизни съ смертію шуть удивительно; гонители пронзили прекрасное тѣло святаго на сквози. спрѣлою и хладный мраморъ точно спрадаешь. Моленіе святаго за своихъ мучителей изображено во взорѣ его неподражаемо; нельзя безъ умиленія видѣшь, съ какою Ангельскою крѣпостію, смиреніемъ ожидаешь онъ послѣдняго вздоха, шой минушы, когда душа перейдетъ изъ временной въ вѣчную жизнь. Въ церкви много превосходныхъ образовъ и спашуй; но послѣ сихъ шрехъ, я сомкнулъ глаза, дабы не выронишь изъ сердца перваго пріятнаго впечатлѣнія. Я не упомянулъ о наружности церкви. Вотъ шри слова: мраморъ, шяжесшь и неспройность.

Провожавшій насъ монахъ спросилъ, не желаемъли видѣшь ихъ кладбища. Товарищи согласились и пошли въ подземелье; я, боясь

сырости, шуда не пошелъ, и съ другимъ монахомъ посѣщилъ прехъ воспитанниковъ. Каждый изъ нихъ былъ запертъ въ особой кельѣ, ошъ коей ключъ у дежурнаго. Не ужели воспитанники ваши навсегда осуждены на споль строгое уединеніе, спросилъ я у Пріора. О! нѣшъ; всему опредѣлено время, они каждый день, когда хоротая погода, могушъ гуляшъ въ саду и должны тамъ, что кому угодно обрабощашъ своими руками; въ дурное время ешъ зала для гимнастическихъ упражненій, и шамъ подъ надзоромъ учителя позволены всякія забавы, приличныя ихъ возрашу; шолько на шѣ часы, когда должны приготошъ свои уроки, они порознь запираюшъся. Монастырь на своемъ содержаніи обучаешъ, кормишъ и одѣваешъ 21-го воспитанника, кои принимаюшъся дефяши лѣшъ, а выпускаюшся 21-го года. По испеченіи сего срока каждый изъ нихъ воленъ избрашъ родъ жизни. По приглашенію сходилъ я въ кельи монаховъ; нѣкторые занимаюшъ шестъ комнатъ, богашо, но безъ вкуса убранныхъ. Надобно знать, что всѣ монахи изъ лучшихъ дворянскихъ фамилій, очень обходишельны, хорошо воспитаны и большая изъ нихъ часть люди ученые, посвятившіе себя наукамъ.

Въ чешыре часа сѣли мы не за скудную монашескую шрапезу, а за обѣдъ самый роскошный, гдѣ *Cassada*, *Mille foglie*, *piato di Priccia o di Premura*, приправленный въ сахарѣ ципроръ и всякаго рода слашши съ ванилью

и шеколадомъ, вина и плоды, подавались одни за другими. Наспояшель показывалъ оспрошу ума своего, шушилъ надъ Волперомъ, превозносилъ похвалами Попе, сожалѣлъ, что не разумѣешь нашего Ломоносова и Державина, шушилъ на счетъ женщинъ, и бранилъ наконецъ Бонапарше; когда вспали изъ за стола, онъ приказалъ воспитанникамъ пѣшь нѣжныя аріи Мепаспазія и уснулъ на диванъ. Мы пошохоньку вышли въ садъ.

Распенія въ Бошаническомъ саду рассажены по Линнеевой системѣ. Монахъ, прудившійся надъ онымъ, съ нажностію, какъ бы съ каеедры, полковалъ намъ свойство каждаго цвѣпка и лиспка. Вычищенной лѣсъ лучше мнѣ понравился, нежели правильный садъ еще неокончанный. Подъ кровомъ ципронныхъ деревъ, на зеленой площадкѣ, въ средопочіи всѣхъ дорожекъ, излучинами какъ бы случайно пробишыхъ, я оспановился и съ полнымъ опъ удовольспвія сердцемъ, сказалъ провожавшему меня монаху: вошь по испиннѣ прекрасной садъ и самой Арמידинъ конечно не былъ лучше сего. Не знаю сущеспвовалъ ли оный когда, ошвѣчалъ мнѣ монахъ, но шопъ, который вы видите, еспъ плодъ сполѣпнихъ прудовъ. Мы вошли въ бесѣдку, построенную на холмѣ, ошкуда ошкрывающися вокругъ монаспыря прекрасные виды. Съ одной спороны показывалась часть песчаной долины, по коей извивалась рѣчка со многими мѣльницами, съ другой зеленоя горы, поросшія лѣсомъ, а въ проме-

жупкахъ ихъ, вдали блискали сребрисыя волны обширнаго моря. Бесѣдуя съ монахомъ между прочимъ узналъ отъ него о происхожденіи ихъ брашства. Въ четвертомъ вѣкѣ, въ память милосердія Св. Мартына, которое объясняетъ спашуя поспавленная въ парадныхъ сѣняхъ, основалось ихъ брашство. Не извѣстно въ какое почно время построень на семь мѣстѣ бѣдный монастырь; при владычествѣ Испанцевъ оный получилъ богатыя помѣстья, состоящія наиболѣе въ мраморныхъ ломкахъ. Монаховъ считаеися нынѣ 80, изъ коихъ 30 живутъ въ Неаполѣ; они Бенедикшинскаго ордена. Настоятель имѣетъ при Дворѣ немаловажную довѣренность.

Монахи приглашали насъ оспашься ночевашь, но намъ должно было возвратиться на фрегатъ; и такъ изъявивъ напу благодарность за вѣжливость и гостепрѣимство, мы сѣли въ коляски, когда уже начинало смеркаться. Вечеръ былъ тихій и пріятный, мы шли нѣсколько пѣшкомъ, въ аллеѣ; повара и слуги монашырскіе, какъ бы не нарочно, вышли пожеласть намъ счастливаго пупи и похвалили Рускую щедрость. Я съ удовольствіемъ далъ одному шалеръ, другой съ умильнымъ видомъ просилъ не забыть и его, я далъ сему нѣсколько гарлинъ, но трешій и четвершій шакже подспавили руки, эшо мнѣ не показалось, и я не сказавъ имъ ни слова, сѣлъ въ коляску. Кучера наши подгнали подъ гору лошадей шакъ скоро, что можно было

догадаться, что и они также участвовали въ монастырской прапезѣ, мы имъ въ помъ не препяпшвовали и хопя на часпыхъ поворопахъ могли сломишь себѣ шею, однакожъ скоро и благополучно проѣхали городъ и прибыли къ приспани.

Монтъ-Реале.

Знакомство наше съ Гвардейскими Офицерами, весьма благовоспитанными молодыми людьми, доспавило намъ многія удовольствія. каковыхъ безъ ихъ руководства мы не могли бы имѣть. Вниманіе Министра нашего Д. П. Тапищева, удовольствія наши содѣлало болѣе разнообразными. Его Превосходительство рекомендовалъ насъ многимъ Вельможамъ, а въ новый годъ въ Королевскомъ собраніи представилъ Королю и Королевѣ. Ихъ Величествамъ угодно было приказать открыть намъ входъ во всѣ общественыя заведенія. Всякой почти день получали мы пригласительные билеты, по отъ Театральной дирекціи, по отъ благороднаго собранія, по отъ какого либо клуба, по отъ монастыря на духовную Орапорію, словомъ мы не видали какъ время прошекало.

Въ одинъ день по приглашенію Гвардейскихъ Офицеровъ, мы поѣхали въ Монтъ-Реале обѣдать. Древній городъ сей построень на горѣ въ семи версахъ отъ столицы; дорога къ нему, высѣченная на боку горы, ведетъ на

вершину оной непримѣшно; съ одной спороны сдѣланы каменные перила, съ другой въ нѣкоторыхъ распояніяхъ красивые мраморомъ убранные водомешы и между ими насажены душистые кустарники. Близъ города изъ отвѣсной голы скалы выходить быспрый ручей, текущій внизъ по спорону дороги и съ стремленіемъ, переходя чрезъ упавшіе съ горы каменя, низвергаешся въ обширный водоемъ, заростшій водяными лиліями. На вершинѣ скалы, изъ коей выходить ручей, посшавлена спашупя молодого человекъ, топоромъ поражающаго ползущую въ воду змѣю; другой молодой человекъ съ камнемъ въ рукахъ идееть къ нему на помощь; шрешья спашупя изображаешъ креспьянку въ спрахѣ пришавившуюся за пнемъ согнившаго дерева. Сію прекрасную дорогу построилъ своимъ иждивеніемъ славный Монть-Реальскій Архіепископъ Францискъ-Марія-Теста, кошорый великое богатство свое употреблялъ на общепользныя и богоугодныя заведенія. Городъ, стоящій подъ навѣсомъ скалы, очень не великъ и бѣденъ; но видъ отъ него на Палерму безподобенъ; названіе Царской горы (*) дано ему по справедливости. Въ городѣ шрактира не было, почему принуждены были занять замаранную хижину, и послать своего повара на рынокъ; но шамъ ничего не

(*) Monte-Realé на Италіянскомъ языкѣ значитъ Царская гора.

доспали и мы должны были бы оспаться безъ обѣда, еслибъ Градоначальникъ, посѣщившій насъ, не вызвался прислать все нужное; мы пригласили его съ собою обѣдать; пока оный гошовили, пошли осматривать древнюю и славную нѣкогда соборную церковь, которая и донинѣ почитается епархіальною одного изъ богатѣйшихъ Архіепископовъ Сицилійскихъ.

Гошическій храмъ сей, подпершій со всѣхъ споронъ кирпичными подпорами, стоишь на видномъ мѣстѣ, на самомъ краю скалы, подмышой водою, такъ что кажешся скоро долженъ упасъ въ пропасть. Частію раскрытая крыша, башенки на оной, разнообразныя, узкія съ фигурными желѣзными рѣшешками окна, въ коихъ спекла большею частію выбишы, мохъ и малыя распенія проникшія и ушвердившіяся въ ращелинахъ на стѣнахъ, придающъ храму видъ глубокой и почщенной древности. Два сильныхъ человекъ едва могли отворить липыя мѣдныя врата, лики свяшыхъ изображены на оныхъ выпукло. Какая жалость! внушенность церкви представляеть разрушеніе. Можешъ бытъ мы были послѣдніе, видѣвшіе оспашки Гошического великолѣпія древнихъ Греческихъ церквей; ибо сія есть одна изъ богатѣйшихъ поспроенныхъ Греками, кои и доселѣ имѣюшь свои церкви и своего Епископа въ Палермѣ. Они сушь Уніаты, признающіе надъ собою власшь Папы. Храмъ имѣешъ видъ базилики. Древняя Моза-

ика на сѣвнѣхъ, достойна особеннаго примѣчанія. Она ссошопъ изъ самоцвѣпныхъ и сосшавныхъ камней; лики свяшыхъ представлены во весь роспъ и очень высоки. Фигуры всѣ Греческія, въ нихъ нѣпъ соразмѣрности и вкуса, полько шѣни положены съ опшѣннымъ шщаніемъ. Главное достоинство сей мозаики ссошопъ въ позолопъ. Все просшранство, гдѣ долженъ быпъ воздухъ, небо и земля, ссошавляетъ золошое поле, не имѣющее и пеперь ни одного пшпа. Позолопа положена на кремнѣ; меня увѣрjali, что искусство сіе нынѣ пошеряно и пошому мозаика сіа еспъ рѣдкость, которую всѣ пушешеспвенники нарочно прѣвжаютъ видѣпъ и выковыриваютъ изъ шѣны по нѣсколькx кусочковъ онаго. Мѣдный помоспъ церкви; вишыя, прямыя, шолспыя и шонкія гранишныя мраморныя и мѣдныя колонны одна на другую не похожія, украшающія иконоспасъ, рѣзныя рамы, изъ коихъ образа большею частію вынушы и оспавлены полько шакія, съ которыхъ краски уже сошли, ссошавляютъ нѣчто необыкновенное, нравящееся взору, можешъ быть по шому, что взирая на сіе опспшспвіе вкуса, невольно переносишся за 800 лѣпъ, когда сооружено было сіе зданіе. Архіеспкопство Моншреальское основано въ 1174 году.

Сверхъ ошданія мы имѣли споль самый вкусный, послѣ обѣда пили кофе у Градоначальника. Въ его домѣ собралось нѣсколькx провинціальныхъ дамъ, которыя были къ намъ

очень ласковы, и немудрено, въ числѣ нашихъ товарищей были Герцоги, Князи и Бароны; шухъ были соображенія и надежды; одни не смѣли поднятъ глазъ; другіе ловили ласковый или что либо значущій взглядъ; съ одной спороны приглядывались, задумывались и старались казаться веселыми; съ другой робѣя, краснѣя сами не зная отъ чего, переходили отъ клавесина на диванъ, проходя зр-кало будшо нечаянно поправляли шаль, и кажется однѣ сожалѣли, что имѣли оныя, другія, что не имѣли. Добродушныя старушки машери, поправляя локонъ или поясную ленпу у милыхъ дочерей, какъ бы не нарочно бесѣдовали съ своею сосѣдкою о сваповспвѣ, и пошому-то о чемъ бы разговоръ ни начинался, оканчивался всегда обрученіемъ, женипшьбою и шаяъ далѣе

Белведеръ.

Въ одинъ прекраснѣйшій день, съ прѣмѣя товарищами опсправились мы верхами въ Белведеръ, опспоящій отъ Палермы въ 15 верспахъ. Въ ущельяхъ горъ, въ узкомъ промежуткѣ, окруженномъ опвѣсно стоящими голыми скалами, въ прелесномъ уединеніи лежитъ небольшая деревенька, въ коей на краю горы построень лѣпншій домикъ, называемый Королѣвскій Белведеръ, обращенный лицомъ къ городу. Къ сожалѣнію Смошрипель сего Дворца былъ въ опшлучкѣ и мы насилу могли

сыскашь въ креспьянскомъ домикъ одну свободную комнапу, гдѣ моглибы помѣспшпсья. *Servitor di Piazza* (слуга), кошораго мы взяли для переводу Сицилійскаго языка, доспаль дичи, хорошаго вина, плодовъ и самъ изгошовиль намъ порядочной обѣдъ.

Холя день былъ жарокъ, однакожь я шош-часть послѣ обѣда взошель на вершину скалы, подъ навѣсомъ коей стояшъ нѣсколькo хижинъ, деревъ и просной архипектуры Велведерь. Видъ подлинно прелеспный! Одинъ взглядъ, и взоръ изумляется. Не возможно избрашь лучшаго положенія для сполпцы. Взоръ оспанавливаешся на громадѣ великолѣпныхъ зданій, окруженныхъ чешвероугольною зубчапою спѣвною, шамъ переходпшь оный къ саду Флоры, на набережную (*Magineo*), къ гавани и наконецъ съ предмета на предметъ блуждаешъ по долинѣ. Тупъ замокъ, шамъ на видномъ мѣспѣ домъ съ прекрасною колоннадою, здѣсь Гошпическій монаспыръ, индѣ хижины скрывающся въ тѣни садовъ, въ копхъ олива, пальма, цппронъ и ппспашныя деревья, не извѣспныя у насъ, соспавляющъ сплошную и яркую зелень. Водомешы въ видѣ сполповъ, ппспиды и развалившпхся башенъ, издали кажущся обелпсками, придающпми оплпчный видъ всѣмъ вообще предметамъ. Вдали показывающся, на необозрпмомъ проспранспвѣ моря разсѣянныя Лппарскіе острова. Небольшой вѣспръ, чущъ песпрпвшій море, несъ окрпленныя корабли по разнымъ направленимъ;

одни спѣшили къ приспани; другіе удалялись отъ нее. Я не смѣлъ свезши глазъ съ той черты, гдѣ море, касаясь горъ и долинъ, низкихъ и высокихъ мѣстъ, искривленною черпою рисовало многообразныя мысы, излучины и заливы. Наслаждаясь созерцаніемъ шолликаго множества прелестныхъ видовъ, соединенною силою природы, искусства и вкуса, произведенныхъ, великолѣпное богатство сіе казалось мнѣ волшебствомъ. Восхищенные чувства мои были безпокойны, жадный взоръ искалъ новыхъ предметовъ, и одинъ изъ нихъ предсавился прямо подъ ногами моими. Подлѣ дороги, высѣченной въ горѣ и ведущей къ Белведеру, быстрый ручей вырываясь изъ скалы и падая съ шумомъ разбивался о каменя, препяпствующія его печенію. Внизу, въ глубинѣ ужасной, видна была мѣльница въ положеніи опасномъ; ручей прегражденный порогомъ прямо съ онаго стремился на колеса, и раздробляясь въ брызги и пѣну, кропиль крышку мѣльницы и грозиль залишь ее. Такое пріятное положеніе Палермы подало мысль Сицилійскимъ Поэтамъ называть ее золотою раковиною (conca d'oro), золотою долиною (Aurea Valle), садомъ Сициліи, и наконецъ Felice, счастливою. При захожденіи солнца оставили мы Белведеръ, и при свѣтѣ луны возвратились въ городъ.

*Пещера святой
Розалии.*

Пещера, гдѣ найдены мощи Св. Розалии, достойна благоговѣнія Христіанина и вниманія всякаго путешественника. Святая, какъ полагають одни, была племянница Короля Вильгельма Добраго; по мнѣнію жъ другихъ дочь Графа Синнибалди. Въ цвѣтущихъ лѣтахъ коноши, бывъ еще 15 лѣтъ, оказалась она опъ утѣхъ свѣта и въ 1159 году избрала жилищемъ гору Квескино, а потомъ перешла на гору Пелегрино, гдѣ пишясь ѳдними только кореньями, всю жизнь провела въ уединеніи, молишвѣ и постѣ. По прошествіи 500 лѣтъ совершеннаго о ней забвенія, когда въ Палермѣ въ 1624 году свирѣпствовала чума, одинъ праведный мужъ видѣлъ во снѣ, что если кости Святой, лежащія въ ущелинѣ на горѣ Пелегрино, будутъ прижды обнесены вокругъ города, то лзва прекратится. Откровеніе сіе сначала не было уважено; но когда праведникъ успѣлъ увѣрить въ ономъ духовенство и народъ, то Правительство принуждено было согласиться на его предшавленіе. Неплѣнное шѣло святой было найдено, съ благоговѣніемъ обнесено кругомъ города, и зараза въ ономъ вскорѣ прекратилась. Съ сего времени Св. Розалія признается покровительницею Палермы; во имя ея начали строить церкви и сооружать монументы. Въ воспоминаніе избавленія города

отъ моровой язвы уснановлено шоржештво до Маія, называемое молишва 40 часовъ. Кому не извѣстенъ великолѣпнѣйшій праздникъ, шправляемый 12-го Іюня въ память свяшой, и продолжающійся пять дней сряду. Мы не случалось быть въ Палермѣ въ сіе время, и пошому скажу шолько о пещерѣ, нынѣ обрашценной въ церковь.

Дорога въ пещеру, опстоящую отъ города въ 9 версахъ, очень шрудна; гора почши опшвѣсна, экипажамъ не можно по оной подымашься, мы проходили дефилеями, гдѣ сдѣланы шропинки довольно покойныя для пѣшеходцевъ; съ каждыиъ шагомъ опкрывались на долину, окружающую Палерму, новые виды, съ вершины горы показалось море; но какъ скоро сошли мы на другую сторону, шо вдругъ все исчезло. Мы какъ бы нечаянно перенеслись въ пустыню дикую, безплодную и необишаемую; кое гдѣ видны были козы, перебирающіися съ ушеса на ушесь. Восходя на гору мы чрезмѣрно успали, и сѣли опдохнуть на гудахъ камней, копорые Сицилііскіе писатели называютъ развалинами одной крѣпосши, будпо бы построеной послѣ пошопы, еще въ царшшвошаніе Сатурна, славной во времена Пуническихъ войнъ, гдѣ Амилкаръ, Карсагенскій полководецъ, при года защищался противу 40,000 Римлянъ. Глухой звонъ колокола нарушилъ печальное вокругъ насъ безмолвіе; мы вспали, пошли подъ гору, встрѣшились со шножешшвомъ пилигримовъ съ носошами въ

✱

рукахъ; большая изъ нихъ часть шли боскомъ; и наконецъ увидѣли церковь и нѣсколь-
ко близъ нея домиковъ для монаховъ.

Вошедъ въ двери, ведущія въ пещеру, нельзя не почувствовать благоговѣйнаго трепета. Въ храмъ нѣтъ ни мозаики, ни драгоценныхъ украшеній: нѣтъ того великолѣпія, какого ожидашь должно опъ великихъ вкладовъ и привоженій. Предсварше себѣ огромный и темный залъ, со свода коего висѣли липья какого-то распѣнія, стѣны состояли изъ голыхъ высунувшихся каменьевъ. Темнота, освѣщенная двумя лампадами, горящими предъ престоломъ гдѣ совершали службу, тихое шептаніе молящихся, и наконецъ унылый гимнь органовъ, внушали уваженіе къ мѣсту и вливали въ душу сладостныя чувства вѣры. По окончаніи обѣдни мы подошли къ одному изъ пяши олшарей, обнесенному серебряною позолоченною рѣшеткою; престоль онаго украшенъ чешырю серебряными колоннами, копорья какъ и образа увѣшаны золотыми и серебряными изображеніями рукъ, ногъ, глазъ и проч. Намъ подали по восковой свѣчѣ и показали бѣлаго мрамора изображеніе святой Розаліи, положенное подъ престоломъ. Она представлена въ шакомъ положеніи какъ бы покоилась въ сладкомъ снѣ, въ одной рукѣ держитъ она крестъ, другая прижата къ груди, паспырскій посохъ лежитъ подлѣ нея. Она одѣта въ золотое парчевое плашье, унизанное бриліаншами; лице открыто и пре-

красно. Монахъ увѣрялъ насъ, что всѣ черты очень близки къ настоящимъ мощамъ, кои перенесены въ Палерму и хранятся въ Соборной церкви. Ангель хранитель, шакже мраморный, стоить у изголовья гробницы и наклонившись держитъ надъ свяшою миртовую вѣпвь. По спорону олтаря монахъ показалъ намъ простаго камня памятникъ, пославленный пому праведнику, который отыскалъ шѣло свяшой, а нѣсколько далѣе и шу ущелину, гдѣ святая дѣва покоилась почно въ томъ положеніи, въ какомъ она предсшавлена въ гробницѣ. Наконецъ привели насъ ко сдѣланному въ спѣнѣ пещеры мраморному водохранилищу, въ копоромъ со свода капала вода чистая, холодная и въ шакомъ изобиліи, что изъ церкви внизъ по горѣ шрубами проведена въ долину и въ городъ. Въ монастырѣ нѣшъ ничего особенно досшойнаго примѣчанія, кромѣ ласковости монаховъ, кои ведутъ здѣсь хотѣ заботную, но безнужную жизнь. Во всякое время они обязаны служить молебны приходящимъ поклонникамъ. Покаяніе нѣкопорыхъ необыкновененно строго: мнѣ встрѣтился одинъ, который на рукахъ, ногахъ и на шеѣ имѣлъ шяжелыя вериги. Въ рубищѣ, босикомъ, съ открышою головою, шацилъ онъ ихъ за собою съ чрезвычайнымъ усиліемъ. Маска скрывала лице его, почему многіе спрашивали; кто бы шакой это былъ? Монашпырь получаетъ отъ приношеній набожныхъ великія суммы; пошому-то я видѣлъ шуть монаховъ весьма шучныхъ, а молящихся очень шощихъ.

Китайскій домикъ.

Въ сѣверной части долины, въ пяти или шести верстахъ отъ Палермы, находится загородный домъ Короля, называемый Китайскій домикъ. Прекрасная мостовая, ведущая къ нему, обсажена деревьями; съ обѣихъ сторонъ видны сады и палаты Вельможъ. Король большую часть лѣта проводитъ въ семь замкѣ; для входу въ оный мы имѣли билеты. Лишь только подѣхали мы къ воротамъ, лю привратникъ ударилъ въ колокольчикъ, и лишь ошворилъ оныя, толпа придворныхъ слугъ въ зеленыхъ кафшанахъ съ галунами, выбѣжали къ намъ на встрѣчу, приняли лошадей и шопчасъ послали за Смотрителемъ. Старикъ съ тяжелой связкою ключей скоро появился, и спѣша ипши, издали еще, для перевода одышки дѣлалъ намъ низкіе поклоны. Подошедъ, онъ не спросилъ у насъ билета. Увѣрялъ, что Король очень любитъ Рускихъ, и что онъ за особенную честь себя пославляетъ принявъ и показавъ намъ все, что будетъ угодно. Мы уговорили его не беспокоиться; добрый старикъ роздалъ ключи служителямъ, поручилъ насъ одному чиновнику и просилъ посѣпить его послѣ прогулки.

На четверугольномъ мраморномъ фундаментѣ, поставленъ осмиугольный домикъ, весь въ стеклахъ, покрышый изогнушою крышею, украшенною, вмѣсто флюгера, вращающимся дракономъ. Крышка спускается далѣ

спѣтъ фестопами, съ повѣшенными на нихъ колокольчиками, и поддерживается лакированными колоннами, что составляетъ вокругъ дома галерею. Въ Архитектурѣ нѣтъ ничего правильного, но самое сіе разнообразіе, будучи поспавлено между легкой и пріятной архитектуры Европейскихъ зданій, представляетъ Китайскій домикъ, какъ вѣкимъ чудомъ, волшебствомъ. Внутреннее расположеніе комнатъ совершенно ново. Чшобы перейти изъ одной въ другую, должно сходишь и поднимаешь по кривымъ лѣшницамъ. Мебель, фарфоровыя куклы, драгоцѣнные обои, обезображенные вышитыми на оныхъ уродами, въ коихъ нѣтъ никакого подобія человѣка, птицы или звѣри, нѣтъ ни опшѣнки, ни перспективы, но цвѣтъ красокъ, видъ домовъ, Китайскихъ храмовъ, мостовъ, бесѣдокъ и прочаго, дѣлаешь при первомъ взглядѣ сію пещеру пріятною; смотря на всѣ сіи чучелы думаешь, что находишь въ самомъ Китаѣ.

Садъ, находящійся подлѣ дворца, подлинно Царскій. Обработывая его, не упустили ничего для украшенія. Оный начинается партеромъ, изукрашеннымъ фигурнымъ цвѣпникомъ, мраморными бассейнами и фонтанами. Далѣе разнообразные холмы покрыты плодоносными деревьями, кустарниками и цвѣтами. Лаванда повсюду разливаетъ ароматы, шумъ роца, шамъ проснякъ, кронныя деревья, на площадкахъ и возвышеніяхъ стоятъ бесѣдки, шумъ гладкая дорожка, шумъ на прудѣ фигурная

лодка, шамъ великолѣпный фоншанъ, а шумъ
подъ скалою журчишь ручей.

Королевское собраніе.

Такъ называется общество, содержимое по подпискѣ знатнѣйшаго дворянства, гдѣ Король есть первый членъ. Въ домѣ сего собранія даюшя въ недѣлю одинъ или два бала, а для собесѣдованія съѣзжаются каждый вечеръ. Въ первый день 1808 года Дм. Пав. Тапищевъ представилъ Капитана съ четырью Офицерами Королю и Королевѣ. Когда Министръ подвелъ насъ къ Королю, по его Величеству, оставя каршы, всталъ, и сказалъ; „я люблю Рускихъ; надѣюсь, что здѣсь не будешь вамъ скучно“ вошелъ въ другую залу, и издали сдѣлавъ знакъ рукою Королевѣ, сказалъ ей: „рекомендую вамъ Гг. Рускихъ Офицеровъ.“ Ея Величество послѣ Министра весьма ласково разговаривала съ Капитаномъ, а потомъ и съ Офицерами. Слѣдуя примѣру столь благосклоннаго приема, Вельможи въ ленпахъ и звѣздахъ, дамы въ шелковыхъ робахъ, одни за другими говорили намъ пышныя привѣтствія. Обошедъ придворный кругъ, выслушавъ всѣ роды вѣжливостей, дежурный Директоръ общества Графъ Санъ-Жуани, повелъ насъ въ другія комнаты, гдѣ также предспавлялъ насъ вѣжливостями Господамъ, далъ намъ билеты для входу во всякое время въ собраніе, и наконецъ, когда начались кондрашанцы, подвелъ

насъ къ дамамъ и поставилъ съ ними въ первыя пары.

Въ часъ по полуночи балъ кончился. Королевская фамилія уѣхала, придворный штапъ началъ разъѣзжаться. Мы приглашены были Директоромъ оспашься ужинашь. Скоро отворились двери, музыка заиграла маршь, и всѣ пошли въ споловую. Она была великолѣпно освѣщена, блескъ отъ хрусталей, бронзь и серебра ослѣплялъ глаза. Въ окнахъ поставлены были прозрачныя картины. На одной представлялось ночное морское сраженіе; на другой горѣло село; на шрешьей занималась заря и восходило солнце; а самая лучшая представляла видъ Баи (что близъ Неаполя) съ развалинами, при лунной ночи. Дамы и кавалеры сѣли за общій столъ, насъ посадили за особый, и нѣкпо въ шелковомъ шипомъ кафтанѣ, въ кошелькѣ, распудрентъ, въ башмакахъ со спразовыми огромными на нихъ пряжками, подошелъ и съ видомъ знатнаго Господина спросилъ: „чѣмъ могу служишь Гг. Рускимъ. Слуга подаль длинный рееспиръ и мы догадались, что шелковый кафтанъ былъ хозяинъ тракпира, онъ просилъ насъ выбрать блюда; изъ оныхъ болѣе 20 были означены такими именами, какихъ я съ роду не слыхиваль. Мы приказали подать блюда самыхъ пышныхъ названій, и вмѣсто *Bef alla mode*, ѣли говядину; вмѣсто *Bombe di Sardanapalo*, сладкій фаршь; тупъ даже хлѣбъ имѣеть свое прилагательное и *alla*! Въ заключеніе самъ хозяинъ подчи-

валъ насъ пирожными, подлинно прекрасными, за то и запласили мы ему недурно. Слуга, получившій червонецъ, восхищенный такою щедростію, проводилъ насъ до экипажей и на лѣспницѣ по секрету объявилъ, что хозяинъ его взялъ съ насъ впроее дороже.

Въ обыкновенные дни, когда баловъ не бываетъ, съѣзжаются для собесѣдованія. По значенію сего слова я ожидалъ, что въ такомъ собраніи заниматься будутъ одними разговорами; но вошедъ въ первую залу, я не узналъ оной; въ ней все перемѣнилось. Большіе столы занимали обѣ стороны залы, кучи золота небрежно лежали на столахъ, мѣшки подъ столами; на однихъ наклеены были большія каршы для игры въ банкъ фаро, шутъ вертѣлась Рулина, шамъ считалось 31 и 36, шутъ выигрывалъ красный цвѣтъ, шамъ черный, шутъ четъ, шамъ нечетъ, а счастливецъ, выигравшій на примѣръ 9-й номеръ и вмѣстѣ на красномъ цвѣтѣ, девяткѣ и нечетѣ, получалъ за нѣсколько поставленныхъ червонцевъ мѣшки съ тысячами оныхъ, шакъ что 10 рублей выигрываютъ 7,000 рублей. Съ одной стороны громко повпорялось (*giogo fatto*) игра гошова, съ другой провозглашали *nero*, червый, шамъ четъ, шутъ № 25-й и червонцы шуда и сюда передвигаемые лопаточками звучали по столамъ. Дамы и кавалеры шумными полпами суетились вокругъ оныхъ, спавили на карту горсшь и болѣе червонцевъ, другую на красной цвѣтъ, шрешью на номеръ и не забо-

шась о игрѣ спокойно прохаживались по другимъ комнапамъ, и посылали кавалеровъ осѣдомляшсь выиграла ли ихъ карта или проиграла, не оказывая ни въ томъ ни въ другомъ случаѣ ни радости ни печали.

Прощедъ нѣсколько комнапъ я оспановилсь въ одной, гдѣ было не такъ шумно; сѣлъ на диванѣ возлѣ дверей и у камина, пакъ что всѣ должны были проходить мимо меня. Комнапа успавлена была диванами и ломберными сполами; на однихъ мѣломъ съ одного почерка черпили вензели; на другихъ картами показывали проворство въ рукахъ, на иныхъ писали двусмысленные каламбуры; подлѣ меня въ полголоса говорили о любви; другая пара проходя мимо шепшала кажешсь о помъже; шамъ въ углу у окна за занавѣсомъ смѣялись; шупъ декламировали стихи и восклищали: прекрасно! безподобно! Одна дама, конечно съ намѣреніемъ, уронила подлѣ меня перчатку: я ее поднялъ, и она поблагодаривъ меня сѣла на мой диванъ со своею подругою; онѣ пригласили меня сѣсть, и дали мѣсто между собою. Разговоръ началсь, и сколько я ни робѣлъ, ни воздерживалсь въ словахъ; но былъ увлеченъ вѣжливостію и снисхожденіемъ. Какъ диванъ былъ очень пѣсенъ для троихъ, по перешли мы на другой; шамъ, не помню почему, пересѣли на прешій, и я увидѣлъ себя посреди общества Герцогинь, Княгинь и Графинь; шупъ и мнѣ досталось съ горспями червонцевъ бѣгашъ къ каршежнымъ споламъ

и на мою долю досталось нѣсколько ласковыхъ словъ. Первыя дамы занялись другими, другія заняли меня, и разговоръ, можетъ быть къ удивленію многихъ долженъ я сказать, не ограничивался пріятными бездѣлицами, сужденіями о модахъ, городскими новостями и поному подобнымъ: напропивъ, тупъ и очень молодыя миловидныя дамы разбирали сочиненія какъ Литерапюры, шутили пріятно, замысловапо и оспро; никто не задумывался въ отвѣпъ, обращеніе было проспо и какъ бы между коротко знакомыми, всѣ вообще и всѣми способами искали пущь къ сердцу. Если дамы показывали желаніе нравиться, кавалеры быть имъ угодными; шо весьма ясно было, что первыя предпочитали одинъ, только умъ и ловкость, а послѣдніе обращали вниманіе только на молодость и красоту. Всего для меня удивительнѣе было шо, что тупъ гокорили весьма смѣло, вы очень любезны! ахъ! какъ онъ милъ! и *Vi Voglio Bene*, которое если перевеспъ слово въ слово, значинт, „я вамъ желаю добра“; но разумѣется подъ симъ, я васъ люблю.

Въ двѣнадцать часовъ колокольчикъ зазвенѣлъ, червонцы пошли по карманамъ, игра кончилась. Въ сіе время банкъ не платишь за каршы, которыя полько что были поставлены или шли на два и три угла. Послѣ собранія обыкновенно ѣздишь на Марино и въ садъ Флоры для прогулки или по улицѣ Кассеро, почему прогулка сія и называется *Cassariata*.

Д в о р е ц ь.

Толстыя стѣны, кое-гдѣ преснувшія и почернѣвшія отъ времени, малыя окна, два четверугольныя по краямъ отдѣленія въ видѣ башенъ, выше прочаго строенія прѣмъ эшажами и между оными терраса, украшенная вазами цвѣтновъ и малыхъ плодоносныхъ деревъ, служащая крышею дворцу, придаетъ ему отличнѣйшій видъ отъ всѣхъ зданій Палермскихъ. Вицерои Сицилійскіе, жившіе во дворцѣ, поправляя древнее зданіе, въ разныя времена пристроивали къ нему новыя, отъ чего и составила безобразная смѣсь разнаго рода строеній, въ коихъ при оспиткахъ Арабскаго зодчества видны Башни Норманской архитектуры. Дворъ усланъ бѣлымъ мраморомъ, изъ чешырехъ водометовъ неумолкаемо журчитъ вода. Черезъ парадную лѣспиницу, темными переходами и ошкрытыми галлереями привели насъ въ дворцовую церковь. Куполь и стѣны какъ въ Монпъ-Реалѣ, украшены богатою Греческою Мозаикою. Выборъ, красота и цѣнность камней заслуживаютъ особенное вниманіе. Живописецъ ничего не найдеть въ ней отличнаго; ибо работа сія принадлежитъ времени Гошическаго варварства, когда художества были въ упадкѣ; но столько въковъ не сдѣлали надъ нею никакого впечатлѣнія. Изъ всѣхъ художествъ одна Мозаика не боится ни спужи, ни зною; она одна можетъ противиться вѣкамъ и стихіямъ.

Церковь слабо освѣщена, но сія темноша при богашствѣ украшеній, въ коихъ серебро и золото потускло отъ времени, понравившя набожному. Кто не любитъ тяжелой для взора древности, тотъ долженъ посѣтить церковь сію для Корреджіо; его образъ представляющій Богородицу, младенца Іисуса и св. Екашерину, одинъ споишь всей Мозаики и полновѣсныхъ паникадилъ; Спаситель лежитъ на подушкѣ, окруженъ не сіаніемъ, но свѣпомъ доказывающимъ его божество. Богородица стоишь предъ нимъ на колѣняхъ сложивъ руки; во взорѣ ея видно и машеринская нѣжносія и благоговѣнное умиленіе; въ семъ взорѣ ясно изображены и ласки и молишва Божіей Машери. Взирая на ея положеніе не лзя усомнишься какъ въ любви ея къ наду своему, такъ и въ томъ, что молишва ея относитъ къ сыну Божію. Спаситель Младенецъ, съ улыбкою смотришь на машь свою; она также къ нему ослабляется, и сіи двѣ улыбки совсѣмъ не похожи на тѣ, какія я видѣлъ во многихъ картинахъ; онѣ божеспивенныя, неподражаемыя. Св. Екашерина, наклонивъ голову, съ живѣйшимъ воспоргомъ взираетъ на младенца. Чувства ея переливаюпіся въ зрителя, копорого душа, потрясенная присуітствіемъ свяпыни, не смѣетъ замѣпить красоту Св. Екашерины, удивлятьса умиленности дѣвы, и устремляется единшвенно къ лицу Іисуса. Образъ мученика Св. Плацида работы Мореалезія, и подлѣ Корреджіо, привлекаетъ къ себѣ

вниманіе. Тѣни и цвѣшъ красокъ имѣють ошличную точность, живость и ясность.

Изъ церкви прошли мы нѣсколько комнатъ, убранныхъ шпофами и рѣзною мебелью; вездѣ спарина безъ вкуса. Въ одной комнатѣ остановились мы посмошрѣшь двухъ спатуй, вновь высѣченныхъ изъ камня, работы, какъ намъ сказывали, славнаго Архимеда, они велики и больше ничего. Стѣны увѣшаны поршрешами Королей и Вицеровъ, правительствовавшихъ въ Сициліи. Въ оныхъ, кромѣ спаринныхъ одеждъ, шишаковъ, лапъ и манжешъ, ничего нѣсть хорошаго. Въ другой подлѣ сей комнаты, картины задернуты были завѣсами; эшо обѣщало намъ что нибудь хорошее. Смотришель, чипая въ первой комнатѣ имена множества Вицеровъ по поршрешамъ, замѣшивъ наше невниманіе и здѣсь переходя отъ одной каршины къ другой, опкрывая покровъ за покровомъ, холодно говорилъ; Даная Тиціанова, Карашіева Венера, Гидовъ Амуръ, Албанова Рахиль, челоувколюбіе Шидоня, ученика Корреджіо, вопъ самъ Корреджій, и мы остановились, успремили глаза, и скажу только: сколько я ни видалъ дѣвушекъ и дѣшей, прелестныхъ и милыхъ, не могъ бы однакомъ безъ искусства Корреджіо представитъ себѣ, чшобы можно было дѣвицу и дшя изобразитъ на холстѣ живыми. Какъ ошъ добраго сердца смѣшся эшо дшя! ни одна машъ конечно не пройдетъ его мимо, и ни одна женщина не оставишь, чшобъ не приласкашь сего милаго

робенка. Дѣвица улыбаешся ему, и одна сія улыбка заспавишь задумаешся и самаго хладнокровнаго Квакера. Корреджіо писалъ съ природы, писалъ изъ сердца, былъ человѣкъ чувствительный, конечно любилъ, и сіи нѣжныя чувствованія неподражаемо перенесъ на свои картины, предъ которыми гордость древнихъ и новѣйшихъ живописцевъ должна смиришся.

Товарищи мои пошли смотрѣть собраніе медалей и монетъ, а я оспался въ галлерей, и продолжалъ разсматривать картины, замѣчалъ въ нихъ съ большимъ вниманіемъ, что первое такъ сказать бросалось въ глаза, и чтобы не упустишь и малѣйшаго впечатлѣнія, наскоро записалъ мои мысли. Оныя конечно будутъ неудовлетворительны для художниковъ; ибо я описываю только то, что мнѣ болѣе нравилось. Нѣсколько разъ потомъ переписывалъ я мои мысли, старался привесить на память всѣ впечатлѣнія; но былъ всѣмъ не доволенъ и наконецъ остановился на томъ, что означилъ въ записной моей книжкѣ. Въ *Тиціановой Данай*, лишь тѣло прекрасно, а души нѣтъ. *Карашиева Венера*, полна, бѣла, нѣжна, но нагота ея и распаленные спраспію глаза показываютъ обыкновенную женщину, какихъ много въ свѣтѣ и на картинахъ. Не помню гдѣ-то я видѣлъ одинъ эспампъ, очень близкій къ сей Венерѣ, съ надписью Портофранко. *Гидовъ Амуръ*, спитъ спокойно, розовые уста его сохраняющъ опасную, хищную улыбку; еслибы

онъ проснулся, открылъ глаза, красавицы со страхомъ убѣжали бы ошь него; но въ семь положеніи ни одна изъ нихъ не ошвратишь взора ошь наготы его. *Албанова Рахиль* есть совершенство земной красоты и искусства живописнаго. Юная Рахиль невинна и проста; прекрасные глаза ея полузакрыты длинными черными рѣсницами; непорочность ея видна во всѣхъ чертахъ; словомъ скажешь, на нее не лзя довольно насмотрѣться. Покрывало, накинупое на голову, такъ тонко, что сквозь оное видны волосы, копорые, хотябы прикоснушься къ нимъ рукою, покажущся мягки и тонки какъ шелкъ. *Человѣколюбіе Шидонія*, съ перваго взгляда видно, что онъ былъ ученикъ Корреджіо. Молодая женщина, изображенная, къ удивленію зрителей, безъ всякой красоты, раздаешъ дѣтямъ кусочки хлѣба, съ милостію и душевною доброшою; но развѣ прелестная женщина не можешъ быть также добра? или Шидоній думалъ, что красавицы весьма рѣдко бывающъ не щеславны? и попому изобразилъ женщину милосердную и крошкую. По черпамъ лица ея судишь можно, что онъ писалъ сію картину въ Англіи. Добродушіе, изображенное во взорахъ и положеніи, составляло единственную прелестъ лица ея, блиспало живо изъ ясныхъ, голубыхъ и шомныхъ очей; изображалось въ улыбкѣ и во всѣхъ чертахъ. Въ дѣтяхъ ожиданіе и радость не совѣмъ кончены, шупъ чего-шо не доспашешъ; еще не-

много искусства и Шидоній былъ бы равенъ своему учителю.

Подлѣ сихъ знаменитыхъ памятниковъ искусства живописнаго, поставлены двѣ маленькія картинки трудовъ одной благородной Палермитанки. На первой изображены бабочки, на второй виноградная кисть. Дитя спалъ бы ловишь сихъ бабочекъ; самъ Праксипель взглянувъ на виноградъ, сказалъ бы; онъ зрѣлъ, и его безъ вреда ѣсть можно.

Въ собраніи рѣдкихъ рукописей, показывали намъ одну древнюю, писанную на папирѣ, другую на пергаментѣ. Последняя содержитъ службу Богородицѣ на Липинскомъ языкѣ. Нѣкто Кловіо украсилъ ее миниатюрными виньеттами; три вѣка прошло и сіи розы еще не завяли, а сіи персики только что сняты съ дерева. Рукопись, сгорѣвшая въ Геркуланѣ, заслуживаетъ особенное вниманіе. Нашли средство раздѣлить попорченные огнемъ листы и съ чрезвычайнымъ трудомъ въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ успѣли списать съ нее нѣсколько страницъ. Слава первѣнію ученыхъ, занимавшихся сею скучною работою.

Въ собраніи сосудовъ, статуи, бюстовъ и разныхъ инструментовъ Римскихъ, Греческихъ и новѣйшихъ, частію доставшихся Королю по открытіи Геркулана и Помпеи, каждая вещь показываетъ или удачную выдумку или изящную работу, или драгоценное вещество. Видъ сосудовъ, а особливо курильницъ,

слезохранишельницъ и подсвѣчниковъ весьма пріятенъ. Бронзовые бюсы и спатуи, всѣ наилучшаго вкуса и Греческой рабошы. Изъ нихъ Фавнъ и два борца почитаются превосходнѣйшими. Фавнъ подлинно уснулъ. Нагіе борцы, приуговляющіеся къ борьбѣ, какъ ни малы въ разсужденіи обыкновеннаго роста, заставляють зришелей спрашиться, что они вдаются въ великую опасность. Во многихъ игрушкахъ, съ удивительною точностію представляющихъ различныхъ живописныхъ, бронза и мраморъ имѣють жизнь. Между музыкальными инструментами лежишь дудочка, на коей Отаипяне играють носомъ, подлѣ нея и одежда ихъ, сошканная изъ нипшей кокосовыхъ орѣховъ. Въ сей же залѣ показывали большія книги, въ коихъ сняты списки и рисунки съ недоуѣланныхъ картинъ лучшихъ живописцевъ древнихъ и новѣйшихъ. Миѣ болѣе всего понравилась картина Греческаго изображенія. 1-я, Нимфа срывающая цвѣтокъ. 2-я, Спящая Дріада, которую Фавнъ нашель и обнимаетъ. 3-я, Старой Силенъ поднимаетъ на рукахъ робенка, просягивающаго ручки къ виноградной кисти, которую подаетъ ему съ веселымъ видомъ, чрезъ голову старика, молодая дѣвушка. Не правда ли, что сими изображеніями красоты, любви и шрехъ возрастовъ человекъ, Греки умѣли объяснять свои мысли самымъ нѣжнымъ образомъ? Вошь при бездѣлицы, копорыми кончилось обозрѣніе рѣдкостей. Ма-

*

ленкій Фазшонъ запряженъ двумя пчелками, песипрая бабочка сидитъ на козлахъ вмѣсто кучера и держитъ возжи ножками. Другой побольше, запряженъ попугаемъ, а управляемъ саранчею. Третій виньетъ предшанляешъ также фазшонъ, въ коемъ положенъ кувшинъ, обвитый розами, двѣ спройныя маленькія Нимфы, смѣясь везутъ его съ поропливостію. Вотъ какъ Греки умѣли одушевлять любимыя свои мечпы.

Сошедъ въ нижній эшажъ *въ Оружейной*, въ прехъ залахъ я видѣлъ всѣ убійственныя оружія ошъ Каиновой дубинки до Ипаліанскаго кинжала, видѣлъ булавы Ирокезцовъ, дробики жишелей Новой Зеландіи, видѣлъ чѣмъ Римляне, Греки и Скионы побѣждали другъ друга, и наконецъ видѣлъ шу лѣспницу, по кошорой механическія рукодѣлія восходили къ совершенству и злоба людей къ уповченному искусству умерщвлять другъ друга. Король, какъ спраспный охопникъ и спрѣлокъ, собираешъ оружія знаменишѣйшихъ масте-ровъ, и его ружейная поимшиннѣ можешъ назваться Царскою. Лучшія изъ нихъ отличаются чистотою опдѣлки, замысловатымъ механизмомъ и прочностію мешалла, худшіе золошыми насѣчками, перламушомъ, дорогими каменьями и богапыми фупларами. Охопники найдутъ шупъ много вещей достойныхъ ихъ воспорга, Я замѣтилъ шолько три: 1-е *Двуствольное ружье*, вдругъ, одно за другимъ можешъ сдѣлать 24-ре выспрѣла. Помощію

механизма, 24 папрона вдругъ въ ружейный спволь кладутся; стѣбитъ только оборотить внизъ дуломъ и ружье заряжено. 2-е, *Духовое ружье* въ проспи, и 3-е, *Кинжалъ*, который по вонзѣнїи въ шѣло раздѣляется на три части, и въ сіежь время производить выстрѣлъ изъ маленькаго пистолепа, вдѣланнаго въ рукояшку.

Больница Бѣдныхъ.

(Alberho di Poveri.)

Зданіе по наружности своей просто, хощя и огромно; шупъ великолѣпіе пожертвовано пользѣ. Позади спроенїа садъ съ прекраснымъ фоншаномъ. Поднявшись по легкой для восхода лѣспницѣ, украшенной фоншанами и приличными спашуями, вошли мы въ средній эшажь. Мущины и женщины распредѣлены по палапамъ; шупъ выздоравливающіе, тамъ тяжело больные, а тамъ неизлѣчимые и стумаспедшіе. Въ огромной залѣ за общимъ споломъ болѣе 300 выздоравливающихъ съ жадноснїю поглощали куски хлѣба, плавающіе въ жидкомъ супѣ; они просили милоспынїю по привычкѣ. Комнапы вездѣ нечисты и есплибъ не опворяли оконъ, шо воздухъ могъ бы бышь вреденъ. Здѣсь лѣчатъ простыми средспвами, покоемъ, пищею и лимонадомъ, котораго употребленїе полезно въ здѣшнемъ климатѣ. Докшоры славятся искусшвомъ, и больные, какъ меня увѣряли, не умирающъ здѣсь преждевре-

менною смертію. Въ приѣмной залѣ поставленъ портретъ Фердинанда IV во весь ростъ. Онъ очень похожъ, я взглянулъ на него съ уваженіемъ. Фердинандъ любимъ своими подданными, и какъ добрый Государь, заслужившій бѣдныхъ и сирыхъ, доплатившій преданности и благодарности народной.

Въ нижнемъ этажѣ по обѣ стороны длиннаго коридора, въ низкихъ комнахахъ со сводами, на одной половинѣ доживаютъ послѣднія минуты жизни, неизлѣчимые, на другой съумасшедшіе. Одинъ изъ нихъ въ снѣгахъ подъ огромными аркадами прикованъ былъ къ стѣнѣ цѣпью, держащею его поперегъ спина. Руки и ноги обшипы были у него кожей, шѣмя обрито, оспапки волосъ стояли щетиною. При появленіи нашемъ онъ бросился къ намъ, началъ прыгать подобно лютой Гіеннѣ, грызъ цѣпь, руки и охриплымъ голосомъ производилъ невнятные звуки; но когда вошелъ его Смотритель, онъ бросился въ уголъ и зарылся въ лежащей тамъ соломѣ. Сей несчастный отвергаетъ обыкновенную пищу и безпрестанно проситъ сырова мяса; бѣшенство его чрезъ каждые три мѣсяца продолжается по двѣ и по три недѣли, и уже другой годъ онъ находится въ больницѣ. Войдя въ коридоръ намъ отворили 1-й №. Въ немъ лежалъ на постелѣ Кардиналь, онъ со всею важностію благословилъ насъ. Это нищій, сказалъ Смотритель. Во 2-мъ № съумасшедшій ошъ честолюбія; 20-ти лѣтній спудентъ сей называется

себя Генераломъ, безпрестанно черпишь планы и располагаетъ войска къ сраженію. Смошришель его обходится съ нимъ ласково, докладывалъ о нашемъ приходѣ и принимая приказанія, величалъ его Ваше Превосходительство! Въ 3-мъ Но, промолвавшійся Баронъ, кошорый помѣшался на шомъ, что у него къ 99 не доставало сомага жилеша. Большая часпъ сумасшедшихъ была опъ честолобія и болѣ женщинъ, нежели муцинъ. Еспыли у васъ съ умасшедшіе опъ любви? спросилъ я у лѣкари. Теперь нѣтъ ни одного; были, но они скоро у насъ выздоравливаюпъ. Наши женщины челоѣколюбивы, продолжалъ шушляво Докшоръ, они не любяпъ сводить съ ума и рѣдко подаюпъ причины приходить въ опчаяніе. И пакъ справедливо сказалъ Панглось, „что все въ свѣшѣ къ лучшему“ и въ самомъ здѣ заключаенся добро. Наконецъ показали намъ съумасшедшую дѣвушку. Конечно опъ любви? Нѣшъ, опѣчалъ Докшоръ холодно. Она имѣла несчаспие лишиться опца своего, казненнаго публично за доказанное преслупление. Она взошла съ нимъ на эшафопъ, сколько ни уготваривали ее сойти внизъ, но она оспалась при опцѣ до послѣдней минушы. Твердоспъ, спокойспвіе духа ея, обманули исполнителей приговора; но когда голова опца покашилась по помѣспу, когда кровь брызнула въ лице дочери; шогда несчаспная схватила голову, облобызала ее, завернула въ шаль и шупже упала безъ чувспвъ и лишилась ума. Чрезъ годъ она

пришла въ память, но лишь вышла изъ больницы, встрѣпилась съ солдашомъ, вспомнила о казни и снова лишилась ума. Теперь она выздоравливаетъ, и когда совершенно оправится, Королева приказала удалить ее въ деревню, гдѣ она будетъ получать ошъ Ея Величества доспашочной пенсіонъ.

П о л е м е р т в ы х ъ.

Вывъ немного нездоровъ, въ одинъ красивый день вышелъ я съ кварширы моей, бывшей въ предмѣстіи Саразень, подлѣ Порпанауова, просто въ сертукъ, съ пѣмъ, чтобы по близости нѣсколько прогулялся. Въ городѣ благовѣстили къ обѣднѣ, шолпы богомольныхъ съ молишвенниками въ рукахъ шли со мною по пупи. Прошедъ съ версту, вижу предъ собою снѣну, распворенныя ворота, и кипарисную аллею, въ концѣ коей монастырь; перемѣняю намѣреніе и иду въ церковь молился. Набожное расположеніе мое награждено было неожиданнымъ явленіемъ; любопытство удовлетворено ужаснымъ видомъ смерти. Аллея, по кошорой я шелъ, пересѣкалась накрестъ другою; шамъ кое гдѣ печально стояли кидарисы; и надгробныя памяшники, большею частію весьма просые, занимали все проспранство; мраморныя плиты были исписаны спихами и надписями. Зеленая поляна ошдѣляла монастырскія спроенія ошъ сада. Я спросилъ шедшаго подлѣ меня, какъ

монастырь называется? онъ отвѣчалъ мнѣ: „вы находишься на *полѣ мертвыхъ* (Campo di Morti). Такое названіе удивило меня, и сказанное незнакомымъ подтвердилось самымъ дѣломъ. Монастырскій колоколъ нѣсколькими унылыми ударами возвѣстивъ о прибытіи покойнаго. Я остановился, обратился къ ворошамъ и увидѣлъ въ оныхъ нѣсколько портшезовъ, предъ коими несли на длинномъ древкѣ черный деревянный крестъ; носильщики были въ праурномъ плащѣ, на портшезахъ нарисована Адамова голова. Вмѣстѣ съ портшезами вошелъ я въ церковь и представилъ себѣ мое изумленіе. Посреди церкви, на капафалкѣ, обитомъ чернымъ сукномъ, на верху и на спупеняхъ лежало болѣе 20 тѣлъ безъ гробовъ; одни одѣты были въ приличныхъ плащяхъ, но безъ покрововъ, другіе просто обернуты только холстиною. Я видѣлъ смерть во многихъ видахъ, не спрашивалъ ее по должности и чести; но признаюсь, новое сіе явленіе, какого я не ожидалъ, привело меня въ шрепешъ; слабость послѣ болѣзни, печальные псалмы, музыка раздирающая душу, горестныя лица, вопли и слезы окружающихъ капафалкѣ, заставляли меня опасаться, что я не могу выдержать печальнаго обряда погребенія; но любопытство видѣть оное побудило меня остаться. Обѣдня кончилась, родшвенники послѣднимъ цѣлованіемъ проспилися съ умершими, всѣ вышли, церковь заперли. Мнѣ ничего болѣе не оставалось дѣлать, какъ

просишь проходящаго мимо меня Капуцина, расказашь мнѣ обрядъ ихъ погребенія.

Капуцинъ былъ ужаснаго вида, босикомъ, въ толстой рыжевашаго сукна рясъ, и очень неопряментъ. По такой наружности я не ожидалъ, чтобы онъ былъ вѣжливъ, но вышло напрошивъ, онъ былъ даже очень снисходителенъ. По первому моему вопросу; Капуцинъ съ ласковымъ видомъ обѣщаль удовлетворить мое любопытство; потомъ спросилъ, съ кѣмъ имѣешь честь говоришь, и услышавъ, что я Руской, поклонился и продолжалъ; очень радъ, милоспивый государъ! что буду имѣшь случай чѣмъ нибудь услужить Рускому. Онъ пошчасъ приказаль принести себѣ ключи: между тѣмъ мы подошли къ длинному строенію, составляющему лѣвый флигель монастыря, отперли дверь, отворили, и, Боже мой! что я пушь увидѣль. Тысячи человѣческихъ остововъ, сполвшихъ и привязанныхъ къ спѣнамъ, сложенныхъ на споллахъ и валяющихся по полу. Я поблѣднѣль, содрогнулся, укорялъ себя за пустое любопытство, но уже поздно было раскаявашься, спыдно было опказаться, и я вошелъ за Капуциномъ въ длинную невысокую галерею, освѣщенную сверху и по весьма слабо. На груди каждаго скелета повѣшена была черная дощечка съ надписью кому принадлежали бранные сіи остатки, годъ и число, когда родился и умеръ. Проходи далѣе, я видѣль нѣсколько гробовъ или лучше серебряныхъ и бронзовыхъ ящиковъ, гдѣ лежали ко-

сти знашнѣйшихъ Вельможъ. Гробницы сіи были запершы и ключъ опъ оныхъ обыкновенно хранился у ближайшаго родственника. Жители Палермы часто посѣщаютъ монастырь смерти; заживо выбираютъ себя мѣста въ галлереяхъ, и плачутъ на гробахъ предковъ своихъ, умершихъ за 200 лѣтъ. Въ саду, только для виду спавяшся монументы. Я очень обрадовался, что мы скоро вышли изъ галлерей; но Кауцинь повелъ меня къ другому спроенію, обнесенному высокою стѣною въ углу ограды монастырской и въ отдаленіи опъ жилыхъ покоевъ. Служка отворилъ намъ желѣзную калитку. Посреди двора спояло низкое не болѣе двухъ аршинъ высоты зданіе, покрытое толстымъ сводомъ. Небольшія вокругъ оныя окна запершы были желѣзными спавнями. Въ опъ общая могила всѣмъ умершимъ въ Палермѣ. Погребъ наполненъ извѣстью, шѣла, привязанныя къ желѣзнымъ лопатамъ, на длинныхъ дровкахъ ушверженнымъ, опускающія въ погребъ, засыпающія извѣстью, и, когда шѣло будетъ испреблено, скелетъ спавитъ въ галлерей. Тѣла знашнѣйшихъ господъ, вынувъ напередъ внутренность, засушиваютъ въ небольшой пещерѣ, и трупъ сохраняешъ на себѣ кожу довольно долгое время.

Въ жаркомъ климатѣ такое погребеніе очень благоразумно; моровая язва, испребившая половину жителей Палермы, была поводомъ къ оному; плачевный опытъ научилъ брашь сію необходимую осторожность. Уже

болѣе 200 лѣтъ постановлено закономъ, умершихъ не опитывать въ городскихъ церквахъ, а шопчасъ безъ всякихъ церемоній изъ домовъ переносить въ сей Капуцинскій 'монашхыръ, гдѣ по совершеніи обряда погребенія, тѣла изъ церкви переносятся сначала въ погребъ, гдѣ, изъ предосторожности, дабы не погребли лишившихся жизни отъ продолжительнаго обморока, оставляются оныя на пять или на семь дней, смотря по обстоятельствамъ. Анашомить умершихъ прежде сего срока также запрещено.

Дворянское собраніе.

Пятимѣсячное пребываніе въ Палермѣ доставило намъ многія знакомства. Въ саду не блуждали уже мы посреди пышнаго общества подобно отчужденнымъ; на балѣ не сидѣли въ дальнемъ углу безъ дѣла; въ саду кланялись намъ издали; на балѣ мушоны вспрѣчали насъ ласково, дамы охотно съ нами танцовали; наконецъ въ театрѣ вмѣсто того, чтооь занимать предствленіемъ, уже должны были, слѣдуя тамошнему обыкновенію, ходить по ломамъ. Въ Дворянскомъ Собраніи принимали насъ какъ своихъ родственниковъ. Мы шѣмъ охотнѣе посѣщали сіе общество, что въ помѣ друзья наши, гвардейскіе Офицеры, и вся военная молодежь, обыкновенно назначали какъ провесить завпрешній день, и приглася дамъ собирались въ саду *Флорѣ* или

въ какомъ маскарадѣ, духовномъ концертѣ, кофейномъ домѣ Липерапоровъ, любителей музыки и наконецъ въ мѣщанскомъ клубѣ. Чишатель не дѣлай скорого заключенія; если судить будешь по своимъ обычаямъ, по можешь ошибиться и быть несправедливымъ. Здѣшнее мѣщанское общество, состоящее изъ трудящихся купцовъ, просвѣтыхъ ремесленниковъ, и цѣховыхъ мастеровъ, не то, что могло бы быть у насъ. Здѣсь дочь поршнаго, даже башмашника, шанцуетъ менуешъ, кадрили, вертятся въ вальсѣ; говоритъ не обласнымъ, но благороднымъ, Тосканскимъ нарѣчьемъ. Здѣсь хошя нѣтъ, какъ въ Королевскомъ собраніи, бриліаншовъ и многоцѣнныхъ кружевъ, но всѣ дѣвицы одѣшы чисто, щеголевапо и прилично; всѣ цвѣтуютъ какъ Майскія розы; бѣлы, румяны, нѣтъ почти ни одного дурнаго лица, нѣтъ той блѣдности, упомленнаго взора; котораго стараешся избѣгнуть, и поэтому-то мы чаще были въ мѣщанскомъ и дворянскомъ, нежели въ Королевскомъ собраніи. Дѣвицы въ обхожденія очень ласковы. Онѣ привыкнувъ къ Испанской гордости своего дворянства, (которое однакожъ охотно посѣщаетъ ихъ общество,) и за малѣйшее вниманіе были признапельны. Машери оставляли дочерямъ всю свободу, отнюдь ни въ чемъ насъ не подозрѣвали; и случилось, что нѣкошорыя изъ нихъ замѣшивъ, что Руской предпочитаешъ ея дочь другимъ, охотно и часто съ нею шанцуетъ, всшавали съ мѣсшъ

своихъ и искренне благодарили за честь, дѣлаемую ихъ дочерямъ.

Въ продолженіи Карнавальныхъ праздниковъ, мы закружились въ вихрѣ большаго свѣща. За нѣсколько дней приглашали насъ на какую либо прогулку; на концертъ, на балъ и маскарадъ. Въ семъ послѣднемъ ясно видѣнь характеръ и нравъ шупливыхъ Испанцевъ. О карнавальныхъ увеселеніяхъ я буду говорить послѣ; теперъ скажу нѣсколько словъ о маскарадѣ, называемомъ *Ve-glione*! продолжающемся во всю ночь. Послѣ спектакля, зрители изъ партера вышли, скамейки были вынесены и въ полчаса сцена сравнена съ партеромъ, что сослало обшпирную залу. Пока дѣлались сіи приуготовленія, въ ложахъ ужинали, музыка играла симфонію. Король съ дѣшми былъ въ своей ложѣ; при немъ не было ни какой стражи; любовь народная замѣняла оную, присутствие его не мѣшало веселости, напрошивъ болѣе одушевляло публику. Лишь зала была готова, ударили въ литавры, музыка заиграла маршъ, и вдругъ со всѣхъ сторонъ начали входить маскированные лица съ ужимками приличными своей одеждѣ; зала скоро наполнилась, сдѣлался шумъ, визгъ, всѣ говорили не своими голосами, одинъ ревелъ коровою, другой пѣлъ арію, въ ~~одной~~ ~~залѣ~~ кошкою, памъ въ спранномъ и въ ~~одной~~ ~~залѣ~~ декламировалъ стихи, всѣ начал. ~~одни~~ ~~залѣ~~ ~~дѣлались~~, кружились и ломались приглас ~~одни~~ ~~залѣ~~ всѣхъ забавляло, что зрители

смѣялись опть добраго сердца. Маскированные разсыпались по ложамя, входили даже въ Королевскую, забавляли Его Величество шушкями, замысловатыми спихами, остроуміемъ или полько нарядомъ. Король въ самомъ дѣлѣ былъ очень снисходителенъ и милосшивъ, и повидимому ушѣшался симъ.

Г р и м а л ь д и .

Скажете мнѣ, кто такъ прекрасно играешъ на скрипкѣ въ театрѣ Санъ - Фердинандо? спросилъ я однажды у Профессора музыки Чичиліано. Эпо Гримальди, ошвѣчалъ Профессоръ, славнѣйшій нашъ Арписистъ, камеръ-музыканшъ, Геній, какого Ипалія едва ли когда имѣла и при помъ чудака, милой, лѣнливой и безпечной. Неуже ли вы ничего о немъ не слыжали? его жизнь и спранности обращающъ на него общее вниманіе; онъ учень излѣспень, уважаемъ всѣми и любимъ самымъ Королемъ. И вамъ раскажу объ немъ нѣчто продолжалъ Чичиліано. Онъ имѣетъ шакой даръ, что въ театрѣ, когда ему должно играть Соло, вдругъ по вдохновенію восхищаепъ всю публику и еще болѣе удивляепъ музыканшовъ тѣмъ, что, когда ему вздумается, безъ приуготовленія и труда сочиняепъ важнѣшую музыку; иногда пишепъ ноты на память, безъ помощи инструменпта, или взявъ оный приказываетъ писашъ ноты другимъ, а какъ рѣдко имѣепъ онъ перпѣніе дожидатся, чтобы

успѣли музыканты писать за нимъ, то онъ для сего держитъ при себѣ слѣпаго ученика, копорый обладаетъ такимъ рѣдкимъ слухомъ и привыкнулъ понимать своего учителя такъ, что перенимаетъ у него длинную фантазію съ одного раза. Гримальди дѣлаетъ все по первому движенію, ни къ чему себя не принуждаетъ, даже играетъ у Короля тогда, когда ему придетъ охота. Будучи не богачъ, онъ ни у кого не играетъ за деньги, подарковъ ни отъ кого не принимаетъ; между тѣмъ живетъ на чужей счетъ, жалованье раздаетъ нищимъ, словомъ, золопомъ не дорожитъ и о себѣ ни мало не печется. Холоснымъ онъ велъ безпорядочную и самую беззаботную жизнь. Король желая удержать его при Дворѣ, приказалъ женить его. Сыскали невѣсту, ввели Гримальди въ домъ ея родителей, и распустили слухъ, что онъ женился. Король поздравилъ его; удивленный чудакъ, поклонившись спросилъ; развѣ Вашему Величеству угодно, чтобы я былъ роконосцемъ? Лучше нежели разсѣяннымъ и лѣнивымъ. Вы шого желаете, я согласенъ. Король на другой же день приказалъ кончить свадьбу, щедро наградивъ Гримальди и прибавилъ ему жалованья. Что же сдѣлалъ Гримальди, послушайте: онъ послѣ объѣда гдѣ-то встрѣтился съ своимъ пріятелемъ, копорого давно не видалъ, зашелъ съ нимъ въ кофейной домъ и увлеченный дружескою бесѣдою, забылъ, что невѣста дожидаетъ его въ церкви. Когда онъ на разсвѣтѣ воротился

домой, по на упреки своихъ знакомыхъ онъ холодно опвѣчалъ: друга своего я давно не видалъ, а женишься и нынѣ успѣю.

Какъ бы мнѣ желалось послушать его вблизи, сказала я. Это очень трудно, опвѣчалъ Чичилиано; однакожъ я постараюсь дославивъ вамъ къ тому способъ. По наставленію его, повариха мой Н. пошелъ въ кофейный домъ, гдѣ часто бывалъ Гримальди, познакомился съ нимъ весьма корешко, и Гримальди пришелъ съ нимъ на квартиру, остался обѣдать, послѣ театра въ пошьеже день пришелъ ужинашь и обѣцалъ безъ приглашенія ходишь къ намъ чаще. Онъ сдержалъ свое слово. Мы съ своей спороны никогда не просили его чшо либо съиграшь; но въ одинъ день Гримальди нашель у насъ пяшерыхъ лучшихъ въ Палермѣ Виршуозовъ. Послѣ обѣда, распроганный одною піесою сочиненія Чичилиано, Гримальди послалъ за своею скрипкою и ученикомъ и наконецъ я слышалъ его игру. Не знаю кому больше удивляшья, ему ли или слѣпому его ученику, кошорый споя подлѣ одного музыканша игралъ шже самое чшо и сей, шчно шакъ какъ бы предъ нимъ лежали ноты. Гримальди довольный похвалами своему слѣпцу, беретъ наконецъ свою скрипку, наспраиваешь, дѣлаешь пробу и начинаешь играшь въ полномъ расположеніи. Музыканшы окружающъ его, одинъ приклоняешь ухо къ его инструменшу, другой беретъ бумагу чшобы писашъ ноты, шолько Чичилиано осмѣливается шихо акомпанировать ему на Ман-

долинъ ; слѣпецъ игралъ шолько тогда, когда ему приказывали. Начинается Адажіо; инспруменпъ издаешъ живой голосъ, всѣ звуки сливались, миноръ коснулся сердца; музыканпшы устремивъ глаза на своего Орфея не смѣли дохнушь, и еслибъ печальный миноръ еще продолжился, шо конечно заставилъ бы насъ плакашь, но рондо, веселое, плавное, взяшее съ народной пѣсни Еспаньола называемой, покашилось по спрунамъ, оживило, обрадовало насъ. Музыканпшы взяли инспрументпшы, играли всѣ вмѣспгъ и каждый одинъ за другимъ продолжалъ соло по своей фаншазіи и игралъ превосходно. Послѣ того Гримальди ударомъ смычка вдругъ перемѣняешъ шонъ, начинаешъ одинъ новое Аллегро, музыка ушихаешъ пошепенно, онъ уходитъ въ нишь и мы вдали слышимъ гобои, шамъ арфу, скрыпъ ворошъ, лай собаки, и подражаніе голосамъ нѣкошорыхъ пшицъ, словомъ шуща забавлялъ онъ насъ болѣе двухъ часовъ, чудесами искусшва музыкальнаго, и все изъ головы или лучше изъ его души изливалось.

Рыбная ловля.

Въ продолженіи лѣша ловля рыбы Тона сосшавляешъ лучшее удовольствіе дворянштва. Рыба сія идешъ изъ Океана, большими спаями, обыкновенно шрешся около береговъ, и пошому ловъ бываешъ очень прибышочень. Ее соляшь, и пошомъ опшправляющъ за гра-

ницу; она составляетъ важную отрасль торговли Палермской. Рыба поны имѣетъ три аршина длины, несоразмѣрно толста, мясо ея сочно, красно и похоже на лососину. Способъ ловли довольно замысловатъ и неизвѣстенъ въ другихъ частяхъ Европы. Я нарочно ѣздилъ въ Монделло, видѣлъ домъ, такъ называемый *tonnago*, составленный изъ толстыхъ сѣпей, занимающій пространство ошъ двухъ до трехъ и болѣе вершъ, раздѣленный на нѣсколько комнатъ, изъ коихъ каждая зовется по порядку, напримѣръ: первая приѣмная зала, вторая столовая, третья спальня, и такъ далѣе, послѣдняя всегда именуется комната смерши. Сѣшь сія, помощію грузиль, опускается до два и ушверждается якорями. Когда рыба войдетъ въ первую залу, по малое опшвершіе закрывается особенною сѣшью, караульный подаетъ знакъ, нѣсколько десяшковъ лодокъ приближается, составляющъ вокругъ шонаро чешвероугольникъ, и когда рыба, не имѣя выхода назадъ, обходя вдоль сѣвнъ, находишь другое опшвершіе и чрезъ оную переходишь въ слѣдующую комнату, шо, дабы всю сшаю скорѣе загнать въ послѣднюю комнату смерши, старшій рыболовъ даетъ знакъ и промышленники всѣ вдругъ поднимающъ радостный крикъ и, начиная опш первой комнаты, бьютъ по водѣ веслами, когда вся рыба спѣснился въ послѣдней комнатѣ, шянушь оную къ берегу, опшорожно и помалу, ибо рыба очель сильна; шуть даешься послѣдній

*

знакъ , рыбаки и зрители нападающъ , бьютъ рыбу осшрогами, другіе бросающъ въ воду и плавающъ вмѣстѣ съ рыбами; одни поражающъ ее малыми дропиками, другіе убишюу вышаскивающъ на берегъ. Радоспныя восклицанія, крикъ, шумъ и необыкновенное само по себѣ зрѣлище сіе, доставляющъ зрителямъ великое удовольствіе. Топш, кому принадлежишъ поня, приглашаешъ къ себѣ гостей и угощаешъ ихъ въ раскинушыхъ на берегу палашкахъ. Участвовавшіе въ ловлѣ рыбаки получающъ награжденіе, пляшущъ и поющъ, что и составляетъ самый веселый проспый сельскій праздникъ. Меня увѣрили, что иногда въ одну поню попадаешся по тысячѣ и болѣе рыбъ, и хошя оная во время лову продаешся очень дешево, со всѣмъ шѣмъ пяпъ шакихъ понъ близъ Палермы, принадлежащихъ Королю и чешыремъ Вельможамъ, приносяшъ въ годъ доходу до 800,000 рублей.

Ловля рыбы, извѣспной подъ именемъ *Мега*, шакже и многихъ другихъ меньшихъ, какъ шо : Морены, большаго рода угрей, золошой рыбки и проч. и проч. доставляешъ зрителямъ еще пріятнѣйшее зрѣлище, шѣмъ болѣе, что оная, въ маломъ видѣ, въ шочности предспавляешъ ловлю Кишовъ. По захожденіи солнца, въ шихую погоду, нѣскольکو лодокъ вдругъ ошваливающъ опъ берега, рассыпающъ по заливу; на носу каждой, одинъ рыбакъ близъ воды держишъ зажженной факель, другой съ осшрогой споишъ на но-

гахъ въ готовности нанести вѣрный ударъ. Свѣшъ факеловъ привлекаешъ рыбу, она выходитъ на поверхность моря и вмигъ поражается оспрогою въ голову. Какъ Мечъ рыба очень сильна и велика, шо рыбаки гоняшся за нею иногда довольно долгое время, и при каждомъ появленіи поражаютъ ее оспрогою и нѣсколькими дрошиками. Уязвленная такимъ образомъ, она бѣшся близъ лодки, колешъ швердою шпагою своею, длиною около двухъ аршинъ, и, поднимая хвостомъ воду, заливаешъ оною лодку и угрожаешъ пошопленіемъ; наконецъ ушомившись и изойдя кровію умираешъ. Рыбаки берущъ ее на лодку, или привязываютъ къ кормѣ оной веревкою. Въ свѣшлую и шихую лѣшнюю ночь, великое множество лодокъ, выходящихъ на сію ловлю, освѣщенныхъ факелами, предшавляешъ на морѣ большой городъ великолѣпно освѣщенный. Ловля сія упошребляешся во всей Ишалии, и рыбаки, кошорые бьютъ рыбу оспрогами, очень ловки и искусны въ семъ дѣлѣ, и пошому пользуются общимъ уваженіемъ своихъ шоварищей.

День моднаго свѣта.

Въ Палермѣ живущъ всегда въ общешвѣ, между чужими людьми, и домой возвращаютъся для шого шолько, чшобъ спать. Жизнь моднаго свѣша ешъ вѣчное разсвѣніе; кажешся нишо здѣсь не любитъ мирнаго семейшвен-

наго уединенія; роскошествують чрезъ-мѣру, ни мало не думаютъ о хозяйствѣ, вездѣ и во всемъ ищутъ наслажденія, ищутъ онаго съ нешерпѣніемъ, смѣются, радуются всему, утѣшаются каждою бездѣлицею, никогда не занимаютъ важными спорами о полишикѣ, вѣрѣ и правленіи, не осуждаютъ никого, шумятъ, поютъ, танцуютъ, сочиняютъ стихи; нѣжнѣйшіе изъ нихъ чишаютъ дамамъ; словомъ оба пола помышляютъ объ одномъ и томъ же: какъ бы пріятнѣе провести время; и можно сказать, что Сицилійское дворянство, въ шешрахахъ, маскерадахъ, церковныхъ праздникахъ, народныхъ зрѣлищахъ, прогулкахъ и собраніяхъ, проводитъ время въ совершенной нѣгѣ, живешь въ непреспанномъ восторгѣ, и ведешь жизнь самую веселую,

Чтобъ дать понятіе о препровожденіи времени моднаго свѣща, послѣдуемъ за Барономъ свѣшскимъ, человѣкомъ молодымъ, хорошо воспитаннымъ, нѣжнымъ почишпелемъ прекраснаго пола, любезнымъ, милымъ и знающимъ жишъ. Поушру до десяти часовъ не слышно спугу экипажей; одинъ шолько народъ, купцы и ремесленники шолпяшся на улицахъ, и какъ Палерма очень многолюдна, шо улицы, а особливо площади, походяшъ всегда на ярмонку. Въ полдень начинаютъ показывашся экипажи; полусонныя горничныя служанки ошкрываютъ жалузи, подымаютъ гардины въ окнахъ. Нашъ молодой Баронъ не вспшавая пьешъ въ эшо время въ посшелъ шеколадъ;

въ три или чепыре часа, если не слишком жарко, выѣзжаетъ, посѣщаетъ напримѣръ знакомую ему Маркизу, кошорая въ небрежной одеждѣ, прикрывшись шелковымъ одѣяломъ, принимаетъ его роскошно лежа на поспелѣ. Скромныя чшпашельницы, краснѣющія при чтеніи сихъ спрокъ, побраняшъ можешъ бышъ меня, что я выспавляю сіе нескромное обыкновеніе. Въ оправданіе свое скажу; здѣсь шакая мода, а мода вездѣ ешъ законъ; къ помуже въ эпомъ соблазнительномъ для насъ обыкновеніи, здѣшніе мушны, даже зашпѣнчивые, не видяшъ ничего дурнаго и смощряшъ на хорошую шолько онаго спорону; женщины спыдливыя, зашпѣнчивыя и самой спрогой нравспвенности шакже скоро къ оному привыкаюшъ, ибо въ неловкомъ для нихъ сначала семъ положеніи, онѣ скоро опкрываюшъ вѣрное средспво понравившся. Послѣдуемъ за Барономъ далѣе. Опъ Маркизы онѣ пріѣзжаетъ къ Герцогинѣ, кошорая уже вспала, сидишъ за шуалешомъ, перебираешъ лишки новаго сочиненія и съ улыбкою слушаешъ ловкаго парикмахера, рассказывающаго ей городскія новости. Баронъ прибавляешъ что нибудь и опъ себя, хвалишъ головной уборъ, находишъ, что синій или розовый цвѣшъ идешъ ей какъ не лъзя лучше къ лицу, бѣгаешъ, суешшся, упреждаешъ служанку, подаешъ Герцогинѣ духи, помаду, шпильки или прозрачный плашочикъ, словомъ одѣваешъ ее, споришъ съ горнишною, хвалишъ черныя плу-

шовскіе ея глазки; Герцогиня прищуривъ свои съ хипрою и какъ бы недовольною миною смѣется; наконецъ всашаетъ и говоритъ: addio Caro! до свиданія. Послѣ сихъ упрененныхъ посѣщеній Баронъ заходитъ въ лавки, модные магазины, посѣщаетъ кабинетъ скульпшора и живописца, которые обыкновенно живутъ въ нижнихъ этажахъ и окончанныя свои работы выславляютъ на улицу у дверей. Баронъ, какъ знашокъ, замѣчаетъ недоспашки, даетъ совѣщъ, и видя что либо изящное съ восклицаніемъ ославляетъ художника и осправляется въ великолѣпно-убранный кофейный домъ, болѣе другихъ посѣщаемой.

Тутъ многочисленное общество волнуется, знакомые и незнакомые сославляетъ одно шумное семейство: шумъ спорятъ, шумятъ другъ надъ другомъ, не оскорбляюща оспрымъ словомъ, опражаютъ его замысловатыми рѣчами; забавляются смѣшными анекдотами, счастливыми или неудачными любовными приключеніями. Стихошворцы, лишераторы, профессеры и Абашы въ углахъ чипаютъ свои сочиненія; если они дурны, другіе зѣваютъ; если хороши, бьютъ въ ладоши и кричатъ: безподобно! неподражаемо! Толпы переходятъ безпреспанно отъ одной двери къ другой, продавцы галантерейныхъ вещей, игрушекъ и бездѣлушекъ, румяныя поселанки съ корзинками цвѣшовъ, съ поклономъ предлагають букеты шому, кто на нихъ взглянешъ, Капуцинь съ крестомъ въ одной рукѣ, съ шар-

лочкою въ другой, съ поникшимъ взоромъ, чистая молишвы и прославляя милосердіе къ бѣднымъ, принимаетъ со смиреніемъ полушки! Голодные нищіе, стоя у ошкрышыхъ дверей и оконъ, вопіюшь и просяшь милосшыни; слуга, нося по заламъ курильницу, заставляешъ ихъ молчашъ или прогоняешъ ошь дверей. Нашъ Баронъ, какъ знашный господинъ, для лучшаго тона, не снимая шляпы сидитъ на софѣ небрежно, приказываешъ слугѣ подашь себѣ маленькую чашку кофе или мороженаго и перебирая листы въ газетамъ не чистая ихъ, слушаешъ разговоры другихъ; любешся своимъ бриланшовымъ персшнемъ или спройностію своей ноги, съ пришворнымъ нешерпѣніемъ смошришь часшо на часы и, чшобы убить время, разсматриваешъ на спѣнахъ дурные эшпампы, поправляешъ предъ зеркаломъ галшукъ и манжешы или наконецъ ласкаешъ миловидную служанку, которая на позолоченныхъ креслахъ, сидитъ за буфетомъ и кокепсшвуешъ. Симъ оканчиваешся ушро.

Въ пять часовъ Баронъ возвращаешся домой; одѣваешся, ѣдешь въ лучшую Респорацию обѣдашь, гдѣ за общимъ шоломъ спараешся съспъ подлѣ какой нибудь пригожей женщины, а не успѣвъ въ шомъ съ удовольствіемъ разговариваешъ съ двумя незнакомыми сосѣдами, подчуешъ ихъ и каждый плашшь за себя. Послѣ обѣда Баронъ раздѣвшисъ ошдыхаешъ обыкновенно до седьмага часа на посшелѣ. Какъ шолько зажгушь на улицахъ фо-

нари, шо начинаешся ужасный шумъ. Кареты, коляски, гики (*) и фаетоны, освѣщенные двумя пылающими факелами, попрысаюшь моштовую, скачущъ, перегоняюшь одна другую, встрѣчаюшся, разъѣзжаюшся; одни ѣдушъ смощрѣшь шрагедію, другіе оперу, иные національный дивершисименшъ и ш. д. Въ 9-ть часовъ Баронъ ѣдешъ въ Королевское Собрание; ошсюда жена его одна посѣщаешъ дворянскіе и многіе другіе клубы, занимаешся шамъ игрою въ каршы, ошошно слушаешъ и принимаешъ нѣжныя слова кавалеровъ, оспроуміе награждаешъ милымъ взглядомъ, а любезному назначаетъ рандеву.

Въ полночь спущъ и шумъ увеличивается до чрезвычайности. Въ Палермѣ сіе время почти шоже, что у насъ полдень. Вся публика съѣзжается на Марино и въ садъ Флору. Набережная (Marino) имѣешъ еще лучшій видъ, нежели наша дворцовая или Англинская. Съ одной шпороны ея обширный заливъ, всегда покрышый ливейными и купеческими кораблями; съ другой часть городской спѣсны и длинной домъ, кошораго нижній эшажъ покрышь широкою террасою, на оную входъ изъ вшораго жилья, надъ кошорымъ находяшся еще два. Посреди набережной посшроенъ круглый павильонъ съ куполомъ и красивою

(*) Гикъ въ Англіи употребляемый экипажъ, подобный Кабриолетъ.

колоннадою; пушъ большой оркестръ музыки играетъ симфоніи и концерсы. Пѣшеходы идутъ по прошауру, экипажи пѣснятся между онымъ и сѣбною. Не лзя не замѣпить, что здѣсь на экипажи еще бѣльшая роскошь; нежели въ нашихъ столицахъ. Всѣ вообще каресы и коляски даже наемныя въ послѣднемъ Англинскомъ вкусѣ; Дворянинъ, есшли бы осмѣлился показаться на улицѣ пѣшкомъ, былъ бы неминуемо осмѣянъ. Кромѣ Королевы и Архіепископа всѣ ѣздятъ парою въ шорахъ, у богашѣйшихъ ливреи залишы золопомъ, нѣкоторыя упошребляютъ еще скороходовъ. Лошади, особенно верховыя, прекраснѣйшія, Варварійской и лучшихъ Сицилійскихъ породъ. Многолюдное общесшво, сдѣлавъ нѣсколько круговъ по Марино въ экипажахъ, выходитъ изъ оныхъ въ садъ Флоры; экипажи возвращающающа къ Порпо-феличе, лакеи гасятъ факелы, въ садъ съ оными и съ фонарями никому входитъ не позволяешся, нищій и никакъ дурно одѣшый (исключая музыканшовъ) шакже въ оный не допускающа. Въ чешырехъ бесѣдакахъ по угламъ и на средней площади сада пшатъ оркестровъ духовой музыки разливаютьъ сладосшную гармонію. Не можно предсшавишь себѣ занимашельнѣ сей прогулки для всѣхъ вообще и выгоднѣ для молодыхъ людей, особенно влюбленныхъ. Тушъ всѣ сосшоянія смѣшивающа; блестящіе наряды дамъ, красоша ихъ, ласковое обращеніе даже незнакомыхъ,

представляющъ какъ для взора такъ и сердца пріятный обманъ. Я не видалъ, чшобы шущъ кшо нибудь сидѣлъ задумавшись; шпихой шопощъ и шорохъ ногъ, улыбка или вздохъ, развлекли бы и самага невнимашельнаго чело-вѣка. Садъ Флоры приличнѣе было бы наз-вать садомъ Венеры; оный въ самомъ дѣлѣ естъ храмъ любви и волокипства; Князьи и Графы, военной, спашской и духовной; Мар-кизы, Баронессы, акшрисы, горничныи и луч-шія общія красавицы, ищущъ въ немъ при-ключеній, веселой ночи, наслажденія и при-были. Тушъ не различишь кшо кого пре-слѣдуешь; всѣ чего-шо ищущъ, у всѣхъ, ду-машъ должно, ошъ неперпѣнія сердце бьеп-ся; одни заглядываютъ подъ шляпки, другіе всматриваются въ лице; двѣ подружки садят-ся въ густой шѣни; два кавалера робкими шагами къ нимъ приближаются и если кра-савицы благосклонно улыбнутся, они пош-часъ подающъ имъ руки и идушъ вмѣстѣ въ большую аллею, гдѣ разносятъ прохладитель-ныя, кошорыя кажешся шолько увеличивающъ жаръ. Въ шемношѣ крышыхъ проспектовъ, встрѣчающся иногда замаскированныя; почши передъ каждымъ проходя шепчущъ онѣ въ полголоса пароль, который понишь можешъ одинъ избранный счастливецъ; словомъ въ большихъ прямыхъ аллеяхъ, съ опкрытымъ лицомъ, съ невинною улыбкою, гуляющъ су-пруги и дѣвицы непорочныя, въ крышыхъ,

замаскированный порокъ и распущство. Оп- сюда - то завернувшись въ длинной плащъ, надвинувъ шляпу на глаза, опустивъ вуаль и наклонивъ какъ можно голову ниже, пара за парой выходяшъ изъ сада чрезъ калипку, гдѣ съ потаенными фонарями *Servitori di Piazza* предлагающъ услуги. Въ переулкѣ ожидающъ легкія коляски и фаэтоны, сядяшся въ нихъ и скачущъ въ средину города къ западнымъ дверямъ домовъ шѣхъ добродушныхъ спарушекъ, и содержашельницъ модныхъ магазиновъ, которыя изъ сосраданія къ женамъ ревнивыхъ мужей на часъ ошдающъ въ наемъ прекрасно убранный кабинетъ, гдѣ на свободѣ и въ пипинѣ, какъ здѣсь говорипся, можно *Savage il Cariccio!* Послѣ двухъ часовъ за полночь оканчиваешся музыка; Баронъ опыскиваетъ свою жену, не спрашиваетъ гдѣ она была и что дѣлала, ибо на вопросъ сей и самъ не зналъ бы что ошвѣчать. Вошъ почему такіе мужья бывающъ очень снисходительны и охотно позволяющъ женамъ своимъ всякія вольности. Съ восхожденіемъ солнца одни ѣдушъ домой, другіе ужинашъ въ респорацию, мало по малу спукъ ошъ карешъ умолкаетъ и всѣ ложашся спать.

Въ большіе жары лѣпомъ, дворянство живешъ на дачахъ въ Бегарім и Иль-Колле, однакожь Марино ошъ того не бываешъ пусто. Зимую въ пасмурныя и дождливыя ночи, вмѣсто прогулки въ саду, экипажи послѣ со-

бранія, ѣздящъ взадъ и впередъ по улицѣ Кассеро, и на оной иногда бываетъ такъ шѣсно, какъ у насъ подъ качелями. Въ зимнее время гулянье въ саду начинается въ полдень, но лучшее общество собирается шамъ въ 6-ше часовъ по полудни.

Нѣчто о нравахъ и обычаяхъ.

Сицилійцы проницательны и поняпливы, любящъ праздность, увеселенія, имѣющъ навъкъ въ обманахъ и по происхожденію опъ Грековъ не уступающъ имъ въ хитроспяхъ и шонкоспи ума. Небо, временно бурями помрачаемое, почши всегда покрытое свѣшлюю лазурью, разность годовыхъ временъ дѣлаешъ едва примѣшную; зимою равно какъ и лѣшномъ можно жишъ здѣсь на опкрышомъ воздухѣ, опъ чего шѣло получая гибкость, воображенію предшавляешъ болѣе идей и наиболѣе способшвую дѣйшвію разума, наполняешъ его огнемъ кропкимъ и плодоноснымъ; посему-то можешъ бышъ, характеръ Сицилійца ясно изображаетъся въ умныхъ говорящихъ глазахъ его. По чрезмѣрной живоспи своей, предпочишая пришныя упражненія важнымъ, они не брегущъ о усовершеншвованіи своихъ мыслей, ибо не любящъ глубокомыслія, совсѣмъ не имѣющъ шого хладнокровія, которе необходимо для окончанія работы шрудной и продолжишельной. Въ изящныхъ наукахъ и ремеслахъ, ваяніи,

архитектурѣ, музыкѣ и живописи они наиболѣе упражняются; въ издѣляхъ ихъ художниковъ видѣнъ хорошій выборъ мыслей; но ошдѣлка всегда не кончена; къ механическимъ рукодѣліямъ они не имѣють склонности, и если что работаютъ, то очень посредственно. Будучи расположенія безпокойнаго, неперпѣливаго и горячаго, они въ добродѣтеляхъ и порокахъ чрезмѣрны. Спраши ихъ касающа двухъ крайностей. Нѣжны въ любви, снисходительны къ супругамъ; но если кто ревнивъ, то мщеніе его ужасно. Въ несчастіи шверды, переносятъ потери безъ унынія, любящъ Короля, покорны пошановленнымъ властямъ; но малѣйшія угнешенія не могутъ снести безъ явнаго роноша. Набожность ихъ есть суевѣріе; добродушіе кажется имъ обманомъ ума, искренность только живостью сложенія, хипроситъ значить искусство жить, подлогъ принимаешь видъ добросердечія. Мужество есть смѣсь жестокости и великодушія. Въ Италіи Сицилійскіе разбойники славятся возвышенностью чувствъ и благородствомъ духа; если бы правительствовало, пожелало направить духъ сей къ надлежащей цѣли и воспользоваться имъ къ чести опечесства, то военныя доблести народа, нынѣ непримѣнныя, могли бы быть блескомъ истиннаго геройства.

Сицилійцы имѣють привѣшливый взглядъ, услужливы, очень внимательны къ иностранцамъ и всегда веселы. Кто въ первый разъ увидишь ихъ паншомину, то ловкость, жи-

востп ихъ шеапральныхъ движеній, неминуемо должна его удивить и размѣшить. Еслибы добраго, смирнаго Нѣмца со всею его неповорошливостію и флегмою, вдругъ перенесъ въ Сицилію, шо онъ не примѣчая шой посшепенной распоропности, кошорая идя ошъ сѣвера къ югу, очень замѣпна въ народахъ, подумаль бы сначала, что онъ находишся между шупами, вѣчной восторгъ коихъ, вѣрояшно, въ корошкое время заспавиль бы его двигашся скорѣе и наконецъ онъ спалъ бы съ ними плясать, дикимъ голосомъ пѣшь и смѣяшся ошъ добраго сердца. Самая низкая чернь въ паншоминѣ гораздо искуснѣе даже Неаполипанцевъ. Сицилійцы, не говоря ни слова, движеніемъ глазъ, рукъ, ногъ и всего шѣла, объясняюшъ мысли свои споль ясно и сильно, что даже иностранецъ, не знающій ихъ языка, легко поймешъ, о чемъ идееть рѣчь. Начало сего обыкновенія приписываюшъ пшранамъ Сиракузскимъ, кошорые боясь заговоровъ, запрещали на сходбищахъ говорить другъ съ другомъ. Сіе, какъ думаютъ здѣсь, подало поводъ сообщашъ мысли чрезъ нѣмые знаки и живыя чувства, пламѣнное воображеніе Сицилійцевъ искусство сіе довело до совершенства. Сіи безмолвыя изъясненія, влюбленные, находящіеся подъ шстрогимъ надзоромъ, употребляюшъ съ удивительною ловкостію и объясняюпся чрезъ оныя спольже удобно, какъ разговоромъ и письмомъ. На примѣръ: положивъ палець на верхнюю губу,

означають сямъ, *мущина*; показавъ обѣими руками на длинное плашье означають, *женщина*; показавъ одною рукою на косу, *дѣвица*; сложеніе пясти пальцевъ и поцѣлованіе ихъ, значить *прекрасная*; поцѣлованіе ладони и дуновеніе съ оной, значить *цѣлую тебя*; положеніе руки на сердце и вздохъ, значить *люблю тебя*; согласіе объясняется шакже. Ежели кто упрешъ уста платкомъ, это значить *отказъ*; опустить глаза внизъ, сіе означаетъ *сомнѣніе*; движеніе головою, послѣ сомнѣнія значить: *не вѣрю, что любишь меня*, а предъ онымъ означаетъ *не понимаю* или вопросъ, *что такое? повтори еще*. *Ревность* означається грызеніемъ ногшей; укушеніе пальца, значить *злбу* или *угрозу*. Къ шаковымъ и другимъ симъ подобнымъ знакамъ прибавляюся цвѣты, изъ коихъ каждый имѣтъ свое значеніе и особаго рода шелеграфъ дѣлаемый посредствомъ пальцевъ; къ облегченію любовныхъ сношеній и къ сообщенію мыслей и желаній придуманы всѣ возможные средства.

Женщины вообще прелестны. Въ Италіи, особенно Палермишанки и Капаньезки, почитаются красавицами; ихъ называютъ: *Bel Vossoppe!* Въ лицѣ обоихъ половъ сохраняются и донынѣ нѣчто Греческое. Сициліанки подлинно прекрасны; онѣ высокаго роста; сшатны, имѣють полные живости пламенные черные глаза, и, что удивительно для столь жаркаго климата, очень бѣлы; сему конечно обязаны онѣ чистотѣ, свѣжести и тонкости воздуха. Къ тому (говоря о Палер-

мипанкахъ, которыхъ больше знаю) всѣ онѣ любезны, ловки; всегда веселы и милы въ полномъ смыслѣ сего слова. Не смотря на то, что дѣвицы 11 и 12 лѣтъ ошдають за мужъ; не смотря на то, что слишкомъ рано начинаютъ здѣсь чувствовать нужду любить, не смотря даже на распоченіе, женщины и въ 50 лѣтъ, спольже свѣжи и прелесны какъ и въ осмнадцать. Напрошивъ шого дѣвицы около сихъ лѣтъ очень блѣдны и томны. Красота, сей даръ неба, конечно сохраняется благораспореннымъ воздухомъ; въ Сициліи же, какъ мнѣ кажется, наиболѣе къ тому способствуешь нѣга, образъ празднои и беззаботной жизни, спрасъ къ удовольствіямъ и всякія удобства къ удовольствованію склонностей сердца. Женщины почти вспутили здѣсь въ права мущинъ, въ любви господствуютъ здѣсь свое нравіе, прихоти, иногда мода, рѣдко тщеславіе, а еще рѣже корышполубіе; напрошивъ мущины не спыдяпся жишь, на счетъ увлшихъ прелестей. Любовь большаго свѣта есть пламеникъ непродолжительно горящій, рѣдко освѣщаетъ онъ нѣсколько мѣсяцовъ, еще рѣже годъ или два; чаще же всего погасаетъ въ одинъ день, или въ двѣ, при недѣ. Быть невѣрнымъ почишается здѣсь большимъ преступленіемъ, нежели бытъ невѣрною. Мущинѣ непозволительно здѣсь ошказаться опъ любви прежде, нежели его уволишь опъ оной; однакожь на сіе непостоянство не многіе жалуются; ибо перемѣчивый вкусъ обимъ

поламъ равно нравишся. Модныя дамы свободно говорятъ о своихъ любезныхъ; мужья благосклонно принимающъ друзей жены; мать добродушно признается, что дочь ея влюблена и выговариваетъ сіе не краснѣя, почто такъ какъ бы у насъ она сказала: у нее болишь голова.

Супружескія обязанности не имѣютъ никакой цѣны. Счастливыя супружества случаются болѣе въ нижнемъ классѣ; рѣдко, и какъ бы не значай, въ знанномъ; наложничество же въ среднемъ классѣ почти общее. Опцы, матери, мужья и братья не дорожатъ честію дочерей, женъ и сестеръ; многіе даже явно ими шоргуютъ. Родители, выдавая замужъ дочерей малолѣтнихъ, не допускаютъ дѣлать выбора по сердцу. При подписаніи свадебныхъ контрактовъ выговаривается, что она можетъ въ послѣдствіи избрать себѣ кавалеръ-Сервенте, или ту же съ ея согласія назначается въ сію должность одинъ изъ дворянскихъ братьевъ. Кавалеръ Сервенте есть законный посредникъ между мужемъ и женою, попечитель и ходатай по всѣмъ ея дѣламъ; приданое жены мужъ долженъ обезпечить залогомъ своего имѣнія. По симъ связямъ, Кавалеръ-Сервенте, получая нѣкошорую власть надъ мужемъ, конечно удобнѣе другихъ соискателей, можетъ пріобрѣсть благосклонность его супруги. Но склонности сердца не подлежатъ законамъ и Кавалеръ-Сервенте ничего болѣе не значить, какъ родственникъ или

*

другъ участвующій въ домашнихъ дѣлахъ. О Чичисбеляхъ у насъ шолкують превратно. Чичисбей, по Руски сказать, есть обожашель, кошораго однакожь не всегда обожаютъ. Подъ общимъ именемъ Чичисбеевъ разумѣюшся здѣсь пияшь, шестъ и болѣе особъ, которыя сосшавляютъ кругъ знакомства дамъ большаго свѣша; каждый изъ нихъ имѣетъ свою должность или ролю; на примѣръ знатный шарикъ для поддержанія связей, богашый для займу, Кавалеръ-Сервенте для услугъ, ученый, поэтъ или любитель музыки для препровожденія времени; если въ числѣ сего домашняго штапа, находишся миловидный молодой человекъ или два, при, шо насшоящаго Чичисбеля въ милосши находищагося легко опличить можно; онъ обыкновенно сидитъ раскинувшись на софѣ, плюетъ на шелковый коверъ или насвисшываетъ двусмысленную арію. Наконецъ одинъ изъ Чичисбеевъ называется il Patito, (спрадалецъ). Участь сего Селадона подлинно жалосши достойна: вздыхая, сгарая спрасшю по пустому, онъ долженъ съ шерпѣнемъ сносишь насмѣшки другихъ угольниковъ. Сіе множество соперниковъ, большею частію довольсшвуюшся однимъ ласковымъ взглядомъ, живутъ мирно и не смѣютъ ссоритьсся. Ловкость есть свойство общее здѣшнимъ женщинамъ. Если онъ такимъ образомъ на свободѣ и отъ скуки забавляющся, шо и самая виновная жена не прибѣгаетъ къ обману и лжи; ибо невѣрность не почиается здѣсь смерщи-

лымъ грѣхомъ, и развращенность сія никакимъ дальнѣйшимъ присупленіемъ не обезображиваешся. Но, спросятъ, чтожь такое Кавалеръ-Сервенше? Какія его права и до какой степени оныя простирающся? Комедія: *жена двухъ мужей*, служитъ сему лучшимъ отвѣтомъ. Здѣсь сполько женъ, имѣющихъ двухъ мужей, сколько естъ женщинъ. Для дамы спольже неприлично показаться въ обществѣ безъ Кавалеръ-Сервенше, сколько придти въ собраніе съ мужемъ. Кавалеръ-Сервенше обязанъ сопровождать даму всюду, долженъ увеселить или наскучивать ей вездѣ, имѣшь во всякой часъ свободный къ ней входъ, и мужья нимало о семъ не беспокоящи. Сіи полусупружескія связи бывають по любви, но чаще по расчетамъ. Модный мужъ имѣеть свое общество, и между тѣмъ, какъ жена окружена молодыми людьми, онъ ищетъ занятій внѣ дома, ищетъ случая воспользоваться чужою собственностию; почему и справедливо, если жена плащилъ ему поюже монешою. Словомъ супруги съ общаго согласія живутъ независимо другъ отъ друга; каждый слѣдуешь своимъ склонностямъ, и вотъ одна причина, по которой пишина семейственной и общественной жизни нимало у нихъ не нарушаешся.

Такой обычай имѣеть однакожь великія неудобства. Отець не можеть назвать дѣшей жены своими, и сія неизвѣстность часпо не подлежитъ и малѣйшему сомнѣнію; холодность

къ дѣшнимъ есть слѣдствіе онаго. Въ такихъ супружескихъ союзахъ, кои дѣлають для приличія, и продолжаются по нуждѣ, въ коихъ нѣжная любовь не имѣеть никакого участія, въ такихъ, говорю, союзахъ нѣтъ никакого удовольствія супружества; ибо они не связуясь дѣшми, которыхъ только одна жена, а не мужъ можеть назвать своими. Трудно найти союзъ, не имѣющій ни сладостей любви, ни утѣшенія брака. Италіянцы нашли его, они называютъ сіе *Чичизбеизмолиб*.

Впрочемъ нѣкоторыя модныя дамы окружають себя Чичизбеями только потому, что такъ водится; другія же и конечно многія изъ одного кокетства, только для того, чтобы нравиться, кружить головы и дурачить старичковъ, которыхъ иногда на порожнее мѣсто избирають они своими Кавалеръ-Сервеншами, дабы они берегли ихъ ошь наглецовъ, и къ сему обыкновенно избираются такіе почпительные люди, которые уже давно перестали бытъ дерзкими. За всѣмъ шѣмъ и при такомъ упадкѣ нравственности истинная любовь и здѣсь случается; вопреки общаго разврата пламенный непорочной спраспи также воспламеняетъ сердце и счастье супруговъ также бываетъ здѣсь продолжительно, какъ и вездѣ.

Знашныя дѣвицы воспитываются, подъ надзоромъ матерей, наставницами; только доспапочные опцы, слѣдуя общему въ Италіи

обыкновенію, отдають дочерей до возраста въ Монастырь, Сицилійскія Баронесы (*), имѣя хорошее воспитаніе, очень любезны въ обществѣ; онѣ привыкають къ людскости съ малолѣтства, имѣють полную свободу въ обращеніи и преступленіи, споль частыя въ Монастыряхъ, въ большемъ свѣтѣ не слышны или очень рѣдки. Родители не боятся здѣсь, чпобы дочь ушла; ибо несчастіе сіе случается только съ пѣми, копорые не позволяютъ дочерямъ своимъ и словечко молвишь, не смѣють выпустить ихъ изъ виду; въ общество привозятъ только на показъ. Такіе родители конечно не думаютъ о томъ, что ничто только не возбуждаешь молодыхъ особъ къ пороку, какъ запрещеніе невинныхъ забавъ. Потому-то Монастырки въ спрогомъ заключеніи своемъ, ни о чемъ болѣе не помышляя какъ бы только скорѣе вырваться на волю, предаваясь мечтательности, какъ дѣши наряжающія куклу, въ воображеніи своемъ сошворяють себѣ близкаго къ оной суженаго и вышедъ въ свѣтъ влюбляются въ первую живую куклу, копорая имъ встрѣпшися.

Поэзія въ шакомъ здѣсь уваженіи; что хопя невѣсны и увѣрены, что объявленіе любви прозою бываетъ искреннѣе, нежели спи-

(*) Здѣсь Дворянство вообще присволяетъ себѣ названіе Баронства.

тами; однакожь женихъ, дѣлающій предложеніе стихами, получаетъ преимущество предъ пѣмъ, который объяснился бы прозою. Поэзія Сицилійская, подобно пламенному ихъ небу, дышетъ нѣжностію, сладоспращіемъ, украшается прелестными вымыслами, обнаруживающими духъ народа, спрасснаго къ изящному, и Сицилійцы въ изліяніяхъ лести, столько вравящейся прекрасному полу, по справедливости должны почестся природными и удивительными стихопворцами.

При бракахъ дворянства нѣтъ никакихъ суевѣрныхъ обрядовъ; но пышность и распochenіе на свадебныхъ пирахъ, по законамъ моды есть болѣе, нежели суевѣріе. Между проспымъ народомъ наблюдается слѣдующее: по совершеніи бракосочетанія дружка подноситъ жениху и невѣстѣ большую ложку меду, приговаривая: „живише въ согласіи и любви, будьте пакъ счастливы, какъ сладокъ сей медъ.“ Очень бы не дурно, если бы къ меду примѣшивали чего нибудь горькаго, дабы чрезъ сіе вразумить молодыхъ, что въ рѣдкомъ супружествѣ не встрѣчаются непріятности, что путь жизни усѣянъ терніемъ и что нѣтъ розы безъ шиповъ. По выходѣ изъ церкви, новосочетавшихся сажаютъ на обвѣшанныхъ цвѣтами и леншами ословъ; сельская музыка, состоящая изъ волынокъ, кларнетовъ и флажолетъ, или гишары, начинается играть ве-

селян пѣсни; свать и дружка, въ предвѣщаніе, что супруги будутъ имѣть многихъ дѣшей, безпрестанно до самаго дому жениха бросаютъ на молодыхъ горспями пшеницу. Сіе предвѣщаніе самымъ дѣломъ исполняется; ибо Сицилійскія женщины очень плодородны; многія имѣютъ по 20 дѣшей, а другія, какъ увѣряютъ Фацелло и Каррера, раждаютъ до 40. Обычай посыпать новобрачныхъ пшеницею сохранился ошъ языческихъ временъ; ибо тоже самое употреблялось при служеніи Церерѣ, которая почиталась первымъ божествомъ оспрова Сициліи. Наконецъ въ ознаменованіе шерпѣни и умѣренности, молодья за споломъ не должны ѣсть, послѣ же обѣда, дабы напомнить мужу, что онъ въ новой жизни пріемлетъ на себя трудныя обязанности и заботы, ошець молодой подаетъ ему кость съ сими словами: „обгложи ее, и вѣдай, что та кость, которую глодашь тебѣ предстоитъ, гораздо шверже и труднѣе къ сваренію.“ Женитъсь въ Маіѣ мѣсяцѣ, почитаемомъ насчастнымъ, крайне спараются избѣгать. Суевѣріе сіе перешло ошъ Римлянъ ко многимъ Европейскимъ народамъ, и хошя не вѣрятъ сему почно, такъ какъ первому числу Апрѣля, однакожь оно и донынѣ въ употребленіи.

Сицилійцы въ пищѣ умѣренны и воздержны; мяса употребляютъ очень мало; зелень, плоды, рыба и разнаго рода сладкія кушанья составляютъ самый роскошный ихъ столъ.

Большое употребленіе мороженого и лимонада, въ споль жаркомъ климатѣ, служатъ къ прохладенію, и, какъ Врачи увѣряють, къ укрѣпленію желудка; но излишество разныхъ прохладительныхъ, приправленныхъ пряными зеліями, производятъ болѣзнь, называемую здѣсь *Umori Salsi*, отъ скопленія кислоты происходящую. Продажа льду и снѣга дославляетъ великую выгоду; ибо сохраненіе оного стоить большихъ трудовъ. Въ зимнее время, когда на горахъ выпадаетъ снѣгъ, лежащій только нѣсколько часовъ, крестьяне какъ нѣкую драгоценную манну смѣшаютъ и набиваютъ онымъ пещеры, на вершинахъ горъ находящіяся, и помощію воды и соли иногда прешворяютъ снѣгъ въ ледяную массу, копорой будучи тщательнѣе закрытъ отъ солнца, сохраняется довольно долгое время, но какъ не каждый годъ выпадаетъ на горахъ снѣгъ, то и неудивительно, что ледъ бываетъ иногда столь же дорогъ, какъ сахаръ. Пьянство почитается величайшимъ порокомъ, и хотя съ перваго взгляда на народъ, судя по ихъ воспоргу и веселости, покажется оный иностранцу причастнымъ сему пороку; но мнѣ никогда не случалось видѣть, даже изъ черни, пьянаго валяющагося на улицѣ.

Дворинство одѣвается по Англински; дамы слѣдуютъ Парижскимъ модамъ. Палермская чернь и вообще во всѣхъ приморскихъ городахъ носятъ мажорское платье и кра-

сной шерстяной колпакъ; крестьяне же и въ самые жары не скидаютъ своихъ полотняныхъ бурокъ съ Капуцинскимъ капюшономъ, кошорый очень удобенъ въ дождливую погоду; въ холодное время надѣваютъ по двѣ и по три бурки. Таковая одежда предохраняетъ ихъ отъ опасныхъ въ семь климатѣ простудъ; ибо въ горахъ, во время сильнаго зноя, происходящаго до 70, при Сироко до 80 и болѣе градусовъ, теплый вѣтръ вдругъ перемѣняется на холодный. Въ женскомъ нарядѣ сохранилось нѣчто Греческое. Поселянки весьма ловко носятъ покрывала, и спань перевязываютъ кушакомъ,

Сицилійцы, какъ въ чертахъ лица, такъ и характерѣ сохраняютъ какую-то суровость; судя по наружности и дѣламъ, это еще пошъ самый народъ, который обогривъ руки на Сицилійской вечери. Въ 1800 году, когда Французскія войска возвращались по договору изъ Египта, одно транспортное судно оспановилось въ Агостѣ; 93 Французскихъ солдата, не умѣвшихъ снести грубыхъ насмѣшекъ, были побиты камнями и кинжалами. Въ Палермѣ, съ Турками случилось подобное же несчастіе, и еслибы не было шамъ Адмирала Ушавова, командовавшаго тогда соединеннымъ Россійскимъ и Турецкимъ флотомъ, то приведенные въ бѣшенство Турецкіе мап-розы, изъ коихъ у одного воръ среди дни и въ лавкѣ вырвалъ изъ рукъ кошелекъ съ деньга-

ми, могли бы произвести ужасное крово-пролипіе. Народъ хоща и зависить отъ Дворянства и Духовенства, однакожь спрахъ кивжаловъ воздерживаетъ несправедливостъ и припѣсненія и дѣлаетъ господъ ихъ крошкыми и снисходительными. Поселяне не сполко лѣнны, каковыми почитаютъ ихъ нѣкоторые пупешественники. Порокъ сей принадлежитъ черни, скипающей въ большихъ городахъ, убійство и воровство которой происходятъ не отъ избѣжанія горести или нужды; но отъ привычки къ разсѣянной и развратной жизни. Многие преступники признавались, что они совершили убійства единственно для того, что бы, на одинъ вечеръ доставить себѣ удовольствіе. Сіи такъ называемые Лазарони бродятъ по улицамъ, просятъ милоспину, и если иногда въ нуждѣ выработываютъ что нибудь на приспани, то всѣ деньги несутъ въ шинокъ, навимаютъ подругу, которыхъ весьма много, пьютъ съ нею, поютъ и пляшутъ, и какъ говорятъ они „наслаждаются жизнью.“ Печальная мысль, что болѣзнь и старость лишитъ прощпанія, никогда не беспокоитъ его воображенія; ибо состояніе нищаго старца, по похвальной набожности богачей, есть самое беззаботное въ разсужденіи пищи и приюшу. Правительство, не имѣя способовъ занять работою такое множество тунеядцевъ, не въ силахъ ошвратить многія убійства, ими совершаемыя;

однакожь со времени пребыванія Короля въ Палермѣ оныя случающя не шакъ часто какъ прежде. Ночью по всѣмъ улицамъ и переулкамъ сшоятъ драгуны на лошадяхъ и съ заряженными ружьями; въ 10 часовъ запирають шинки, чернь прогоняють въ подвалы и никому безъ фонаря не позволяють ходить по улицамъ. При правленіи Вицеровевъ нанять убійцу сшило не болѣе 100 и 150 рублей, теперь же по сшрогости полиціи и за пысячу такое злодѣйство рѣдко купишь можно.

Сицилійцы не смопря на шо, что сполько преданы удовольствіямъ и праздноспи, не ушрашили еще, подобно Италіянкамъ, военнаго духа. Они, любя забавы, не пошеряли изъ виду опечества, и хошя военное званіе не въ шакомъ уваженіи, какъ бы надлежало ему бытъ; однакожь на храбрость солдатъ и усердіе народа, Король можешъ надѣяться, и въ случаѣ нужды можешъ оными воспользовашься.

*Церковныя обряды на Страстной и
въ недѣлю Пасхи.*

Народъ набоженъ и церкви всегда полны; но какъ служба опправляетъ на Липинскомъ языкѣ, шо исповѣдывашься и приобщашься, не пропускають обѣдни или вечерни, особливо когда бывають освѣщенія и концерпы, значить имѣшь вѣру и бышь усерднымъ Каптоликомъ. Какъ наибольшая часопь народа не чишаешъ почти ни какихъ книгъ Священнаго

писанія, шо духовенство почитаепъ нужнымъ занимать его наружными обрядами, какъ походами, фейерверками и музыкою. Каждый городокъ имѣепъ особенную какую либо церемонію своего изобрѣшенія и не входящую въ поспановленные общія всѣмъ церковныя торжества. Если шакая вѣра не просвѣщаетъ народъ, шо въ семъ наружномъ Богопоклоненіи онъ находишь все нужное, дабы безъ ложныхъ умствованій, въ прошомъ сердца бытъ Христіаниномъ.

Въ Палермѣ, кромѣ 46 мужескихъ и 25 женскихъ монастырей, счишается 121 церковь; онѣ принадлежатъ разнымъ орденамъ монашества. Въ преспольные праздники всякой почти день бываепъ въ городѣ пальба и церемоніальный ходъ, при чемъ монахи того прихода убранствомъ церкви или музыкою, изъ лучшихъ виршуозовъ, первыхъ пѣвицъ и пѣвцовъ составленною, спараются привлечь болѣе народа, и дабы превзойти или сравняться съ богачѣйшими монастырями, распочаюпъ на сіи праздники великія суммы. Я не стану говорить о многихъ торжествахъ, какъ шо о праздникѣ пѣла Божія (Corpus Domini), Рождества Христова, умовенія ногъ, общихъ всѣмъ Каполикамъ, не упомяну о славномъ торжествѣ свяшой Розалии, а замѣчу только объ обрядахъ, на Спраспной и въ недѣлю Пасхи совершаемыхъ, какъ такихъ, которые не были еще описаны ни однимъ путешественникомъ.

Въ первую недѣлю поста, чрезъ повѣспки объявляется, во первыхъ о нужномъ покаянїи, запрещенїи или позволенїи употребляшь въ пищу мясо или молочное; потомъ извѣщающъ о прибытїи въ городъ какого либо славнаго и извѣснаго проповѣдника, который въ такой-то церкви на примѣръ и въ такой день будешь говоришь на такой-то текстъ. Проповѣди начинающся со второй недѣли и бывающъ каждый день по очереди во всѣхъ церквахъ. Какъ оныя говорятся на Италїанскомъ языкѣ, по посему спеченїе народа бываешъ великое. Одинъ прибывшїй изъ Мессины проповѣдникъ, не помню его имени, имѣешъ истинный даръ слова; онъ говорилъ всегда ошъ глубины души такъ убѣдительно, такъ при томъ краснорѣчиво, что слушащели не одинъ разъ приведены были въ умиленїе и плакали. Въ первой рѣчи о покаянїи, онъ съ такимъ чувствомъ бросился на колѣни предъ распяшїемъ, съ такимъ жаромъ прижалъ оное къ груди, заплакалъ, зарыдалъ, что я, не привыкнувъ еще къ столь смѣлымъ движенїямъ, не употребляемымъ на нашихъ кафедрахъ, невольно со всѣми прочими со скамьи опустился на колѣни. Упомянувъ о смѣлыхъ движенїяхъ, прибавлю, что если бы оныя употреблялись токмо въ испусленїи восторга, то были бы приличны; но какъ Италїанскїе проповѣдники почипающъ нужнымъ помогащъ себѣ во всѣхъ случаяхъ

паншомимою, то по свитости мѣша, онаж кажешся не вездѣ всшати. Къ чему на при- мѣрь служишь, когда проповѣдникъ, обраща- есь къ алтарю или Распяшію, представляешь будто онъ ходишь по каедрѣ, длиною не болѣе 5 или 6 шаговъ; если говоришь онъ къ слушаемымъ, то иногда совсѣмъ перевѣши- ваешся чрезъ перила или угрожая грѣшникамъ машешь на нихъ плашкомъ; если же рѣчь об- ращаешь онъ къ одному лицу, то положишь предъ собою на поручень свою шапочку, дѣ- лаешь видъ будто садишься, облакачиваешся и разговаривая перемѣняешь голосъ.... Сло- вомъ, если проповѣдникъ не искусенъ, то сія паншомима не только не прилична; но даже непозволительна.

Въ чистой четвертокъ съ утра началось въ городѣ великое движеніе. У нѣкоторыхъ церквей и по большому проспекту посшавле- ны были восковыя сшатуи въ группахъ, изо- бражающія сшраспи Христовы; шущъ Иску- пишель молишь въ вершепѣ, тамъ Иуда про- даетъ его воинамъ, шущъ приводишь онъ на судъ къ Пилату, и шакъ далѣе.... Апосто- лы, Архіереи, книжники, Римскіе воины и народъ облечены въ великолѣпныя и насшол- щія того времени одежды; сшатуи опшич- нымъ образомъ опрабошаны и всѣ кажушь живыми. Когда Архіепископъ, читая Еванге- ліе, произнесъ: „земля пошрясеша и завѣса цер- ковная раздрася,“ въ Соборѣ ударомъ колоко-

ла возвѣспили о началѣ Церковнаго шраура. Съ сего времени до воскресенія Христа, не позволяется выѣзжать въ экипажахъ, звонъ умолкаетъ, всѣ дамы и кавалеры являюся въ глубокомъ шраурѣ, изъ оконъ вывѣшиваюся черные ковры. Король съ непокровенною главою и вся Королевская фамилія, въ сопровожденіи придворнаго шшапа, въ шраурныхъ робахъ, пѣшкомъ посѣпили Соборъ и другія церкви; вечерню слушали въ женскомъ монастырѣ св. Цециліи. Хоръ молодыхъ воспитанницъ, скрытыхъ отъ любопытнаго взора за непроницаемымъ занавѣсомъ, пѣвшихъ на хорахъ, восхишили всѣхъ слушателей. Въ 9-ть часовъ, когда я вышелъ изъ церкви, въ самой срединѣ города находящейся, былъ я ошпановленъ и изумленъ блескомъ освѣщенія двухъ главныхъ улицъ. Между шпроуаровъ спшавлены были аркады, а между оными въ равныхъ разстояніяхъ пирамиды и сполбы, первыя увѣшаны были разноцвѣшными фонарями, послѣднія успавлены плошками, вдали чшверо Палермскихъ воропъ горѣли сплошнымъ огнемъ. До двухъ часовъ ночи на улицахъ была такая шѣсноша, что вездѣ надобно было съ шрудомъ продирашся, дворянство сопровождается было множешвомъ слугъ, несущихъ предъ ними пылающіе факелы, служеніе прдолжалось до свѣша, и всѣ церкви, не смотря на шо, что безпрешанно переходили изъ одной въ другую, были полны народа.

Часть IV.

7

Въ пятницу, въ четьре часа послѣ обѣда, началась великая процессія погребенія Христа. Обрядъ сей вкупѣ благочестивъ и великолѣпенъ. И былъ изумленъ освѣщеніемъ Собора, восхищенъ пѣніемъ и музыкою, и до глубины души пронупъ погребеніемъ. Ошъ дворца до Собора, войска поставлены были въ двѣ линіи; знамена, пушки и барабаны увѣшаны были чернымъ одѣяніемъ; дорога, гдѣ долженъ былъ ийти Король и его фамилія, усплана была краснымъ сукномъ. Не смошря на шо, что я пришелъ въ Соборъ еще за два часа до службы, едва могъ прополкаться до хорошаго мѣста. Церковь была убрана и освѣщена шакъ, что, признаюсь, я никогда не видалъ ничего сему подобнаго. Обращая вокругъ себя изумленный взоръ, казалось мнѣ, что я находился въ чершогѣ небесномъ, гдѣ солнце и всѣ планеты, въ обширныхъ сводахъ церкви помѣщенныя, освѣщали оную. Церковныя огромныя своды увѣшаны были зеркалами, окна закрыты прозрачными карпинами, изображающими спраданія Христовы; стѣны обиты чернымъ сукномъ, усѣянны звѣздочками, изъ золошой и серебрянной бумажки съ фольгою; колонны увѣшаны бѣлою и черною пафтою. Посреди церкви прешиву главнаго алшаря на обишомъ бархатомъ подъ балдахиномъ кашафалкѣ, усыпанномъ перлами и драгоцѣнными каменьями, несомомъ Херувимами и Ангелами, сполла изъ

камня изсѣченная гробница и въ ней лежалъ Спаситель въ шерновомъ вѣнцѣ. Богородица у подножія гробницы въ глубокой горести ва ступеняхъ кашафалки пала ницъ, Іосифъ пославленъ у головы, два Апостола стояшъ съ боковъ также въ печальномъ положеніи. При шакомъ убранствѣ надобно представитъ себѣ по крайней мѣрѣ 10,000 восковыхъ свѣчъ, горящихъ подъ сводами въ хруспальныхъ люстрахъ, предъ шринадцатью алтарями и вокругъ кашафалки въ большихъ канделябрахъ; свѣшъ сей отражаясь отъ зеркальныхъ сводовъ разливалъ такой ослѣпительной блескъ, что церковь казалась быть объята пламенемъ. Громъ барабановъ возвѣспилъ шествіе Короля, Архіепископъ встрѣшилъ Его Величество въ поршикѣ и служба началась. Я былъ внѣ себя отъ музыки, но когда пѣли стихъ „благообразный Іосифъ,“ то я до того былъ распроганъ, что едва могъ удерживать слезы. По окончаніи службы гробъ вынесли изъ церкви и поставили на погребильную колесницу. Король, Архіепископъ и два Принца крови, подняли съ престола драгоценную плащаницу, унизанную бриліантами и жемчугомъ, и покрыли оною гробъ Спасителя. Шествіе началось слѣдующимъ порядкомъ; впереди шли со знаменами цѣхи ремесленниковъ, за ними дворянство, градоначальники; попомъ духовенство, за коимъ эскадронъ Римскихъ всадниковъ; Евреи и Римскіе воины окружали огромную коле-

*

сницу, везомую двѣнадцатью лошадьми, за гробницею непосредственно шель Король съ своею фамиліею, за нимъ ошрядъ гвардіи; и наконецъ народъ. Предсавше себѣ нѣскольکو тысячъ факеловъ, предсавше себѣ мелодическіе звуки тысячи инструменповъ и голосовъ, предсавше болѣе 100,000 народа, шолпящагося по улицѣ, шстоящаго у оконъ и на крышахъ домовъ, и можеше вообразить благоговѣнное впечатлѣніе, какое въ душѣ Хрисіанина должно произвешъ сіе священное шествіе, шоль близко напоминающее о смерти Спасителя нашего. По чрезвычайной шѣсношѣ и не могъ итти за колесницею, кошорая обѣхавъ главныя улицы возвратилась въ Соборъ и церемонія кончилась. Служба, какъ и въ чешвершокъ, продолжалась во всю ночь; народъ переходя изъ церкви въ церковь прикладывался къ плащаницѣ, и самыя бѣдныя клали на оную что нибудъ въ пользу нищихъ, даже и сіи удѣляли ошъ милосшыни своей; духовенство, къ чести ихъ сказать должно, не шокмо не пользуется симъ значительнымъ сборомъ, но прибавляетъ еще свои деньги, дабы въ день Пасхи, надѣливъ оними всѣхъ нищихъ своего прихода.

Въ суббосу въ три часа послѣ обѣда, пушечныя громы съ кораблей и крѣпостей, ужасная спуконня Марсова огня у каждой церкви, возвѣспили о воскресеніи Хрисшовомъ. Въ Ишаліи для пальбы упошребляюшся чугуны

ныя морширки, называемыя *Масколи*; ихъ за-
 ряжаютъ малымъ количествомъ пороха, заби-
 вають дуло мягкаго дерева клиномъ и кла-
 дуть въ одинъ или нѣсколько рядовъ, такъ
 что между каждыи девашью малыми помѣ-
 щается большая морширка, отъ чего мушкет-
 ный огонь малыхъ и пушечная пальба боль-
 шихъ, происходитъ совершенно правильно.
 Для произведенія Марсова огня, кладуть Ма-
 сколи въ улишочную черпу или въ четверо-
 угольники сходящіяся въ одинъ центръ; по-
 мощію разстояній соблюдается мѣра времени,
 звукъ грома увеличивается какъ величиною
 морширокъ, такъ и посепеннымъ ошъ кра-
 евѣ къ центру прибавленіемъ числа оныхъ.
 Проводникъ напишанный мякою кладется
 на заправки, и зажигается съ конца; огонь
 бѣжитъ по ниткѣ, отъ чего не можетъ
 случиться, чтобы какая Масколи не выстрѣ-
 лила. За недоспашкомъ чугуныхъ упопре-
 бляются глиняныя морширки. По причинѣ
 дурной погоды, а болѣе боясь въ шѣсношѣ по-
 вредить раненую руку, я не видалъ церемо-
 нии, въ день Пасхи совершаемой. Освѣщенія,
 продолжавшіяся во всю Свяшую недѣлю, были
 съ опмѣннымъ вкусомъ. На Толедо и Касса-
 ро, во всѣхъ домахъ и въ каждомъ окнѣ поста-
 влены были транспараншы, кошорые будучи
 освѣщены сзади поставленными лампадами,
 представляли по обѣимъ сторонамъ улицы
 карпины, сяоль хорошія, что думаешь, буд-
 тобы находишься въ эрмишажѣ.

Въ понедѣльникъ на Святой, переходя изъ церкви въ церковь, размашриваль я убранныя оныхъ и не могъ одну другой предпочесть; однакожь соборная понравилась мнѣ болѣе прочихъ. Колонны въ оной увишны были гирляндами искусственныхъ цвѣтовъ, алшари и образа душистыми цвѣтами, стѣны обложены зеленю перемѣшанною блестящею фольгою и разноцвѣтными бумажками. Въ продолженіи семи дней Пасхи, во всѣхъ монастыряхъ и приходскихъ церквахъ собирается милостыня для бѣдныхъ, обычай достойный общаго подражанія. Предъ окончаніемъ литургіи и въ продолженіи концерта, три прекраснѣйшія дѣвицы, по собственному ли благочестію или по выбору, того не знаю, подходятъ къ алшарю; Священникъ подаетъ одной серебряное блюдо, покрываетъ ее покрываломъ и благословя налагаетъ на голову цвѣточной вѣнокъ; другія двѣ украшаются чрезъ плечо гирляндю изъ розъ; всѣ три вмѣстѣ ходятъ по церкви и кто положишь на блюдо монету, по двѣ крайнія, держащія концы покрывала, одна за другою, пошупивъ взоръ, кланяются и идушь далѣе. Слѣдуя здѣшнему обыкновенію, я приготоовилъ нѣсколько грошей; но признаюсь, по мѣрѣ, какъ дѣвицы ко мнѣ приближались, я прибавлялъ гривну къ гривнѣ, а когда онѣ ко мнѣ подошли, положилъ червонецъ, и шѣмъ заспавилъ всѣхъ шрехъ взглянушь на себя. Между шѣмъ,

пока собирается милоспыня, на дворѣ монастырскомъ или позади церкви нищѣ приглашаются за общую прापезу, предъ окончаніемъ которой дѣвицы, какъ ангелы ушѣшители выходяпъ къ нимъ и раздѣляютъ собранное каждому поровну. Другой способъ собиранія милоспыни доставляетъ бѣднымъ значительнѣйшее пособіе. Знапнѣйшія дамы, пользующіяся наибольшимъ уваженіемъ, принимаютъ на себя обязанность приглашать къ сему благородному дѣлу всѣхъ желающихъ къ подпискѣ. Въ семь году, собирала милоспыню Принцесса Паперно; я встрѣшилъ ее однажды ѣдущую по Толедо, въ открышомъ Лондо и въ шесть лошадей; она имѣла на себѣ черное покрывало, предъ нею поспавлено было распяшіе; народъ сопровождалъ ее благословеніями; она часпо оспанавливалась, входила въ дома и принимала даже ошъ проходящихъ всякую бездѣлицу; и такимъ образомъ, какъ меня увѣряли, въ недѣлю собрала 100,000 рублей, кошорые въ Воскресенье розданы были ею неимущимъ часпію деньгами, другимъ ссудою, инымъ одеждою и хлѣбомъ; сверхъ того она угощала на дворѣ своего дома при пысячи нищихъ.

Въ Суббошу на Спраспной, вмѣсто стапуй, изображающихъ спраспи Хрисповы, въ богашыхъ алковахъ поспавлены были восковыя опличной рабошы изображенія Богородицы со вкусомъ и великолѣпно одѣшой. Предъ сими алковами ошъ упра до вечера,

въ продолженіе недѣли Пасхи, музыка, состоящая изъ Калабрійскихъ волюнокъ, не умолкала, а въ перемѣну оной, нищіе пѣли гимны и просили милоспины. Театральные, полковые и церковные музыканты, также какъ у насъ въ новый годъ, ходяшь по домамъ поздравляшь съ праздникомъ. Въ заключеніе замѣчу объ одномъ обрядѣ, досшойномъ особаго вниманія. Въ Субботу на святой недѣли, Король по представленію Уголовнаго суда, прощаешь (исключая смершоубійць) нѣсколько преспуниковъ. Обрядъ сей, называющійся очищеніемъ преспупления, совершается слѣдующимъ образомъ. На площади прошиву шюремнаго замка, спавишся висѣлица, окруженная войсками. 12 избранныхъ преспуниковъ въ цѣпяхъ и за конвоемъ, выводяшся изъ шюрмы такимъ почно порядкомъ, вакъ бы они ведены были на казнь. Чиновникъ Уголовнаго Суда читаешь имъ смершный приговоръ. Палачъ надѣваетъ на голову каждого холспинные колпаки, и одного за другимъ подводя къ висѣлицѣ надѣваетъ петлю на шею; по данному знаку, тянушь веревку, кошорая снимаетъ съ преспуника колпакъ, пущь объявляюшь ему, что Король беретъ на себя его грѣхъ и даруетъ ему прощеніе; войска дѣлаюшь на караулъ, бьюшь въ барабаны и вмѣспѣ съ народомъ кричашь, да здравшвуетъ Король! Послѣ сей церемоніи преспуники идушь въ церковь, приносяшь по-

каянiе, молящяся съ колѣнопреклоненiемъ, приобщающяся Святыѣхъ Таинъ и увѣщающяся бытъ впредь честными, полезными обществу гражданами, и дабы шѣмъ заслужишь Царскую милость. Въ церкви надѣваешъ на нихъ бѣлые саваны и съ музыкою водяшъ по городу собирашъ подаянiе.

Д в о р я н с т в о .

Графъ Рожеръ, въ 1130 году признанный Папою Королемъ Сицилiи, раздѣлилъ оную на три части; первую ошдалъ Духовенству, вторую начальникамъ своего войска, прешью оспавиль себѣ и симъ положилъ основанiе Феодалной системы, кошорая давно уже не сущесвуешъ въ Европѣ, но въ Сицилiи сохранилась и до сего времени. Дворянство или, какъ здѣсь называющъ, Баронство, составляя военное сословiе, за право владѣнiя обязано, по первому требованiю Короля, выходить въ поле съ опредѣленнымъ числомъ своихъ вассаловъ, и за сiю обязанность имѣешъ преимущества *Mero et Mixto Imperio*, ше естъ власть осуждашъ на смерть своихъ подданныхъ; только съ шѣмъ ограниченiемъ, что прежде исполненiя приговора, должно извѣспить Короля. Владѣтельнаго Баронства, имѣющаго сiе право, считаешся 378 особъ. Старшiй сынъ

имѣешь титулъ отца, младшіе называются Донъ, дочери Донна, что соотвѣтствуетъ Нѣмецкому Фонъ или Англинскому Лордъ и Леди. Въ Сициліи очень много Дворянства, не имѣющаго сихъ преимуществъ, почему первенствующее очень дорожитъ своею родословною; титула оныхъ суть слѣдующія: Князь (principe) Герцогъ, Графъ и Маркизь. Хотя первые два и почитаются старшими послѣднихъ; но какъ имѣющіе Княжескія и Герцогскія титула, возведены въ сіе достоинство въ новѣйшія времена Филиппомъ II, и Карломъ V, Испанскими королями, а Графы происходятъ отъ древняго Норманскаго дворянства, Маркизы же жалованы еще въ 15 столѣтіи отъ Короля Алфонса; по посему важность Сицилійскаго титула съ ихъ древностію, находится въ обратномъ содержаніи.

Сицилійское Дворянство, подобно Англинскимъ Лордамъ, любитъ распространять по чужимъ землямъ. Тамъ занимая полезныя знанія и обычаи, дворяне возвращаются домой безъ предразсудковъ и столько же какъ Духовенство упражняются въ наукахъ, наиболѣе въ словесности. При такомъ воспитаніи, и образѣ жизни они въ обращеніи не имѣютъ высокоумной Испанской гордости, напрошивъ они очень внимательны къ иностранцамъ и въ вѣжливости не уступаютъ Французамъ, въ гостепріимствѣ же равняются Рускимъ. Шедрость ихъ къ бѣднымъ всякой похвалы достойна,

роскошь въ убранствѣ домовъ, или лучше своихъ дворцовъ, въ собраніи шпагъ, картинъ, библиотекъ, музеумовъ, особенно же спрасъ имѣшь лучшей экипажъ и ливрею, производящъ удивленіе въ каждомъ путешественникѣ и должно отдавать имъ справедливосшь, что во всѣхъ родахъ расчотенія они показывающъ много знанія и болѣе вкуса, нежели сосѣды ихъ Неаполитанцы.

Духовенство.

Въ Сициліи считаешся при Архіепископа и восемь Епископовъ. Архіепископъ Палермскій, Примасть Сициліи и глава духовенства въ Парламентѣ; имѣешъ 16,000 талеровъ (*) годоваго дохода; въ его Епархіи состоящъ Епископы: Жирженпскій, Машцарскій и Малпійскій. Архіепископъ Мессинскій имѣешъ наибольшую Епархію и меньшій доходъ; Епископы: Цефалу, Липари и Пашпи принадлежатъ къ его Епархіи. Архіепископъ Монпъ-Реальскій при малой Епархіи естъ богатѣйшій Прелашъ Королевства. Годовой его доходъ простираешся до 72,000 талеровъ. Епископы Кашанскій и Сиракузскій принадлежатъ къ его

(*) Талеръ цѣною въ одинъ рубль 20 копѣекъ серебромъ.

Епархіи. Губернашоръ Моншь-Реальскій избираешя опъ Архіепископа, ибо городъ ешь его собшвенность.

Духовеншво, получа опъ Короля Рожера шретью часшь оспрова, обладаешъ великими капиталами, кои не приносятъ Государшву никакой пользы. Въ числѣ 1,700,000 полнаго населенія Сициліи, 500,000 полагаешся одного Священшва; въ Палермѣ въ числѣ 180,000 жителей, считаешся 40,000 монаховъ; въ Мессинѣ въ числѣ 40,000 гражданъ почти половина монаховъ; потому и не должно удивлятья чшо въ городахъ улицы шемнѣютъ опъ черныхъ ихъ одеждъ. Такое множештво праздныхъ почти безъ всякаго занятія людей, изьятшихъ всякой повинности, живущихъ шакъ сказаши на счешъ народа, и ни чѣмъ не вспомошешвующихъ Правительшву, кромѣ частныхъ и произвольныхъ нищимъ подаяній, опъ копорыхъ классъ сихъ шунеядцевъ ни мало не уменьшаешся, не шолько могутъ назвашия безпольными членами общешва; но шакое великое число Монаховъ, ешь причиною слабости правленія и многихъ безпорядковъ опъ оной происходящихъ. Свѣшская власшь духовеншва, бывшая причиною многихъ золъ, нынѣ очень ослаблена и хошя оно въ помѣшлыхъ своихъ, подобно дворяншву, можешъ рѣшитъ частныя ссоры, но приговоры его не имѣютъ силы.

Н а р о д ъ .

По малому населенію Сициліи и по рѣдкому плодоносію ея, можно судить о крайнемъ ушѣсненіи народа, который не сколько лѣнивъ какъ вообще о томъ думаютъ. Народъ платитъ Дворянству извѣстную подать; жилищные крестьяне берутъ помѣстья ихъ на откупъ; земля, на которой другіе крестьяне поселены, есть ихъ собственность; контракты на откупъ заключаюся не менѣ какъ на 20 лѣтній срокъ. Если при семъ положеніи не затрудняемы были бы средства къ возможности пріобрѣтать и умножать снѣжаніе, то Сицилійцы могли бы почестъ себя счастливыми; но Дворянство, чрезъ происки съ давняго времени присвоивъ хлѣбную торговлю и сдѣлавшись Монополистами, разорили землепашцевъ; и хотя со времени пребыванія Короля въ Палермѣ употребляютъ всѣ средства къ истребленію сего закоренѣлаго зла, но съ одной стороны продолжающаяся война на твердой землѣ, препятствуетъ благому намѣренію Короля, а съ другой, народъ обнищавши не можетъ такъ скоро поправиться. При всѣхъ употребляемыхъ поощреніяхъ, земледѣлецъ испыавъ, что въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, запрещеніе и позволеніе вывозить хлѣбъ не подлежитъ посполному закону, и нынѣ по мѣрѣ ходатайства Англинскаго министерства у Двора, иногда

мгновенно перемѣняюща, шо неизвѣспность принесеть ли урожай какой прибышокъ, побуждаешъ поселянина не слишкомъ спарашься о улучшеніи земледѣлія. Лѣность и небреженіе его, сущъ необходимыя слѣдствія слабоспи. Правленія и злоупотребленій власши высшихъ чиновниковъ.

Народъ, живущій на землѣ плодоносной, влачащій жизнь въ крайней бѣдности, ищеть другихъ средствъ къ пропитанію своему. Праздность, какъ мать пороковъ, пораждаешъ злодѣянія. Правительство, не искореняя ихъ въ самомъ источникѣ, по медленности судопроизводства, въ нѣкопормъ отношеніи поощряешъ пресшупленія и многочисленныя шайки разбойниковъ, на свободѣ грабящъ внушреннія провинціи Сициліи. Въ уѣздныхъ городахъ, принадлежащихъ Дворянству и духовенству, нѣтъ никакой земской полиціи; ибо сіи власшишели почишають себя въ замкахъ своихъ безопасными. Кромѣ приморскихъ городовъ, во всѣхъ другихъ нѣтъ ни одной роты солдатъ, малые отряды полицейскихъ сыщиковъ, находящихся въ городахъ, Королю принадлежащихъ, будучи не въ силахъ воспрепятствовать разбоямъ, чрезъ послабленіе шолько обогащающа; потому-шо здѣсь бышь разбойникомъ и збиромъ почишаеша выгоднымъ ремесломъ. Путешественникъ не иначе можетъ сохранить жизнь и имущество свое, какъ нанявъ для сопровожденія се-

бя сильный ошрядъ молодыхъ людей, которыхъ во всякомъ селеніи находится достасочное число и на честность и храбрость которыхъ совершенно положиться можно. Многие изъ природныхъ жителей, платящъ разбойничему ашаману за пропускъ и получающъ отъ него билетъ, для безопаснаго проѣзда чрезъ извѣстное разсшояніе. Еслибы что у нихъ было ошнато, шо по предъявленіи билета, все безъ малѣйшей ушрашы и замедленія будещъ возвращено или уплачено деньгами.

П р а в л е н і е. ()*

Король Рожерь, по изгнаніи Сарациновъ изъ Сицилій, верховную власть поручилъ Парламенту, состоящему изъ слѣдующихъ шрехъ Государшвенныхъ сословій: 1-е, *Полѣстнаго Дворянства*, предводитель кошораго Князь Бушери ещъ наслѣдшвенный Президентъ и непремѣнный Генераль-Капитанъ военной силы; 2-е *Духовенства*, состоящаго изъ шрехъ Архіепископовъ, всѣхъ Епископовъ, Аббашовъ, Пріоровъ и Депушашовъ отъ разныхъ орденовъ числомъ до 70; Архіепископъ Палермскій ещъ глава духовеншва. 3-е *Представителей*

(*) Стасья сія заимствована изъ краткаго описанія острова Сициліи неизвѣстнаго сочинителя, которая во Французскомъ изданіи прибавлена къ письмамъ Г. Брайдона о Сициліи и Мальтѣ.

народныхъ, назначаемыхъ Депутатами отъ 42 главныхъ городовъ и 310 малыхъ, принадлежащихъ Баронамъ. Каждый подданный, имѣющій собственность, при избраніи Депутатовъ подаетъ голосъ. Глава сего сословія (*Braccio Dominiale*) есть Преторъ или Градоначальникъ Палермы. Достоинство сіе въ великомъ уваженіи ибо Преторъ въ отсутствіи Президента заступаетъ его мѣсто, и кромѣ того, какъ главнонародныхъ представителей, имѣетъ великое участіе въ правленіи. Парламентъ сей есть верховное судилище и всѣ власти ему подчинены; онъ налагаетъ подати и назначаетъ суммы расходовъ. Король имѣетъ право созывать и распускать Парламентъ по своей волѣ, чрезъ Канцлера онъ предлагаетъ на совѣщаніе оного всякій новый законъ. Канцлеръ (*il Protonotario*) предложивъ волю Короля и избравъ 12 Депутатовъ, называемыхъ защитниками народа, выходитъ изъ присутствія. Не смотря на сей обрядъ, власть Королевская содѣлываетъ рѣшенія Парламента безсмысленными.

Гражданское правленіе состоить изъ четырехъ Трибуналовъ. 1-й: *Королевская Палата*: раздѣляемая на Гражданскій и уголовный судъ, рѣшитъ окончательно всѣ дѣла. 2-й *Трибуналъ Королевскихъ имуществъ* (*Patrimonia del Re*, о *Della Regia Camera*) управляетъ Королевскими доходами. 3-й *Юнта* есть Мессинское городское правленіе, учрежденное съ того времени,

какъ городъ сей лишенъ за возмущеніе великихъ своихъ преимуществъ. 4-й *Консисторіалъ*, рѣшишь апелляціонныя дѣла или разсмашируетъ опредѣленія первыхъ двухъ Трибуналовъ. Совѣтники сихъ чепырехъ Трибуналовъ, судьи, Президенты, адвокаты и фискалы назначаются Королемъ.

Папа Евгений III, предоспавиль Королю Рожеру права своего Легата; почему Короли Сицилійскіе издревле и одни изъ Каполическихъ Королей въ духовномъ и свѣшскомъ отношеніи почищаются отъ Папъ независимыми. Въ слѣдствіе сего преимущества, владѣтели Сициліи, для управленія дѣлъ, Папскому Легату присвоенныхъ, учредили духовный Трибуналъ, называемый *la Monarchia Regia*. Трибуналъ сей состоишь изъ чепырехъ духовныхъ Министровъ, Доктора Каноническихъ правъ, называемаго *Monsignor della Monarchia*, Адвоката, Фискала и Прокурора. Апелляціонныя духовныя дѣла окончательнo рѣшались въ семъ Трибуналѣ. Другое духовное судилище называется *Трибуналъ крестовыхъ походовъ*. Въ 1095 году Папа Урбанъ II, предоспавиль шѣмъ подданнымъ Христіанскихъ Государей, копорые пойдуть въ Палестину для завоеванія гроба Господня, многія преимущества, между прочими, позволеніе въ посшы ѣсшь молочное. Папа Александръ VI, новою буллою, по особенной благосклонности къ Королю Фердинанду Каполику, подтвердилъ сіе преимущество для его подданныхъ Королевства Испаніи и

Часть IV. 8

Сициліи. Архієпископъ Палермскій, какъ Примасъ духовенства, естъ Генераль-Коммиссаръ сего Трибунала, коему подлежають другіе во всѣхъ городахъ учрежденные. За позволеніе въ посылъ упошребляють молочное, Трибуналь сей получають ежегоднаго дохода до 600,000 рублей, копорые обращаются на содержаніе галеръ или на выкупъ Христіанъ, въ плѣну у Турокъ находящихся.

Инквизиція существуетъ только по одному названію; власть сего судилища очень ограничена и пресѣчены всѣ способы къ злоупотребленіямъ. Не смотря на сіе, никпо однакожь не смѣють похваляться своимъ безвѣріемъ или превращно толковать приняшыя обряды вѣры. Судилище сіе и при первоначальномъ своемъ учрежденіи Испанскими Королями не смѣло упошреблять шѣхъ жестокихъ средствъ, кои были въ обыкновеніи въ Испаніи и Италіи; народъ противился сему, дворянство не шерпѣло, чшобы Испанскій монахъ самовластвоваль надъ ними. Всѣ слишкомъ ревностныя Инквизишоры, за малѣйшее насиліе, особенно, когда они дерзали входить въ разбирашельство поведенія и мнѣній Баронства, неукоснительно были умерщвляемы рукою убійць.

Городъ Палерма, по древнимъ своимъ преимуществамъ, управляеться особымъ *Сенатомъ*, состоящимъ изъ Прешора и шести Сенаторовъ. Прешоръ сверхъ сего управляеть хозяйственною часшію и естъ глава народныхъ пред-

спавишелей въ Парламентѣ. Сенаторы, избираемые изъ Грандовъ Испанскихъ первой степени, подобно Римскимъ Сенаторамъ, носятъ пурпуровыя тоги. Въ уголовнои судѣ предсѣдательствуешь такъ называемый Юстицъ-Капитанъ; онъ же есть и Предводитель дворянства. Въ Преторіанскои судѣ засѣдають шрое судей, избираемыхъ погодно Королемъ изъ Палермскихъ гражданъ; они присушествують также въ уголовномъ судѣ и, участвуя въ распоряженіи городовыхъ доходовъ, состоятъ въ повелѣніи Препора.

Законы и судопроизводство.

Сицилійскіе законы разсѣяны и смѣшаны во многихъ старыхъ полсныхъ томахъ и кипѣ новыхъ указовъ, копорые въ рукахъ судей, подобно Хамелеону, принимають на себя всякой цвѣтъ и измѣняютъ оный въ шѣхъ вещахъ, къ коимъ приближаютъ они сіе живое; ибо одна власть, кошорая превышаетъ всѣхъ законовъ, не судишь, а только соглашается, что всякой цвѣтъ хорошъ. Власть сія иногда видишь, что безпорядки со дня на день умножаются, что болѣзнь въ шѣлѣ Государственномъ укореняется; слышишь вопли сшрадающихъ; знаешь, что для пресѣченія сего зла надобно принять на себя нѣкопкой шрудъ, или спойшь шолько пожелаешь онаго; но предполагая ошъ излишняго напряженія силъ своихъ болѣе вреда нежели пользы, не дѣлаешь ни-

какого движенія . . . И такимъ образомъ, борясь между предположеніями и сущностію, не замѣчаешь смятенія, не внемлешь стонамъ, привыкаешь къ немощи, и излѣченія оной ожидаешь опъ случая, или говѣряешь его такимъ людямъ, кои, для пользы своихъ, единственно спараются о продолженіи болѣзни.

Судопроизводство въ Сициліи есть самая недоспаточная, самая запущенная часть народоправленія. Прежде, нежели дѣло достигнетъ Трона, оное должно пройти, считая отъ Баронскаго, чрезъ шесть судовъ, и часпо, случается, что Государственный Секретарь, (*Maestro Secreto*), замѣпивъ малѣйшее опступленіе опъ приказнаго обряда, опсылаетъ оное назадъ для разсмотрѣнія снова, начиная съ нижней инстанціи, и потому дѣла праведныя и неправедныя продолжаются цѣлые вѣки. Посему-то пляббы здѣсь безчисленны, ябеда составляетъ игру, изощряющую хищность, подлогъ и обманъ; все небогатое дворянство въ оной упражняется для шого, чтобы чѣмъ нибудь себя занять, избавившись военной службы, гдѣ не лзя нажишься спрасшію богачей имѣшь безъ нужды надобность въ челоѣкѣ, знающемъ ябеду для защищенія ихъ въ судѣ опъ напраслины.

Спряпчіе называются здѣсь Докторами правъ, и названіе сіе имъ весьма прилично; они лѣчатъ сушягъ шочно шакъ, какъ у насъ Лѣкари припворно-больныхъ; берутъ деньги, и даютъ шолько пипшь воду съ сахаромъ. Не смощря на то, что Докшоровъ здѣсь очень много, каждый

изъ нихъ нерѣдко получають въ годъ ошь 20 до 30,000 рублей, и сіе дѣлаешия однакожь законнымъ образомъ по условію. Если дѣло сомнительно или запушано, приглашаются на совѣшть другіе правовѣдцы, общее мнѣніе скрѣпляютъ они подписью и довѣренный Докторъ по сему насшавленію ведепъ дѣло. Забошы Докторовъ сосшоятъ въ шомъ, чшобы согласишь судьей, копорые, получивъ за шруды свои воздаяніе наличною монетою, безъ шруда убѣждающися въ шомъ, въ чемъ кому угодно. Судьи, а болѣе Секретари, на коижь судопроизводство вращаешся какъ шаръ земный на своей оси, съ давняго времени сдѣлавъ привычку получашь великую прибыль, не берутъ мало и считають за грѣхъ нажишь въ годъ менѣе 60.000 рублей. Они всякими способами спѣшашъ набить свой карманъ; ибо Король перемѣняешъ ихъ чрезъ каждые два года. Судьи и Секретари получають малое жалованье и избираюшся изъ спрпачихъ.

Я одинъ разъ ходилъ въ Королевскую Палашу. Какой шумъ, шѣснопа, нечистота и дукоша; Эшо храмъ неправды, гдѣ всѣ ябедники, криводушныя полковашели законовъ, приказныя проидохи, спремпяся опличить себя на поприщѣ обмановъ. Президентъ, Адвокатъ-фискаль и шрое Судей сидѣли вокругъ шшшш; всѣмъ имъ вмѣстѣ было не менѣе 400 лѣшъ. Одинъ изъ нихъ пошѣлъ подъ тяжестію большаго парика, другой прохлаждалъ себя вѣромъ, шрешій зѣваль, чешвершый спалъ; Спрпачій, поднявшися на носки, держа

въ рукахъ полстую шепрадъ, кричать во все горло: *La senta! La senta!* послушайте! послушайте! и никто его не слушалъ: ибо дѣла читають шолько для одной формы. Рѣшенія суда, будучи основаны на сбивчивыхъ и сомнительныхъ законахъ, не имѣють силы, и шолько одна воля и желаніе Короля приводишся въ исполненіе. Судьи, обзанные давать опчетъ въ своихъ мнѣніяхъ высшимъ чиновникамъ, зависящимъ опъ самопроизвольной власпи, не могутъ бытъ безприсраспными хранителями законовъ, и никогда не спрашашся наказанія за несоблюденіе оныхъ; ибо когда бы законы были ясны и почны, то не нужно бы было споль часпо испрашивашъ Королевскія повелѣнія, и судьи, шакъ сказать, на каждомъ шагу никакъ не смѣли бы ошибашся. Тогда и самый хипрый правовѣдецъ изъ пропиворѣчій указовъ не могъ бы извлечь своего оправданія; ибо наказаніе немедленно бы слѣдовало за прешупленіемъ.

Приказный слогъ ученъ и надупъ; въ немъ сполько повшореній, сполько вышерѣченныхъ, нижеименованныхъ, дондеже, паки, убо и сугубо, сполько выходокъ изъ Римскихъ правъ, и примѣровъ изъ древней и Священной Испоріи, что читая или слушая дѣло, какъ говоришся, уши вянушъ; нѣшъ никакой связи, нѣшъ силы, краснорѣчіе самое педаншическое; ибо дѣла пишущся единственпо для того, чтобы длиннымъ, безполковымъ разглагольспвоаніемъ наскутишъ судьямъ, принудишъ ихъ скорѣе подписашъ оныя, что и дѣлашся ими; ибо

они знаютъ, что дѣло послѣ ихъ будетъ разсмащривашься еще нѣсколько разъ, и что за сумбуръ имъ ни слова не скажутъ; ибо и самыя злоупощребленія оспаются безъ вниманія. Они, не входя въ обспоятельшьсва дѣла, не внимая даже здравому смыслу, подписываютъ только шѣ изъ нихъ, за кошорыя опощишано имъ звонкою монешою.

Въ Уголовномъ Судѣ дѣла пекутъ столь же медленно какъ и въ Гражданской Управѣ. Сажаютъ въ шюрму безъ разбора; почему иногда невинные, еще до разсмощрѣнія ихъ обвиненій, отъ заразишельнаго пара и омерзительной нечиспопы умираютъ въ оныхъ. Въ сравненіи совершаемыхъ здѣсь убійствъ, смершная казнь очень рѣдко бываетъ. Въ уголовномъ преспупленіи, не смощря на несомнишельныя обличенія, законъ пребуешъ добровольнаго признанія; но доколѣ преспупникъ не признался, его сажаютъ въ шюрму, и если въ сей гробницѣ, лишенной свѣща и воздуха, высидишь онъ чешыре года, шо опщылаютъ на галеры. Тому несчастному, кошорому уже прочтенъ смершный приговоръ, дается для оправданія опщсрочка на мѣсяць; шущь не лъзя не замѣшишь благопщорной цѣли законовъ. Въ сію ужасную для осужденнаго опщсрочку; къ защитѣ его являешся шакъ называемый *Стряпчий бѣдныхъ*, на кошораго праводушіе и чешпность всякой нещаспный положишься можетъ; ибо Король на почщенное званіе сіе обращаетъ особенное свое вниманіе и изби-

раешъ въ оное наиболѣе мужей безкорыстныхъ, богашыхъ, а болѣе всего крошкихъ и великодушныхъ.

Въ споль многихъ недоспапкахъ, въ семь хаосѣ гражданскаго управленія, копорого безпорядки конечно угнешать могушь подданныхъ болѣе самой войны, ешь и нѣчто доброе. Я разумѣю сословіе стряпчихъ, копорые не подражая и не слѣдуя правилу собрашій своихъ : „любишь ябеду и живишь на разореніи шяжущихся,“ имѣюшь свое чесполюбіе и свою славу. Первоспашейные Спиряпчіе добрыми дѣлами своими заслужили въ общесшвѣ великое уваженіе. Они, имѣя надзоръ надъ младшими, безъ прозбы берушь на себя защищать бѣдняка отъ неправдъ богашаго ; берушь на себя всѣ издержки судопроизводства и ни подъ какимъ видомъ и малѣйшаго знака признапельности за шруды въ шакомъ случаѣ не принимаюшь. Другіе не иначе принимаюшь на себя ходашайство по дѣлу, какъ по убѣжденіи въ правотѣ и справедливости просящаго, и если сіи получаюшь условленную плашу, шо равно какъ и первые могушь гордиться именовемъ защитника невинности. Объявленіе судебныхъ приговоровъ раждаешъ удивительное соревнованіе и ешь основаніе шой чеспи и правоты, кошорая безъ робосши въ благородномъ шремленіи заслужишь одобреніе и похвалу благомыслящихъ, въ судахъ смѣло возвышаешъ гласъ истины, часшо изъяснаешся въ оскорбишельныхъ выраженіяхъ на

счетъ Правительства, и къ чести Короля должно сказать, что онъ сихъ достойныхъ людей особенно уважаетъ и спарается опиличать ихъ своею милостию и ласкою. Примѣръ такого поведенія первослепенныхъ Сприячихъ имѣетъ благошворное вліяніе и на подчиненныхъ, видящихъ, что одно средство нажитьъ честнымъ образомъ, есть заслужить довѣренность публики, которая не иначе приобретаетъ какъ прилѣжаніемъ, знаніемъ и безкорыстіемъ. Трудъ ихъ не осмается безъ награды, ибо болѣе извѣстные Доктора правъ, имѣютъ значительныя имущества.

Власть Короля. — Доходы. — Войска.

Власть Короля неограничена; она подкрѣпляется любовью народа, и нынѣ, со времени пребыванія его въ Сициліи, отъ феодальной системы едвали тѣнь оспалась. Могущество Дворянства отъ многихъ причинъ ослабло и Королю для присвоенія законнымъ образомъ власти Баронства препятствуютъ нынѣшніи его спѣсенныя обстоятельства, политическая его зависимость отъ Англичанъ, а наиболѣе то, что отъ лишенія Дворянства вдругъ всѣхъ преимуществъ, народъ неминуемо былъ бы разоренъ; Престоль лишился бы сильной опоры, казна отъ своевольства празднаго народа лишилась бы большой части доходовъ, и Король вмѣсто безпорядковъ отъ малаго числа дворянъ про-

исходящихъ, долженъ сповозвалъ бы бороться съ буйствомъ плоты невѣжей, кошорые до сего времени удерживались въ должномъ повиненіи шолько властію и попеченіемъ Дворянъ. Освободишь народъ опть всякой подчиненности, къ кошорой онъ уже привыкъ, значило бы дать ему оружіе и прошиву самой Самодержавной власти, опть кошорой неминуемо онъ спалъ бы претоватъ не однихъ повелѣній; но и причинъ, побуждающихъ къ объявленію оныхъ; ибо вольность народа съ самовласціемъ несомвѣстна.

Государственный годовоу доходъ, состоящій изъ разныхъ подаей и сборовъ, простирается до 5,000,000 рублей. Регулярныхъ войскъ, включая и Гвардію, считається 22,000. Солдаты хошя не шакъ выправлены, не шакъ ловко маршируютъ, однакожь спрѣляютъ исправно и очень мѣтко. Конница легка, и на прекрасныхъ лошадяхъ. Войско одѣшо красиво и даже богато; содержаніе получаетъ безнужное; но что всего важнѣе, оживлено духомъ мужества. Многіе полагаютъ, что Испаліанцы вообще не способны къ военной службѣ; но сіе, говоря вообще, несправедливо. Испалія во всѣ времена славилась хорошими Генералами, и хошя Испаліанцы не походятъ болѣе на Римлянъ и извѣжены до шого, что солдаты не имѣютъ воинственнаго вида; однакожь, если они подчинены будущъ искусному Генералу, то ни-

какому народу не уступятъ въ храбрости. Италіянскія войска, подъ предводительствомъ Наполеона сшолько отличившіяся во многихъ сраженіяхъ, особенно въ Ваграмской битвѣ, мнѣніе о ихъ неспособности могутъ совершенно опровергнушь. Сицилійскіе гренадеры, подъ начальствомъ Герцога Гессенъ-Филипсальскаго, защищавшіе Гаэпу, также заслужили имя храбрыхъ даже и опъ самыхъ Французовъ, которые не всегда и не очень охотно отдаютъ справедливость своимъ непріателямъ.

Въ началѣ 1808 года, когда въ Неаполѣ готовилась экспедиція для покоренія Сициліи, Фердинандъ объявилъ объ опасности опечества. Народъ, Дворянство, Духовенство, всѣ сословія вообще изъявили неожиданную многими готовность умереть за Короля. При семъ обнаружилась закоренѣлая ненависть Сицилійцевъ къ Неаполитанцамъ. Народъ гласно просилъ дать имъ Начальниковъ изъ природныхъ Сицилійцевъ, и когда Король снизошелъ на просьбу сію, то въ при недѣли явились добровольно на службу 52,000 чел. подвижной милиціи, кои иждивеніемъ Дворянства были уже одѣшны, а оружіемъ снабжены Англичанами. Намъ пріятно было видѣть, что мундиръ и экзерциція сего народнаго ополченія были точно шакіе, какіе наша пѣхоша имѣла въ царствованіе Императрицы Екатерины II.

Съ нѣкопорого времени носились слухи, будто Британское Правительство вознамѣри-

лось воспользоваться безсиліемъ Короля и предложить ему за корону пансіонъ ; но едва милиція спала подъ ружье, всѣ непріятныя вѣсти умолкли , и конечно оныя были неосновательны; ибо Англичане, занимавшіе Мессину, Катанью, Сиракузы и Мелацо, будучи малочисленны для защищеній сихъ крѣпостей отъ Французовъ , и какъ сохраненіе Сициліи было имъ необходимо для удержанія Мальты ; по всѣ укрѣпленныя мѣста, прошиву Калабріи лежащія , были сданы безъ малѣйшаго сопротивленія Королевскимъ войскамъ, и Англичане, до сего бывшіе господами, сдѣлались госпями ; войска ихъ оспались въ шѣхъже крѣпостяхъ подъ названіемъ вспомогательныхъ ; сверхъ того отъ Англинскаго Парламента назначено Королю пособіе , для содержанія въ готовности всей его арміи. Со всею вѣроятностію сказать можно , что Наполеонъ въ покоренія Сициліи встрѣтитъ многія препятствія, онъ не найдетъ здѣсь своей партіи; ибо хотя и есть недовольные Правительствомъ , но сіи , равно какъ и преданные, спрашатся его владычества. Сицилійцы еще не забыли тиранства Нормандскихъ пришлецовъ , и они еще шѣже самыя , которые на Сицилійской вечери обагрили руки въ крови Французовъ,

Флотъ Неаполитанскаго Короля состоитъ изъ одного корабля , 3 фрегатовъ и 20 канонирскихъ лодокъ.

Фердинандъ IV, есть самая благость; ясное, всегда веселое лицо изображаетъ всю крошечность души его. Судьбѣ угодно было обременить его многими несчастіями и потерями; но онъ не унываетъ, надѣется на Бога и переноситъ всѣ непріятности съ непоколебимою твердостью. Когда Наполеонъ пророческимъ тономъ объявилъ арміи своей, занимавшей Неаполитанское Королевство, скорое завоеваніе Сициліи, то добрый Фердинандъ въ шутку тогда сказалъ: „Неполеону не удастся согнать меня съ земнаго шара; я съ оружіемъ въ рукахъ и моими Борбонами (*) всегда буду Королемъ.“ Симъ Его Величество хохотѣлъ сказать, что онъ какъ Царь будетъ защищаться и умретъ съ честью Бурбоновъ. Король обожаемъ народомъ. Нѣкогда проѣзжалъ онъ городомъ на любимую свою охоту, пышную лодку; народъ такъ сполнился на улицѣ, что коляска его на силу могла двигаться. Король съ добрымъ видомъ, давъ поцѣловатьъ руку ближайшему къ нему Лазарону, едва успѣлъ сказать „перестаньте же кричать и дайте мнѣ дорогу“ какъ народъ разступился, клики да здравствуетъ Опець нашъ! умолкли и чтожь я увидѣлъ? едва Король нѣсколько опѣхалъ, чернь обратилась къ тому нищему, который удостоился поцѣловатьъ Королевскую

(*) Борбони такъ называется здѣсь царская рыбка. Известно, что Король любитъ охоту и рыбную ловлю.

руку и всѣ спремались обнимать его, какъ священнаго прикосновеніемъ Помазанника. Конечно думалъ я въ себѣ, и самыя побѣды не заспавяли бы любви Король болѣе, сколько теперъ любящъ его въ нещасіи. Король ѣздишь всегда безъ свиты, просто въ серпукѣ, рѣдко въ мундирѣ. Онъ такъ близокъ народу, такъ досступенъ, что благодушіе его иногда дѣлаеть Лазароновъ слишкомъ докучливыми и наглыми. Одинъ разъ, когда въ Неаполѣ вздоржалъ хлѣбъ, народъ, бѣжа за его экипажемъ, кричалъ: Опець нашъ! хлѣбъ дорогъ! Король шакже ѣхалъ на охопу, и что же онъ сдѣлалъ? велѣлъ везти себи въ Городовое Правленіе, и вошедъ въ присутствіе спросилъ: почему хлѣбъ такъ вздоржалъ? Президентъ объяснилъ и доказалъ, что цѣна очень умѣренна и уменьшитъ оной не возможно. Очень хорошо, ошвѣчалъ Король, уменьшите опъ фунта ползолотника и объявите цѣну полбаіономъ меньше.

Фердинандъ, будучи уже въ преклонныхъ лѣпахъ старости, съ нѣкотораго времени большую часть заботъ правленія предоспавилъ Королевѣ, и Каролина, обладая высокимъ умомъ маперы своей Маріи Терезіи, имѣеть и ея характеръ, и шакже управляетъ Сициліею, какъ сеспра ея Марія Аншпанеша управляетъ Франціею. Она, искусною рукою швердо держитъ бразды правленія; она распорядаетъ всѣмъ; даетъ повелѣнія Министрамъ; располагаетъ движеніями войскъ; спрощи-

востъ Дворянъ обезоруживаешь леншами, ласками и призываніемъ ихъ ко Двору; своевольства Палермской черни воздерживаешь строгою Полиціею: она все знаешь, что вокругъ ея дѣлается; знаешь, что дѣлають и думаютъ въ Неаполѣ, соображаешь свои дѣйствія съ обстоятельствомъ и шайными сношеніями съ прежними подданными, болѣе безпокоишь Неаполитанскаго Короля, нежели опасается его силы. Будучи въ видимой зависимости отъ Англинскаго Минисперства, она не иначе уклоняется предъ необходимостію, какъ съ достоинствомъ. Въ сношеніяхъ съ неприятелемъ она непреклонна. Наполеонъ предложилъ чрезъ бракосочетаніе дочери ея съ Мюратомъ, соединить въ попомствѣ ихъ, наследство короны обѣихъ Сицилій. Королева изъявила несогласіе свое такимъ пономъ, что униженный, приспыженный онымъ побѣдоносный Рыцарь, въ движеніи гнѣва положилъ во что бы ни спало покорить Сицилію, и въ прокламаціи своей къ Неаполитанской арміи, употребилъ неприличныя выраженія. Не смотря на предсавленіе, что безъ покровительсва флота, не возможно украдкою высадить на рыбацкихъ лодкахъ, досташочнаго числа войскъ для покоренія Мессины или какой другой крѣпости, защищаемыхъ значительною арміею и сильнымъ корабельнымъ и гребнымъ флотомъ, Наполеонъ далъ рѣшительное повелѣніе исполнить его намѣреніе, и изъ десятиштысячнаго корпуса, ночью во время штиля перевезенна-

го изъ Реджіо, къ югу отъ Мессины, едва ли претѣя часть спаслась; прочіе нѣсколькими канонерскими лодками безъ защиты были пощплены въ проливѣ и весьма малое шолько число досталось въ плѣнъ.

Королева поступки свои съ Французами соображала по почной взаимности съ ихъ дѣйствіями, и сія мысль, какъ извѣстно очень, превозила Наполеона; ибо онъ опасался, чтобы и другіе его непріатели не вздумали также съ нимъ обходиться; тогда конечно пришлось бы ему ошъ многихъ выгодъ опказаться. Фра-діаволо, славный Партизанъ Калабрскій, по несчастію попался въ плѣнъ, Неаполишанскій Ксроль опредѣлилъ, какъ преступника, замучить его люпою казнію; Королева узнавъ о семъ предупредила, что она за смерть своего Генерала, прикажетъ казнить тѣмъже образомъ 6 Французскихъ Штабъ-Офицеровъ, находящихся у нея въ плѣну. Іосифъ не послушалъ; Фра-діаволо былъ колесованъ и четвершованъ въ Неаполѣ; 6-шь несчастныхъ Французовъ въ Палермѣ, какъ преступники казнены были на эшафопѣ. Мюрапъ, смѣнившій Іосифа, опредѣлилъ всѣхъ солдатъ и Офицеровъ, уроженцевъ Неаполишанскаго Королевства, оставшихся въ службѣ Короля Фердинанда и попавшихся въ плѣнъ, какъ измѣнниковъ разспрѣливать. Королева увѣдомила его, что она рангъ за рангъ и число за число, будетъ разспрѣливать Французовъ, находящихся у нея въ рукахъ. . . .

Древности.

Въ заключеніе описанія достопамятнѣйшей Палермы, счишаю не бесполезнымъ, для пополненія моихъ замѣчаній, предложить нѣчто о древностяхъ Сициліи, о которыхъ въ Рускомъ переводѣ прекрасныхъ писемъ Г-на Брайдона ничего не упомянуто, вѣроятно по тому, что Г. Кампе, издавшій путешествіе Брайдона, на Нѣмецкомъ языкѣ, спашью о древностяхъ выпустилъ.

Большая часть Сицилійскихъ писателей согласно утверждаютъ, что Сициліяцы происходятъ отъ Хама, сына Ноева, который есть Сатурнъ, построившій великій городъ Камазену. Берозъ думаетъ, что онъ отъ испортившагося перваго имени назывался попомъ Камарина; напротивъ Гварнери, Каррера и другіе утверждаютъ, что Камазена была у подошвы горы Этны, между Ачи и Капанъею, противу трехъ голыхъ скалъ, кои и донинѣ сохранили имя Циклоповъ. Каррера упоминаетъ объ одной надписи, видѣнной имъ на развалинахъ Ачи, оправдывающей его предположеніе. Онъкъ тому прибавляетъ, что Хамъ былъ великой злодѣй и прозванъ за то Esenus, то есть безчестный. Фацелло говоритъ, что онъ женился на родной своей сестрѣ Реѣ Церера, дочь ихъ, царствовавшая въ Сициліи, не имѣвшая пороковъ отца своего, славилась красотою, кротостію и мудростію. Она изъ пшеницы и винограда, кои сами собою

въ великомъ изобилии тогда произрастали, научила подданныхъ своихъ приуготовлять хлѣбъ и дѣлать вино. Прозерпина была спольже прелестна и добродѣтельна, какъ мать ея Царера. Оркусъ, Царь Эпирскій, желалъ имѣть ее своею супругою, что и подало Грекамъ случай къ вымышленію басни о похищеніи Прозерпины Плутонемъ, богомъ Ада, ибо Оркусъ былъ нрава суроваго и угрюмаго,

Церера была первымъ божествомъ Сициліи. Говорятъ, что и нынѣ находящаяся медали съ прекраснымъ изображеніемъ Богини, а на оборотѣ съ хлѣбныхъ колосомъ. Она построила свою столицу на вершинѣ высокой горы, въ срединѣ оспирова и назвала оную по имени горы, Энна. Нынѣ на мѣстѣ семь спойшь горедъ Кастрожовани, въ коемъ никакихъ оспашковъ отъ Энны не видно.

Цицеронъ, по мѣстоположенію Энны въ самой срединѣ Сициліи, называетъ ее *Umbilicus Siciliae*; спрану же вокругъ оной уподобляетъ земному раю, наполненному пѣннскими рощами, чисными ручейками и лугами, кои во всякое время года покрыты душистыми цвѣтами. Храмъ Цереры, въ Эннѣ находившійся былъ въ великомъ уваженіи. Фацелло повѣстствуетъ, что когда городъ былъ взятъ рабами и варварами; то они не смѣли коснуться къ сокровищамъ храма, кошорыхъ въ ономъ было гораздо болѣе, нежели во всемъ городѣ. Развалины сего капища нынѣ едва примѣпны.

Храмъ Венеры Еречинской (Egesine), полько славный и извѣстный во времена идолопоклонства, построень былъ на вершинѣ горы Ериксъ или по Сицилійскому произношенію Ериче. Нынѣ гора сія называется Санъ-Жуліано. Греческіе, Римскіе и Сицилійскіе испорики согласуюшся, что храмъ сей столь же древень какъ и храмъ Цереры въ Еннѣ. Діодоръ пишеть, что Дедалъ послѣ бѣгства своего изъ Крита, украсилъ зданіе сіе многими статуями. Эней, по разореніи Трои прибывшій со флотомъ своимъ въ портъ Дрепани (нынѣ Трапано), находящійся у подошвы горы Ериче, по смерти отца своего Анхиза, принесъ храму сему богатыя дары. Виргилій, недовольный щедростію своего героя, вопреки мнѣнію всѣхъ писателей, ушверждаетъ, что Эней положилъ и основаніе храму, копорой въ послѣдствіи и Римляне столькоже уважали, какъ и Греки. Число жрецовъ и жриць было при ономъ столь велико и издержки на храмъ сей столь непомѣрны, что 17 городовъ едва могли содержать оный съ вадлежащимъ приличіемъ,

Большія стаи голубей, почитавшихся, какъ извѣстно, спутниками Венеры, перелетая, въ началѣ осени и весны изъ Италіи въ Африку, или возвращаясь опшуда, для опдыху, садилась на горѣ Ериксѣ вокругъ храма. Суевѣрный народъ думая, что сама Богиня посреди ихъ находится, въ сіе время приносила ей жертвы. Женщины обязаны были исполнять въ почности обряды, на сей случай у-

спановленные, боясь прослыть лицемѣрками; и самыя цѣломудренныя изъ нихъ охотно онымъ слѣдовали и не подавали повода упрекашь себя въ уклоненіи отъ жертвоприношеній. Увѣряють, что женщины Ерикскія и Дрепанскія съ неперпѣніемъ ожидали появленія голубей, и чтобы удержать ихъ долѣе близъ храма, онѣ приносили съ собою для нихъ кормъ. Красоша женщинъ сихъ мѣстъ и понынѣ прелестныхъ, конечно подали мысль на горѣ Еричѣ, а не въ другомъ мѣстѣ, какъ говоритъ въ описаніи древностей Сициліи Баронъ Ріедезель, успановить сей особенной обрядъ въ честь Богинѣ любви, точно какъ и въ древней Греціи, по причинѣ красоты женщинъ, въ Книдахъ чествовали Венеру подобнымъ же безспудіемъ.

Храмъ святаго Жуліана засступилъ нынѣ мѣсто капища Венеры. Сицилійцы имѣють большую вѣру къ сему Святому; ибо думаютъ, что когда Трапани былъ спѣсненъ осадюю, въ то время Св. Жуліанъ вооруженный явился на спѣнахъ, и явленіемъ своимъ толико успрашилъ непріятеля, что оный обратился въ бѣгство; и съ тѣхъ поръ городъ никогда не былъ угрожаемъ нападеніемъ.

На горѣ Еричѣ и нынѣ находятъ медали, но кромѣ кусковъ мрамора съ едва примѣтными слѣдами надписей, нѣтъ никакихъ болѣе оспашковъ, свидѣтельствующихъ о существованіи храма Венеры. Свепоній увѣряетъ, что оный въ царствованіе Тиверія

Кесаря былъ возобновленъ; напротивъ Спрабонъ утверждаетъ, что оный въ его время былъ оставленъ, и сіе болѣе вѣроятно; ибо останки многихъ зданій, воздвигнурыхъ при Тиверіи, еще сохранились.

Сицилійскіе писатели, согласно съ Виргиліемъ, полагаютъ, что Еней, оставшись послѣ сожженія кораблей своихъ на сушѣ, построилъ городъ Еричѣ, въ честь мапери своей Венеры; другіе же утверждаютъ, что храмъ сей Богини построилъ Ериксъ, другой сынъ ея, старѣйшій Енея, пошъ самый, которъ былъ убитъ Геркулесомъ. Мѣсто сіе и донынѣ называется Геркулесово поле. (il Campo d' Hercole).

По причинѣ удивительнаго плодородія долинъ, окружающихъ Палерму, городъ сей въ древнія времена назывался *Панормусъ*, что на древнемъ Греческомъ языкѣ означало, Все-садъ; другіе же съ большею вѣроятностію утверждаютъ, что оный именовался *Rap-ormus* ошъ Греческаго слова Все-Портъ, по причинѣ обширности и удобности гавани его, которая даже и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нынѣ могутъ приставать только небольшія суда, была столь глубока что Велизарій, во время войны съ Готтарами, обладавшими Сициліею, поставилъ корабли свои подъ самыми спѣнами Палермы. Последняго названія теперь по значенію слова Все-Портъ не можно приписать Палермѣ; ибо малая гавань обмѣлѣла ошъ ужаснаго наводненія, коему Фацелло былъ очевидецъ. Сей испорикъ

говорить, что вода съ ужаснымъ спремленіемъ вырвавъ часть стѣны подлѣ дворца, разрушила до основанія двѣ тысячи церквей, монастырей и домовъ, поглотила при тысячи человекъ, и малая гавань наполнилась развалинами домовъ.

Послѣ Камезены, Палерма почитается древнѣйшимъ городомъ въ Сициліи. Епископъ Луцерскій полагаетъ, что она основана была во времена Папріарховъ. Онъ доказываетъ сіе одною Халдейскою надписью, найденною боолѣтъ тому назадъ въ царствованіе Вильгельма II, и переведенную на Латинскій и Испаліянскій языки. А какъ и нынѣ находятъ въ окрестностяхъ Палермы остатки надписей на семь языкъ; но Епископъ и заключаетъ, что городъ построень былъ Халдеями, въ первыхъ вѣкахъ опъ созданія міра; вошь буквальный сей надписи переводъ: „Когда Исаакъ, сынъ Авраама, царствовалъ въ долину Дамской и когда Исаіа (Ejaii), сынъ Исраака, управлялъ Идумею, тогда великое число Евреевъ, послѣдуемыхъ жишелями Дамаска и Финикіи, приспало къ сему треугольному острову и поселилось въ сему прекрасномъ мѣстѣ, которому и дали имя Рап-огтус.“

Епископъ перевелъ другую Халдейскую надпись, находящуюся на древнихъ западныхъ городскихъ воротахъ: переводъ сдѣланъ на Латинскомъ. Здѣсь сообщается оный опъ слова до слова на Рускомъ языкѣ: „нѣтъ другаго Бога кромѣ единаго Бога: нѣтъ другой власши, кромѣ

сего самаго Бога. Нѣтъ другаго побѣдителя кромѣ того Бога, копорому мы поклоняемся.“ Начальникъ сей башни есть *Сафю* (Sapru) сынъ Елифара (Eliphar), сына Исаи (Esaii), брата Иакова, сына Исаака, сына Авраама. Имя башни есть *Баухъ* (Bauch), а къ ней ближайшей *Фаратъ* (Pharat). На первой башнѣ были и другія надписи, но шакъ изгладились, что оныхъ, при всемъ стараніи, Фацелло разобрать не могъ.

Одинъ ученый Палермскій Анпикварій увѣряетъ, что *Ran-ormus*, на Халдейскомъ равно какъ и на Еврейскомъ, значить рай или прекрасный садъ, и что Греки, поселившіеся на помѣ мѣстѣ, гдѣ жили первые, оставили городу прежнее его имя. Онъ присовокупляетъ къ тому, что *Ran-ormus* на Арабскомъ языкѣ означаетъ *Все-Вода*, почему и Арабы, обладавшіе онымъ, сохранили городу поже древнее названіе.

Въ архивѣ хранятся толстыя томы о достопамятныхъ древностяхъ Палермы. Вотъ еще одна и послѣдняя басня, копорая, какъ относящаяся къ чести женщинъ, достойна быть здѣсь помѣщена. Испорики Сицилійскіе повѣствуютъ (неизвѣстно точно въ какое время и въ какое царствованіе), когда Палерма осаждена была Сарацынами, шерифа голодъ, и у воиновъ не доставало матеріаловъ для дѣланія шевивы къ лукамъ, и когда городъ былъ уже въ томъ состояніи, что не могъ долѣе сопротивляться, одна женщина (имя шакже пропущено), изъ любви къ опечен-

ству, предложила другимъ женщинамъ, пожертвовать для спасенія онаго волосами, дабы воины могли упошребить ихъ на шепивы. Палермишанки обрѣзали прекрасные свои волосы, и какъ уже извѣстно, что нѣжный полъ есть и будетъ первою побудительною причиною для возбужденія храбрости въ мущинахъ; по воины Палермскіе, одушевленные сею великою для красоты и прелестней жершвою, съ шакимъ мужесшвомъ продолжали защищаться, что Сарацины были упомлены, разбины и городъ освобожденъ отъ осады. Палермишанки могутъ гордиться симъ славнымъ для нихъ произшесшвіемъ, воспѣнымъ, какъ шого и ожидать должно, многими имъ преданными пошшами. „Волосы нашихъ женщинъ, сказала одинъ изъ нихъ, всегда употребляются для тойже цѣли: но они нынѣ бросають только тѣ спрѣлы, кои приугошворяются самимъ Купидономъ, и упошребляются только для любовныхъ связей.

Минеральныя воды — произведенія — торговля.

На всемъ пространствѣ Сициліи найдшся много минеральныхъ водъ; одинъ изъ нихъ слишкомъ горячи, другія споль холодны, что восходящъ одною шепенью выше точки замерзанія, и однакожь никогда не обращающа въ ледъ,

Во многихъ мѣстахъ острова находящіяся
испючники, на поверхности коихъ плаваесть
родъ масла; земледѣльцы жгутъ оное въ сво-
ихъ лампадахъ и употребляютъ на многія
другія надобности. Испючникъ при Никосіи,
называемый il Fonte Canalotto, заслуживаетъ осо-
бое примѣчаніе. Онъ всегда покрываетъ бываетъ
толстою смоленого свойства пѣною; поселя-
не употребляютъ оную, какъ самое дѣйстви-
тельное лѣкарство отъ сильныхъ простудъ и
другихъ болѣзней. Вода одного небольшого
озера при Назо, будучи чиста и прозрачна
какъ стекло, имѣетъ удивительное свойство
чернить всѣ вещи, въ оную погружаемыя. Сѣр-
ныхъ банъ въ Сициліи очень много; въ Тре-
мити находящіяся почитаются лучшими.
Онѣя бани славны были во времена Римлянъ.
Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Сициліи и на остро-
вахъ, близъ ея лежащихъ, изъ нѣдръ земли вы-
ходятъ испаренія. Въ большемъ отдаленіи
отъ Эпны находятъ лаву, пемзу, и ноздрева-
ныя камни, извергаемые огнедышущими гора-
ми, почему и должно заключить, что Сици-
лія, такъ какъ и Липарскіе острова, произо-
шла отъ подземнаго огня. Въ шрехъ вер-
снахъ къ западу отъ Палермы, у самаго мор-
скаго берега, находящіяся многіе горячіе клю-
чи, копорые со дна моря съ такою силою
выбиваются, что песокъ шамъ волнуется, во-
да высокою до двухъ аршинъ очень горяча,
а далѣе холодна какъ ледъ. Гдѣ глубина не

велика, шамъ испаренія выходяшъ опъ холодной, а не опъ теплой воды.

Главное произведеніе и можно сказать богатство Сициліи естъ пшеница. Почва земли безъ уваживанія, и при дурномъ воздѣльваніи, споль плодоносна, что одна жашва обыкновеннаго урожая, даетъ для продовольствія всего народонаселенія, на семь и восемь лѣшъ впередъ. Сицилійцы молошашъ хлѣбъ, какъ у насъ Крымскіе Ташары, лошадыми, сохраняющъ же оный совсѣмъ особеннымъ образомъ. Въ сухомъ грунѣ высѣкающя погреба, пшеница шощасъ, какъ обмолешашъ, ссыпается въ сіи кладовыя, копорыя на поверхности земли имѣющъ небольшія отверстія; а дабы внѣшній воздухъ и дождь не могли проникнуть въ погреба, отверстіе со щцаніемъ закрывается и хлѣбъ такимъ образомъ гораздо долѣе, нежели у насъ, сберегается.

Распеніе, котораго зола почипается наилучшею для дѣланія спекла содою, съ большимъ щцаніемъ здѣсь воздѣльвается и приносипъ поселянамъ большой прибышокъ. Дикой медъ особенно вокругъ Эпны собираемый, предпочипается другимъ и высоко цѣнишся. Сахаръ не составляетъ еще предмета для внѣшней торговли, но для домашняго употребленія, въ довольномъ количествѣ расходишся. Солодковый корень и сокъ, изъ онаго выжимаемы, также составляетъ предметъ выгодный для промышленниковъ; манна же естъ конечно полезѣйшее произведеніе Сици-

ли. Сіе драгоцѣнное лѣкарство извлекается изъ деревь, извѣстныхъ здѣсь подѣ именемъ морскихъ ясеней. Въ Іюль мѣсяцѣ въ продолженіи наибольшихъ жаровъ, на корѣ оныхъ деревь дѣлаюшъ насѣчки, откуда вытекаетъ густый сокъ, подобный прозрачной смолѣ, и скоро пшвердѣющій на солнцѣ. Зернистая манна, сама собою выпекающая изъ дерева, какъ наилучшая съ большимъ щпаніемъ укладывается въ небольшія коробочки. Кресшьяне насѣкаюшъ деревья всегда съ одной стороны, а другую оспавляютъ для слѣдующаго лѣша. Каждое дерево даетъ въ годъ полфунша, и цѣлое сполѣтіе можешъ такимъ образомъ приносить пользу.

Торговля, не смотря на войну, со времени пребыванія Короля сполько улучшилась, что произведеній мануфактурныхъ и не обработанныхъ опускается уже вдвое болѣе прежняго. Сицилійцы имѣюшъ достапочное число своихъ судовъ, но по преимуществамъ, даннымъ Англичанамъ, оныя большею частію оспаюся въ гаваняхъ безъ всякаго дѣла.

Сицилія, безспорно, есть наилучшая страна въ Европѣ: по справедливости назвать ее можно садомъ Европы. Почва земли оипъ многочиспна волканическихъ часпицъ чрезмѣрно плодородна. Провинціи Валь да Нопо и Валь ди Мацара изобилуюшъ хлѣбомъ, а Валь ди Демона плодами. Повсюду произрастаюшъ превосходнѣйшій виноградъ, сахарный тростникъ, финиковыя, писпашныя, масличныя,

апельсинныя и цитронныя деревья, а обыкновенныя, какъ то: персиковыя, миндальныя, фиговые, шелковичныя и пр. распусть безъ призору въ лѣсахъ. Удивительное множество источниковъ и ключей, орошая и украшая сію прелесную страну, конечно не мало способствуетъ изобилію. Пажити въ окрестностяхъ Эпны, близъ Кашаньи, споль пучны, что скоту, дабы онъ не слишкомъ ожирѣлъ, принуждены бывають пускать кровь. Луга и лѣса во всякое время года покрыты цвѣтами и душистыми куснарниками; лаванда, розмаринъ, лилеи яминъ и множество другихъ распусть здѣсь на открытомъ воздухѣ. Эпна есть первую причиною шаковаго удивительнаго плодородія.

Море, окружающее Сицилію, доставляетъ изобильную ловлю рыбъ. Въ Мессинѣ въ великомъ уваженіи Угри, въ Палермѣ Тонъ, во всѣхъ другихъ портахъ Борбони, Макрель, Мечъ рыба и множество другихъ, Рѣки и малые источники также изобилуютъ рыбою. Изъ дичи почитаются за лакомство Бекафиги и дикіе Павлины.

Царство ископаемыхъ спольже богато: однихъ мраморовъ считается 51 сорсть. Златоцвѣсныя, зеленые, черные съ золошыми искрами почитаются лучшими. Яшмы, Агатовъ, Порфировъ, Карніоловъ, Лаписъ-Лазури. и другихъ драгоценныхъ камней считается до 500 родовъ. Въ нѣдрахъ горъ хранятся богатѣйшія жилы мешалловъ и полумешалловъ.

Король обратилъ нынѣ особенное вниманіе на обработываніе рудниковъ, которые въ правительствѣ Виццеровѣ болѣею частію были оставлены. Сѣра, квасцы, купоросъ, киноваръ, немза и прочія произведенія огнедышущихъ горъ приносятъ значительный доходъ. Каменная добываемая изъ озеръ при Марсала — фразаникъ и вывариваемая изъ морской воды соль, сославляетъ наибогатѣйшую вѣтвь торговли. Мыльный камень, копорый есть и у насъ къ Крыму, по свойству своему, употребляется крестьянами вмѣсто мыла.

Словомъ, Сицилія, изобилуя всѣми по потребностямъ для жизни и роскоши, въ рукахъ морской Державы, обращающей всегда наибольшее вниманіе на вѣтвную торговлю и промышленность, могла бы скоро достигнуть до прежняго своего величія. Народонаселеніе ея, споль нынѣ малое по пространству, скоро уможилось бы, и Сицилія, не имѣя нужды заимствоваться отъ другихъ земель чѣмъ либо, пріобрѣла бы чрезъ отпускъ своего излишества великія богатства. Пробываніе Короля въ Палермѣ конечно принесло уже значительныя пользы; но многія злоупотребленія въ правленіи пребуютъ постепеннаго исправленія. Война съ сильнымъ сосѣдомъ требуетъ пожертвованіи несоразмѣрныхъ съ доходами, и благое намѣреніе Короля къ улучшенію всѣхъ частей народоправленія симъ не мало затрудняется. Сицилійцы тогда шолько могутъ похвалить себя счастливыми, когда торговля бу-

дешь освобождена отъ спѣснительныхъ, самопроизвольныхъ и часшо перемѣняемыхъ налоговъ; когда для облегченія внутреннихъ сообщеній будутъ сдѣланы дороги, которыя въ гористыхъ мѣстахъ едва проходимы только для вьючныхъ ословъ; когда гражданская Управа будетъ основана на коренномъ и постоянномъ законѣ; когда власть Королевская не будетъ имѣть препятствій дѣлать добро, а права дворянства и духовенства будутъ поставлены въ надлежащихъ предѣлахъ, и когда наконецъ богачество дворянства и нищета народа придутъ хоша въ нѣкоторое равновѣсiе.

Война съ Англіею — сдана фрегата Венуса Сицилійскому Правительству.

20 Ноября прибывъ въ Палерму, къ крайнему сожалѣнію нашему по осмотрѣ найдено, что фрегатъ имѣлъ споль многія и важныя поврежденія, безъ исправленія коихъ не возможно было выдти въ море. Командующій фрегатомъ Капитанъ-Лейтенантъ Андреяновъ, представя Россійскому при Сицилійскомъ Дворѣ Министру Тайному Совѣтнику Дмитр. Павл. Тапищеву о необходимости приступить немедленно къ починкѣ фрегата, просилъ для скорѣйшаго окончанія оной, нужной помощи отъ порта. Въ слѣдствіе сношеній съ Сицилійскимъ Правительствомъ, посвезеніи пороха въ Королевскіе погреба, фрегатъ вошелъ въ гавань, разгрузился и къ 10 Декабря

руль былъ сдѣланъ новый, грошъ мачта, бушпритъ и бимсы, преснувшіе во время шпорта, первые укрѣплены шкалами, послѣдніе подперты новыми пиллерсами, пробоины, полученные въ сраженіяхъ, были забиты и обшиты новою мѣдью, шлюкъ перегруженъ, крѣпильная-камера (*) исправлена и фрегатъ внутри и снаружи весь выконопаченъ.

По таковомъ исправленіи, получа на два мѣсяца провіантъ мы готовились идти въ портъ Ферраіо, гдѣ находился Капитанъ Командоръ Барашинскій съ кораблями св. Пепромъ и Москвою, какъ вдругъ слухи о разрывѣ между Россіею и Англіею подтвердились официальнымъ сообщеніемъ, полученнымъ Англинскимъ Министромъ въ Палермѣ Г. Друммондомъ отъ поварища его изъ Вѣны. Извѣстіе сіе крайне опечалило Дворъ, и особенно шѣхъ жителей, кои равно привержены были какъ къ Рускимъ, такъ и къ Англичанамъ. Въ самое сіе время возвратилась въ Палерму и Англинская эскадра, крейсеровавшая у острова Маршимо, для недопущенія Французской эскадры возвратиться изъ Корфы въ Тулонъ (**). Министръ нашъ поручилъ до-

(*) Пороховой погребъ.

(**) Французскій Адмиралъ Гантомъ, снабдивъ Корфу военными снарядами, ускользнулъ отъ бдительности Англинскихъ крейсеровъ, и счастливо возвратился въ Тулонъ.

вѣренной особѣ развѣдашь, почитаюшь ли себя Англичане въ правѣ, по одному сообщенію Посла своего, пребывающаго въ Вѣнѣ, начинать военныя дѣйствія? Друммондъ, положишельно объявилъ, что война за разрывомъ воспослѣдуетъ не премѣнно, что Вице-Адмираль Горнброу завладѣетъ нашимъ фрегатомъ, онъ отправитъ оный въ Мальшу и послѣ сего, почитаешь ли оный плѣннымъ или свободнымъ, ожидаешь будешь дальнѣйшихъ предписаній отъ Лордовъ Адмиралтейства.

Объявленіе столь ясное и рѣшишельное содѣлывало выходъ нашего фрегата невозможнымъ. Посланникъ Тапищевъ старался узнать отъ Сицилійскаго Министра иноспранныхъ дѣлъ Маркиза Чирчелли, что намѣрень дѣланъ Дворъ его въ случаѣ начатія военныхъ дѣйствій между Россією и Англією? Отвѣтъ его сперва былъ двусмысленный; но когда спросили у него, можешь ли въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ оставаться безопасно Россійскій фрегатъ въ Палермскомъ портѣ, онъ далъ удовлетворительный отвѣтъ. Желая еще болѣе убѣдиться въ чувствахъ Двора сего, Тапищевъ объяснился съ Королевою, копіюрая ему отвѣтствовала: "Будьте увѣрены, что Король никогда не подниметь оружія противу Россіи; Императоръ Александръ былъ всегда нашимъ Покровицелемъ и мы того никогда не забудемъ."

Между тѣмъ, хотя Россійская Миссія 17 Декабря и получила изъ Петербурга офици-

альное извѣстіе о разрывѣ между Россією и Англією; но оно содержала вшайнѣ, въ пойд надеждѣ, что какое нибудь неожиданное происшествіе, принудя Англинскую эскадру выдти въ море, подаспъ фрегашу возможность безпрепятственно ошплыть въ Поршь Ферраіо, въ Неаполь, или въ другую какую дружественную гавань. Ожиданіе сіе было однакожь тщешно; Англинскій Миниспръ весьма упорно домогался, чшобы фрегатъ Венусъ и всѣ Россійскія купеческія суда, въ Сицилійскихъ портахъ находившіяся, были ему выданы. Король, изумленный такимъ смѣлымъ претребованіемъ, съ неудовольствіемъ и рѣшительно опказался опъ поступка столь пропивнаго чувсшвамъ его; но Англичане насшоянія свои начали подкрѣплять угрозами. Друммондъ опказался опъ продолженія субсидій, плашимыхъ его Дворомъ, а Главнокомандующій Англинскими войсками Генераль Муръ грозилъ, что не будетъ ограждать Сицилію опъ покушеній, дѣлаемыхъ Іосифомъ Бонапарше, присовокупить оспровъ сей къ Неаполитанскому Королевшву. Россійскій Посланникъ видя, что ему долѣе въ недоумѣніи ошаваться было не лзя, опнесся письменно къ Сицилійскому Миниспру и препроводя къ нему печашный экземпляръ съ манифеста, въ коемъ изложены были причины разрыва съ Англією, претребовалъ прямого и почнаго объявленія, какое учашіе приметъ его Сицилійское Величество въ войнѣ сей. Опвѣсть Маркиза Чир-

челли сосшоялъ въ томъ . „что Король , его „Государь , не можеть опдѣлить выгодъ Англіи „опъ своихъ собшвенныхъ , чшо порты Его „Величечества будущъ впрעדъ заперты для Рос- „сійскаго флага и что присуствіе фрегата „Венуса въ Палермѣ не совмѣстно нынѣ съ на- „сшоящими обшояшельствами.“

Опвѣшь сей ясно обнаруживалъ безсиліе Короля Фердинанда и невозможность , въ ко- ей онъ находилси , противуспашъ волѣ Англичанъ , войска коихъ занимали Мессину , Сиракузы и почти всѣ главные поршы и крѣпости Сициліи . Поведеніе Сицилійскаго Двора было слѣдовашельно послѣдствіемъ положенія его и несчастной для него необходимости ; ибо безсомнѣнія союзъ съ Имперашоромъ Россійскимъ сполько же полезень былъ Фердинанду , сколько разрывъ сего союза вредень для Его Сицилійскаго Величештва . Россія же не имѣла надобности ни искашь дружбы , ни отвращашъ разрыва съ безсильнымъ союзникомъ . Одно токмо желаніе спасши какъ нибудь фрегатъ Венусъ и доставивъ намъ служившимъ на ономъ случай поддержашъ чешть Россійскаго флага , заставило прилѣжно дѣйштовашъ почтеннаго Посланника нашего . Видя , что Маркизь Чирчелли , при всемъ своемъ благоразуміи , вѣрности къ своему Государю , и преданности къ Россіи , не можеть свергнушь ига Англичанъ , Министръ нашъ , для скорѣйшаго досшиженія цѣли своей , обратился прямо къ Королю и Королевѣ . Но Маркизь , не по-

чивши еще отвѣща на первую ноту свою, по настоянію Англичанъ, подалъ новую, коею пребовавъ, чтобы фрегатъ непременно оставилъ Палерму въ печеніи одного дня. На сіе Министръ нашъ отвѣпствовалъ: что фрегатъ не можетъ выдти изъ порта. когда на рейдѣ спойтъ непріятельская эскадра; что послѣдствіа сраженія между силами споль неравными не могутъ быть сомнительны; что фрегатъ, пришедъ въ портъ дружественный, въ ономъ останешся, и что наконецъ Его Сицилійское Величество будетъ Императору Россійскому отвѣчать за всякое оскорбленіе, причиненное его флагу.

Во время сихъ переговоровъ, Капитанъ нашъ видя, что покровительство Короля, зависящаго отъ Англичанъ, было очень не надежно, рѣшилъ дождавшись крѣпкаго попушнаго вѣтра, ночью оставилъ Палерму и полагаясь на легкость фрегата достигнуть другаго болѣе безопаснаго союзнаго порта; почему и попребовавъ возвращенія своего пороха. Сицилійское Портовое начальство, сдѣлавъ въ ономъ сначала нѣкошорое затрудненіе, наконецъ приказало доставить намъ порохъ на своей канонерской лодкѣ; но Англинскій Адмиралъ, не смотря ни на какое приличіе, лодку съ порохомъ задержалъ у своего корабля. Вскорѣ послѣ сего насилія, погоже 27-го Декабря, служащій при посольствѣ Сшашскій Совѣтникъ Пеш. Ив. Карповъ, прибывъ

*

на фрегатѣ, увѣдомилъ насъ, что Англичане вознамѣрились ночью напасть на фрегатѣ, почему опъ имени Министра просилъ Капитана взять свои мѣры и, для безопасности, секретные сигналы и повелѣнія поручилъ ему.

На рейдѣ, на карточный опъ нашего фрегата выстрѣль, стояли 5 линейныхъ Англинскихъ кораблей, изъ коихъ два были спопушечные, а два фрегата нарочно для насъ ходили подъ парусами при входѣ въ Палермскій заливъ. Въ семъ крайне затруднительномъ положеніи, когда ни уйши, ни получить пороха было совершенно не возможно, Капитанъ пригласилъ Офицеровъ на военный совѣтъ, и прилѣжно разобравъ всѣ мѣры и средства, служащія къ защищенію фрегата, мы согласно положили, и общимъ подписаніемъ рѣшеніе совѣща утвердили: 1) Оспаться въ Молѣ, 2) на собственные деньги купить въ городѣ такое количество пороха, котораго было бы достаточно для мѣлкаго ружья и верхняго дека пушекъ; 3) если Англичане нападуть на фрегатъ линейнымъ кораблемъ, а не на шлюпкахъ и не абордажемъ, тогда расстрѣлявъ весь снарядъ, фрегатъ сжечь.

Лейтенантъ Насѣкинъ посланъ былъ увѣдомить о семъ Министра, что Капитанъ, Офицеры и весь экипажъ положили защищаться до послѣдней возможности, и рѣшились лучше взлетѣть на воздухъ, нежели сдаться Англинской эскадрѣ. Дмитрій Павло-

ничъ, восхищенный симъ извѣщеніемъ, пожавъ руку Насѣкину опивчалъ: скажите вашему Капитану, что я узнаю въ немъ Рускаго! Намѣреніе ваше самое геройское; но я надѣюсь отвратить смѣрть храбрыхъ людей, сколькобы впрочемъ ни славна она была для нихъ. Если же не успѣю, то самъ буду на фрегатѣ и оконча дипломатическое мое дѣло, за счастіе почту раздѣлишь съ вами вашу опасность.

Для приведенія въ исполненіе рѣшенія нашего, главнѣйшее затрудненіе было въ покупкѣ пороха. Уже вечерѣло, времени оставалось не болѣе шрехъ часовъ. Мы разослали всѣхъ нашихъ знакомыхъ покупать въ городѣ порохъ. Капитаны Бокезскихъ корсеровъ, два брата Петровичи, первые привезли намъ своихъ три бочки, за ними одинъ за другимъ Датскіе и Греческіе шкиперы доставляли намъ, кто сколько имѣлъ, и такимъ образомъ въ короткое время получили мы столько пороху, что могли дѣйствовать верхнимъ декомъ и 3 пушками нижняго. Датскіе шкиперы вызвались помочь намъ своими людьми; Бокезцы по ревности не хотѣли уступить имъ сего преимущества, и мы, въ самомъ дѣлѣ не имѣя нужды въ людяхъ, отказались отъ сего предложенія и просили снабдить насъ только однимъ абордажнымъ оружіемъ; онаго столько было на фрегатѣ доставлено, что каждый спрѣлокъ имѣлъ по три ружья и по два пистолета, а дабы они могли спрѣлать скорѣе,

40 человекъ опредѣлены были только заряжать и подавать гошова ружья спрѣлкамъ. Бокезскіе, Греческіе и Датскіе шкиперы, дали намъ слово, что въ то время, когда Англинскіи шлюпки пристануть къ фрегату, они нападутъ на нихъ своими, и какъ скоро фрегатъ будетъ зажженъ, они зажгутъ свои суда и усядутъ ихъ прямо на городъ.

По захожденіи солнца, фрегатъ, снабженный доспашочнымъ количествомъ пороха и числомъ оружія, былъ обращенъ такъ сказать въ сухопутную крѣпость. На верхней палубѣ, для удобнаго стрѣланія изъ ружей, сдѣланы подмоспки, на марсахъ и русленяхъ изъ офицерскихъ постелей брусья; не нужные порты нижняго дека на глухо заколопили; между нижнихъ реевъ на веревкахъ подвѣшенъ былъ баласпъ, который, когда непріятельскіе шлюпки пристануть уже къ борту, долженъ былъ упасть прямо на оныя. Пистолеты, сабли, копья, бердыши, ломы и аншпуги, всѣ орудія смерти, были положены подъ руками. Въ шакотъ оборонительномъ состояніи, мы надѣялись, что не легко будетъ взять насъ абордажемъ. Послѣ примѣрнаго ученья, когда всякой уже зналъ, что долженъ будетъ дѣлать въ сраженіи, Капитанъ приказалъ собрать всѣхъ людей на шканцы и просилъ Офицеровъ внушить имъ, сколь необходимо въ глазахъ чужестранныхъ народовъ, при первой встрѣчѣ и по объявленіи войны въ первомъ сраженіи съ Англичанами, пожертвовать жиз-

нію для спасенія чести флага Рускаго, и если въ неравномъ боѣ мы погибнемъ, шо Англичане по крайней мѣрѣ не могутъ похвалиться, что побѣдили насъ, что взяли нашъ Венусъ: храбрые матросы наши, изъ которыхъ нѣкоторые отличились еще въ прошедшую съ Шведами войну, на убѣжденіе сіе охотно отвѣчали: ради умереть Ваше Благородіе! не выдадимъ нашего Венуса пока будемъ живы.

Намѣреніе сжечь фрегатъ произвело въ городѣ великое безпокойство, и какъ между тѣмъ всякой желалъ видѣть какъ Англичане будутъ нападать, а фрегатъ и всѣ суда, въ гавани стоящія, будутъ горѣть, шо множество экипажей и народа до свѣша стояли на набережной и на Молѣ. Маркизь Чирчелли сначала не вѣрилъ симъ слухамъ, но когда Министръ нашъ объявилъ ему словесно, что нападеніе Англичанъ на фрегатъ будетъ сигналомъ всеобщаго пожара въ Палермскомъ портѣ, онъ столько былъ симъ озабоченъ, что немедленно поѣхалъ къ Друммонду и уведомилъ его о угрожавшемъ бѣдствіи. Оба Министра, ни мало не желая, чтобы угрозы сіи сбылись на самомъ дѣлѣ, сообщили о намѣреніи сжечь фрегатъ Адмиралу Торнброу. Адмиралъ столь же какъ и Министры былъ изумленъ, и что бы въ почности увѣрился, около полночи осматривалъ фрегатъ, и должно думать, что онъ не нашелъ возможнымъ взять фрегатъ абордажемъ; ибо хотя около 2 часовъ пополуночи и собрались Английскія шлюпки съ сол-

дашами у корабля Кента, всѣхъ ближе къ намъ стоящаго; но когда у насъ ударили шревогу въ барабаны, то онѣ опять разъѣхались.

На разсвѣтѣ 29-го Января, Ровлей, Капитанъ 84-хъ пушечнаго корабля 'Орла (Eagle) привезъ письмо, кошораго переводъ опъ слова до слова здѣсь предлагаеши :

*Его Британскаго Величества корабль
Рояль-Соверинъ. Иалерма.*

Государь мой !

Объявленіе войны между Великобританіею и Россіею даетъ мнѣ право ирерованію опъ васъ сдать Россійскій Имперапорскій фрегатъ Венусъ, подъ вашею командою находящійся, эскадрѣ Его Британскаго Величества, подъ моими повелѣніями сосшоющей.

При обстоятельствахъ, въ которыхъ вы находишесь, побѣгъ и сопротивленіе ясно не возможны и слѣдствіемъ бесполезнаго защищенія будешъ полько вѣрная потеря храбрыхъ людей, вамъ подчиненныхъ. Потому надѣюсь, что не принудите меня къ прискорб-

ной необходимости, поддерживай мое пребывание силою оружія. Ожидаю немедленного отвѣта и есмь

Государь мой!

Вашъ послушнѣйшій

покорный слуга

Едвардъ Торнброу.

*Вице - Адмиралъ сянго
флага и Командующій
эскадрой Его Британскаго
Величества въ Пал-
лерисколѣ заливѣ*

1808 года Генваря 10. н. ст.

Капитанъ Ровлей вручивъ письмо, испу-
стно припомъ объявилъ нашему Капитану,
что онъ имѣеть отъ своего Адмирала предпи-
саніе дать время на размышленіе не долѣе, какъ
шокмо до полудня; что ежели фрегатъ въ срокъ
сей не будетъ сданъ эскадрѣ Его Британскаго
Величества, тогда принужденными найдутся
употребить силу. Капитанъ Андреяновъ по-
давъ руку Ровлею, сказалъ ему: „я отвѣтомъ
„не замедлю, но вопъ вамъ мое честное сло-
„во, что фрегатъ мой никогда не будетъ
„вашимъ!“ Попомъ оборотись къ собравшимся
на шканцахъ Офицерамъ и служилелямъ про-
должалъ: Господа! ребята! мы вчера дали другъ

другу слово и шеперь, когда насшупаетъ рѣшительная минуша, конечно не опшступимъ опъ него., На сіе Офицеры и весь экипажъ опвѣчалъ: умремъ всѣ и не сдадимся. Англинскій Капитанъ, удивленный симъ кликомъ, не спрашивая, что оный значишь и не вступаая въ разговоръ, пожелавъ намъ добраго ушра, уѣхалъ.

Мнѣ поручено было опнести письмо Торнброу къ нашему Министру. Пришедъ въ домъ послѣдняго очень рано, я разбудилъ людей, но Дмидрій Павловичъ не спалъ, и услышавъ шумъ шопчасъ ко мнѣ вышелъ. Министръ пробъжавъ письмо Англинскаго Адмирала, спросилъ, чтожь вы намѣрены шеперь дѣлать? Капитанъ просилъ Ваше Превосходительство приказашъ написать по Англински или по Француски опвѣшъ, что мы ни подъ какимъ видомъ не сдадимся. На что писать по Француски, возразилъ Министръ, опвѣчайте ему по Руски, пусть себѣ читааетъ (*), а я чрезъ шо выиграю часа чешыре времени, постараюсь избавишь васъ опъ бѣды и надѣюсь, что фрегатъ не будешъ въ рукахъ непріишеля. Попросите Капитана, чтобы переговоры старалси сколько можно замедлишь, а я сей часъ ѣду къ Королю и Королевѣ предложишь имъ послѣднее

(*) Сіе тѣмъ болѣе было справедливо, что Англичане сами ведутъ всѣ перешиски съ чужестранными державами на своемъ языкѣ.

средство сохранить фрегатъ, честь флага и вашу. Будьте покойны и шверды въ своемъ рѣшеніи, можетъ быть нынѣже вечеромъ мы вмѣстѣ посмѣемся надъ Англичанами.

Вотъ ошвѣшъ, копорый поручено мнѣ было отвезшъ Англинскому Адмиралу:

Ваше Превосходительство.

Находясь въ гавани Его Величества Короля Сицилійскаго, союзной и намъ дружественной; зная права неупрალიпета и госпеприимства, кои доселѣ отъ всѣхъ просвѣщенныхъ націй почишаемы были священными и ненарушимыми; я почишаю себя безопаснымъ отъ васъ. Имѣю честь быть

Вашего Превосходительства

Милостиваго Государя!

покорный и послушный слуга

Кондрашій Андреевъ.

Его Императорскаго Величества моего Всемиловитѣйшаго ГОСУДАРЯ Капитанъ-Лейтенантъ и Командующій фрегата Венуса въ Палермской гавани.

1807 года Декабря 27 дня. С. Сп.

Имѣя на шлюпкѣ бѣлый флагъ, присталъ я къ Рояль-Соверинъ. Капитанъ корабля, вспрѣшивъ меня у лѣспницы и не допустивъ караульнаго Офицера завязать мнѣ глаза, пожавъ мнѣ руку сказалъ: вопшъ какъ обстоятельство перемѣняюща и мы теперь непріятели; но однакожь никогда конечно не будемъ врагами; Англичанинъ и Руской всегда будущъ уважать и любить другъ друга. Между шѣмъ подошли мы къ двери, шестъ часовыхъ съ Офицеромъ опдали мнѣ честь, мы вошли въ каюту. Адмиралъ выспунилъ впередъ, поклонился, разорвалъ пакетъ, развернулъ письмо, наморщилъ брови, поднесъ письмо ближе къ глазамъ, пошомъ подошелъ къ окну, еще разъ посмошрѣлъ, хладнокровно улыбнулся и подавая оное Капитану сказалъ: похоже на Греческія листеры. Пошомъ обернувшись ко мнѣ продолжалъ: я не умѣю чипашъ по Руски; вы говорите по Англивски, шо чшобы скорѣе кончить наше дѣло, объясните въ чемъ смыслъ письма вашего заключаешся? — Мнѣ поручено шолько вручить его Вашему Превосходительству. — Такъ вы хошите вестъ дипломатическую переписку. — Я молчалъ. — Адмиралъ взглянулъ на меня и уразумѣвъ, что я опвѣчать не хочу: закинулъ руки на спину, и началъ ходить по каютѣ; при каждомъ окидывалъ онъ меня съ ногъ до ушей взоромъ; я смошрѣлъ въ окно внизъ глаза. Адмиралъ ошпаноподумавъ нѣсколько, наконецъ ош-

ривисшо сказалъ: пожалуйше обождише, я позову васъ когда будешъ нужно. Я поклонился; вышелъ, меня проводили въ каюшъ-компанію, знакомые Офицеры обступя меня спрашивали: чѣмъ вы кончили? ничѣмъ, и разговоръ обратился на поспоронніе предметы. Подали чай, завпракъ и газешы. Каждый Офицеръ приглашалъ меня въ свою каюшу, потомъ носили меня по всему кораблю, считали сколько ядеръ поало въ него въ Трафалгарскомъ сраженіи и наконецъ показали прекрасный арсеналь на кубрикѣ. Ружья, сабли, пистошеты, чисшыя и свѣплыя какъ спекло; гвозди, рымы, блоки и прочія принадлежности расположены по спѣнамъ почно шакъ, какъ въ галантпейной лавкѣ. Вышедъ на верхъ я посмогрѣлъ на часы и чешыре часа уже прошло. Какъ Англичане и у Министра своего не могли видво сыскашъ, кшобы перевелъ письмо, шо меня въ сіе время позвали къ Адмиралу въ каюшу.

Садитесь; вы не ходише сдатьсь? шакъ началъ Ториброу, и конечно думаете, что я не имѣю права взять фрегатъ вашъ силою или на что нибудь надѣшесь? - Мы сначала полагали, ошвѣчалъ я, что вы для одного фрегата не нарушите должнаго уваженія къ Королю, копорому не возможно, какъ казалось, предать насъ въ руки непріятеля; надѣялись, что Его Величество не пошерпшъ, чшобы въ его гавани, въ его глазахъ, оскорбленъ былъ флагъ шого Императора, который два раза возвращалъ ему пресполь; но шеперь мы знаемъ ваше

намѣреніе, и его мысли, не ожидаемъ ни отъ кого ни какой помощи и почитаемъ себя обязанными исполнить по, что долгъ намъ повелѣваешь. — Оставимъ разсужденіе, возразилъ Адмиралъ и заключимъ шѣмъ, что вы должны сдатьсь, ибо переговоры наши иначе кончиться не могутъ. — Одно средство, которое отъ имени Капипана осмѣливаюсь предложить Вашему Превосходительству, можете васъ и насъ избавить нарѣканія: позвольте фрегату выйти изъ Палермы; позвольте намъ воспользоваться принятымъ морскими державами правомъ и послѣ 24-хъ часовъ, не нарушая сихъ правъ, не оскорбляя Короля, мы въ морѣ, а не въ гавани сражаясь рѣшимъ кому предъ кѣмъ спустить флагъ. Адмиралъ, никакъ не ожидавшій такого предложенія, взглянувъ на Венусъ, видный въ окно, сказалъ: *the bird, which is in a cage, more value than in air*, птичка въ клѣткѣ всегда лучше ѣжели на волѣ. Не правда ли, что фрегатъ вашъ весьма легокъ на ходу? но не уже ли вы думаете ускользнуть отъ цѣлой эскадры? Я не могу однакожь, продолжалъ Адмиралъ, нѣсколько подумавъ, согласиться на предложеніе ваше, во первыхъ, что обязался бы отвѣшомъ моему Правительству за напрасное пролитіе крови тогда, когда могу и безъ онаго достигнуть своей цѣли; во вторыхъ изъ личнаго уваженія къ Рускому мужеству, и щадя жизнь храбрыхъ вашихъ людей, въ другихъ случаяхъ могущихъ съ пользою служить своему Опечесству, я не опнимаю

у васъ чести, предлагая сдатьсь цѣлой эскадрѣ; а не одному кораблю. — Вашему Превосходительству уже извѣстно, что мнѣ поручено только доставить вамъ письмо и съ отвѣтомъ вашимъ возвратиться. — Очень хорошо, я дамъ отвѣтъ, но послѣдній, послѣ котораго не приму никакихъ возраженій и предложеній.

Капитанъ, пригласивъ меня въ свою каюту, какъ кажешся, имѣлъ порученіе уговорить меня. Въ разговоръ мой съ нимъ; не уже ли въ самомъ дѣлѣ вы хотите защищаться противу пяти кораблей перваго ранга; мужество въ семъ случаѣ не у мѣста; любящему свое Отечество, должно беречь жизнь для лучшихъ обстоятельствъ. Сдаюсь превосходному въ силахъ непріятелю оппюдь не безчестно, я вамъ могъ бы привести многіе на сіе примѣры, но скажу только одинъ: въ прошедшую войну два нашихъ корабля въ шуманѣ сошлись съ Испанскимъ флотомъ и сдались безъ драки. Рускіе, отвѣчалъ я на сіе, безъ сраженія никогда не сдаются. Но въ нынѣшнемъ положеніи возразилъ Капитанъ, кому нибудь изъ насъ надобно уступить, и это конечно вамъ. Если Капитанъ и Офицеры согласятся, продолжалъ Капитанъ, сдатьсь безъ сраженія; но не будутъ имѣть причины жаловаться на плѣнъ. Вы въ Англіи будете въ гостяхъ, вездѣ хорошо приняты, и я особенно съ моей стороны предлагаю вамъ домъ мой въ Лондонѣ. — Свободнымъ, а не плѣннымъ, и былъ бы обязанъ благодарить за вѣжливоспѣ

вашу Г. Капишанъ; но теперь повторяю вамъ, что я не уполномоченъ вести переговоры и чтобы не тратить напрасно словъ, прошу позволимъ мнѣ возвратиться на фрегатъ. Тутъ доложили Капишану, что ѣдетъ Министръ Друммондъ.

Я прохаживался на палубахъ съ Офицерами, какъ вдругъ подняли сигналъ и вскорѣ со всѣхъ кораблей барказы съ верпами пошли къ кораблю Егль. Это значило, что рѣшились взять Венусъ силою. Подошедъ къ Капишану я просилъ его доложить Адмиралу, не угодно ли ему будетъ дать мнѣ не медля освѣтъ. Его Превосходительство, отвѣчалъ мнѣ Капишанъ, желаетъ, чтобы вы оспались здѣсь, а шлюпку вашу можете опустить. Оспались здѣсь? не уже ли Г. Капишанъ, вы хотите задержать меня? напомните Его Превосходительству, что я парламентаръ и кто повѣритъ, что меня задержали? поварищи мои подумаютъ могутъ, что я самъ по своей волѣ у васъ на кораблѣ оспался. Надѣюсь, что Англинскій Адмиралъ безъ нужды и безъ причины такъ безчестить меня не пожелаетъ. Успокойтесь, пожавъ мнѣ руку, сказалъ Капишанъ, поѣзжайте; очень впрочемъ жалѣю, что вы будучи уже ранены, не хотите избавить себя опасности, которой могли бы избѣгнутьъ.

Во время, какъ я находился на Англинскомъ Адмиральскомъ кораблѣ, Капишанъ нашъ ѣздилъ къ Министру, прося его не оставить своею помощію. Дмитрій Павловичъ отвѣчалъ

ему, я съ своей стороны по долгу службы, сдѣлаю все, что будешь возможно; ѣду сей часъ къ Королю и предложу ему послѣднее средство избавить васъ отъ рукъ Англичанъ; впрочемъ вы люди военные, и если предложеніе мое Королемъ принято будетъ, а вы не разсудите оному послѣдовать; въ такомъ опасномъ случаѣ сами собою располагать должны.

По возвращеніи моемъ на фрегатъ во 2-мъ часу по полудни, когда корабль Егль, началъ уже завозами шинушья къ гавани, изъ города показалась скачущая конница, пошомъ артиллерія и наконецъ пѣхотная гвардія Короля Сицилійскаго; на всѣхъ крѣпостяхъ, чего прежде не дѣлывали, подняли флаги. Множество экипажей стояли на Марино, окна и террасы домовъ, обращенныхъ къ гавани, покрыты были народомъ. Какъ фрегатъ споялъ у оконечности Мола и могъ бытъ ашавованъ съ лѣваго борта, шо мы, дабы закрыть корму, подшинулись ближе къ приспани, и носомъ упираясь на корабль Архимедъ, сшали въ такомъ положеніи, что корабль сей, и за нимъ споявшіе два Неаполишанскіе фрегата, при зажженіи Венуса, должны были вмѣстѣ съ нами летѣшь на воздухъ. Министръ нашъ, воспользовавшись замедленіемъ переговоровъ, успѣлъ спасти насъ отъ алчности Англичанъ. Онъ предложилъ Королю, фрегатъ нашъ взять лучше себѣ, нежели отдать его въ своей гавани Англичанамъ

Его Величество, объемлемый страхомъ и желая сохранить дружество съ обоими своими могущественными союзниками, съ благодарностию принялъ сіе предложеніе Г. Тапищева. Въ претвѣмъ часу по полудни, когда корабль Егль былъ уже ошъ гавани на своемъ выспрѣлѣ, прибылъ къ намъ на фрегатъ уполномоченный опъ Сицилійскаго Минисперства, Полицеймейсперь Палермскійкавалеръ Кастрони и вмѣспѣ съ нимъ опъ Миниспра нашего секретаръ посольства Алек. Яков. Булгаковъ. Первый именемъ Короля объявилъ: что фрегатъ со всѣми принадлежностями, какія приняты будутъ, по заключеніи мира, возвратятся нашему правительству, Офицеры и служители, когда согласятся, сдаются безъ сраженія, которое должно бытъ пагубно всему Палермскому порпу, не будутъ почищаться плѣнными, а госпиями и при первомъ случаѣ, по полученіи ошъ Императора Россійскаго соизволенія, или ошпанушся до заключенія мира съ Англіею въ Палермѣ, или возвращаются въ Россію; доставленіе и содержаніе по Рускому шпашу, Король беретъ на себя. Секретаръ Посольства подшвердилъ, что Дмитрій Павловичъ исходатайспивовалъ для насъ сію капишуляцію и мы можемъ оною воспользоваться. Капишанъ, призвавъ всѣхъ Офицеровъ и служителей на шканцы, объявилъ о предложеніи Короля и шребовалъ согласія. Машрозы отвѣчали, что они согласны, если предложеніе будетъ принято Капишаномъ и

Офицерами. Какъ условіе было самое удовле-
творительное, шо Капишанъ, по общему согла-
сію, объявилъ Полицеймейстеру, что фрегатъ
на сбереженіе вручается Королю Сицилійскому.
Кавалеръ Кастрони призвалъ съ корабля Ар-
химеда 10 человекъ солдатъ, и въ шо самое
время, когда Англинскій корабль Егль обра-
чивался боршомъ къ Венусу, дабы ошкрытъ
огонь, вмѣсто нашего подняшъ былъ на фре-
гатѣ Сицилійскій флагъ. Оспавя на фрегатѣ
своемъ карауль (*), мы переѣхали на Молу, взя-
ли съ собой флагъ и ошдали ему честь зал-
помъ изъ ружей и крикомъ ура! Наслѣдный
Принць Леопольдъ съ Герцогомъ Гессенъ-Фи-
липспальскимъ, первые подѣхали къ нашему
фроншу, и благосклонно разговаривали съ
Капишаномъ и Офицерами, благодарили насъ,
что избавили Короля ошъ большаго неудоволь-
ствія и шопчасъ приказали Бригадиру на-
чальнику порша помѣстить машрозовъ въ
упразднившемся монаспырѣ, близъ Мола на-
ходившемся, а для Офицеровъ наняшъ домъ
въ городѣ.

Англичане, видя себя такъ искусно обма-
нушыми, все негодованіе свое обрапили на

(*) Фрегатъ послѣ былъ сданъ Сицилійскому Прав-
тельству по описи, за общимъ подписаніемъ упо-
номочевнаго отъ порта чиновника, нашего Капи-
тана, Ревизора и Секретаря посольства Алек. Яков.
Булгакова.

Сицилійской Дворъ, а особливо на Королеву, копорую они называли душею Руской паршии. Друммондъ, оскорбленный неудачею, жаловался Ея Величеству, но Королева отвѣчала ему: „Мы поссорились за Англію съ Россіею и должны съ сею сильною державою нести бремя „войны; справедливосшь пребуешъ, чпобы мы „пользовались и преимуществами, съ войною „сею сопряженными, а пошому и шребовали „мы, чпобъ фрегашъ Венусъ сдался намъ. Кто „можешъ у насъ оспоривашъ сію добычу?

Министръ нашъ возвратившись отъ Короля и Королевы въ шо самое время, когда на Венусъ подняли Сицилійскій флагъ, подалъ ношу Маркизу Чирчелли, въ коей между прочимъ было сказано: чшо предложеніе, сдѣланное сего утра Капшану фрегаша Венуса Англинскимъ Адмираломъ и двѣ ношы отъ Сицилійскаго Двора служашъ доказательствомъ, чшо онъ дѣйствуетъ съ Англіею совокупно прошивъ насъ; чшо сколь велика ни была бы храбросшь Рускихъ, фрегашъ не имѣющій даже пороху, не можешъ сразиться съ пашью ливейными караблями и не можешъ прошивуспашъ морскимъ и сухопутнымъ силамъ цѣлаго Государства, чшо пролитіе крови въ семь случаѣ было бы безразсудно, и чшо по симъ уваженіямъ Руской фрегашъ вручаешся Его Сицилійскому Величеству. Министръ оканчивалъ ношу, чшо слагашъ съ себя званіе Посланника, снимашъ съ дома своего гербъ

Россійскій (*), ѳспаваясь въ Сициліи покломо до времени, какъ часпное лице.

Король искренне благодариль Г. Тапищева за то, что доставиль Его Величеству средство дашь Государю Императору доводъ своей велицемѣрной преданности, не подвергая себя мщению Англичанъ. „Что дѣлать намъ оспровишнямъ, сказалъ Король, гдѣ много воды, шупъ много и Англичанъ! „Хоша черезъ нѣсколько дней, по наспоянію Г. Друммонда, прислали къ монастырю, мапрозами нашими занимаемому, Сицилійской караулъ и предложили ружья сложить въ магазейнъ, шупъже въ казармѣ находившійся; но солдатамъ позволили носитьъ шесаки, въ инструкціи же караульнаго Сицилійскаго Офицера было сказано: охраняшь насъ ошъ Англичанъ, не допускашь подозрительныхъ людей въ казармы и бышь въ полномъ распорженіи у дежурнаго Россійскаго Офицера. Посему при смѣнахъ Сицилійскій Офицеръ рапоршоваль нашему, а солдаты его, кошорые шполяли на часахъ у ворошъ монастыря, повиновались нашимъ мапрозамъ, виѣспѣ съ ними опирававшимъ караулъ. Словомъ, съ нами обходились какъ съ друзьями и не почипали насъ плѣвными. Такимъ образомъ кончилось къ удо-

(*) Во всей Италіи Дипломатическій Агентъ высталяетъ обыкновенно на вбротахъ дома, нивъ замасмаго, Гербъ своего Государства.

вольствію обѣихъ сторонъ дѣло, которое безъ присутствія духа Россійскаго Министра и рѣшительности Капитана Андреянова могло бы имѣть весьма невыгодныя для насъ послѣдствія. За таковою подвигомъ Тайный Совѣтникъ Тапищевъ, при возобновленіи дружественныхъ сношеній, былъ награжденъ ошъ Короля орденомъ св. Фердинанда, а Секретарю посольства А. Я. Булгакову пожалованъ орденъ св. Констаппина.

До отъѣзда Дмитрія Павловича обходились съ нами очень снисходительно; всѣми удовольствіями, какія имѣлись въ продолженіе пребыванія нашего въ Палермѣ, обязаны мы достопочтенному сему Министру. Онъ представилъ насъ Королю и Королевѣ, рекомендовалъ нѣкоторымъ особамъ Двора, которыя въ отсутствіе его могли удовлетворять нуждамъ нашимъ, любилъ, что бы мы чаще были у него и старался доставить намъ пріятное время проведеніе. По отъѣздѣ Министра, мы сей часъ почувствовали, что лишились ходатая и защитника. Едва оставилъ онъ Палерму, людямъ уменьшили положенную порцію, попомъ временно спали удерживать и сію, такъ что мапрозы наши принуждены были искать работою пропитанія. Дюку де Бельмонте, котораго загородный домъ находился близъ казармъ, Рускіе оставили по себѣ памятникъ; ибо то, что предполагалъ онъ окончить въ годъ, команда наша сдѣлала ему въ два мѣсяца. Каменный утѣсъ былъ взорванъ, обдѣланъ и

обращенъ въ Англинской садъ, долженствуюцій, по предполагаемому плану, служилъ наилучшимъ украшеніемъ окрестностей Палермы. Офицерамъ не давали никакого содержания и спороною подсылали подговаривашъ мапозовъ въ Англинскую службу. Непріятность слѣдовала за непріятностію. 3-го Морскаго полка рядовой Епифановъ, по старому знакомству съ Англинскимъ сержантомъ зашедь съ нимъ въ пракширъ, выпилъ лишнюю чарку. Англичанинъ замѣпивъ, что паварищъ его довольно весель, предложилъ ему принять Англинскую службу и въ задашокъ давалъ ему нѣсколько червонцевъ. Епифановъ понялъ для чего такъ усердно его подчивали. Принявъ червонцы, бросилъ оныя ему въ глаза, вылилъ на голову изумленнаго сержанша оспальное вино и вышолкалъ его изъ пракшира на улицу. Англинскіе наборщики, никакими хитростями не успѣвши подкупить ни одного изъ мапозовъ нашихъ, осмѣлились наконецъ брать ихъ силою на корабли свои; и одинъ разъ схвативши трехъ мапозовъ, не успѣли увести ихъ; ибо караулъ близъ Арсенала бывшій вступился за нашихъ; Англичане получивши помощь съ своего брига, прогнали было Сицилійскихъ солдатъ; но пущъ подошли изъ казармы наши мапозы, началась драка, которая къ счастью кончилась только тѣмъ, что дерзкихъ изрядно поколошили, принудили бѣжать и ошняявъ у нихъ шляпку изломали оную въ щепы. Въ другой разъ въ

самомъ городѣ, схватили было нашего мапроза; но чернь опбила его, шущъ едва не дошло до княжаловъ и каменьевъ; къ счастію полиція подоспѣла во время, и до драки не допустила. Сіи посшупки не могли бытъ скршшы опъ Короля; они возбудили въ немъ справедливое негодованіе. Его Величество приказалъ караулъ при казармѣ нашей удвоить, и не пускашь Англинскихъ мапрозовъ далѣ Арсенала.

По необходимости принуждены мы были, кромишь работшы въ саду Дюка де Нельмонше, запрешшы людямъ нашимъ выходить изъ казармъ; они хопя чрезъ сіе и лишились многихъ другихъ выгодъ; однакожь не только не ропшали на нужду, но съ швердостію отказались опъ предложеній, дѣлаемыхъ имъ даже чрезъ караульныхъ у казармы Сицилійскихъ солдатъ, вступившы въ Англинскую службу, и напоследокъ къ концу пребыванія нашего въ Палермъ, повинунсъ приказанію Капитана не выходили даже за ворота. Когда спороною дали знашъ мапрозамъ, что если они хопяшь, шо не смошря на запрещеніе Капитана, имъ позволяшь выходить для своихъ работъ, кому куда угодно будетъ и даже оппускають ихъ однихъ безъ Офицеровъ въ Россію; шо къ чести всего экипажа должно сказать, что они предложеніе сіе опвергли съ неудовольствіемъ и объявили, что они изъ повиновенія своихъ начальниковъ не выдушъ, и безъ нихъ и въ Россію возвращаються не хопяшь. Послѣ сего неудачнаго опыша съ людьми нашими, подѣ ви-

домъ недоспашка денегъ, предложили Офицерамъ выдатьшь только имъ однимъ жалованье; но мы также объявили, что одни безъ служителей, не хотимъ имѣть прошиву ихъ никакихъ выгодъ и хощя въ деньгахъ имѣли крайнюю нужду, но опть принятія оныхъ отказались. Всѣ наши бѣды, какъ мы полагали, происекали опть Маркиза Черчелли, дѣйствовавшаго въ угодность Англичанамъ. Онъ услышавъ, что мы отказались опть жалованья и опасаясь, чтобы жалобы наши не дошли до Королевы, призвалъ къ себѣ Лейтенанша Насѣкина, по знанію Италіянскаго языка рекомендованнаго ему опть Дмитрія Павловича для нужныхъ сношеній нашихъ съ Правительствомъ, ласково предложилъ ему: отправивъ Капшана съ Офицерами, для коихъ, какъ онъ сказалъ, и судно уже готово; а людей, какъ скоро сыщется другое, опшнусятъ вслѣдъ за нами съ условіемъ, чтобы мы Офицеры напередъ дали честное слово не служить въ продолженіи войны прошиву Англичанъ. Насѣкинъ, понявъ къ чему клонился такое предложеніе, отвѣчалъ: Офицеры безъ людей, равно и они безъ насъ, какъ уже вамъ извѣстно, не могутъ и не должны согласиться одни безъ другихъ отправиться куда либо, и мы не только не дадимъ честнаго слова не служить прошиву Англичанъ, но и прошиву васъ; ибо мы Сицилійцамъ не сдавались, мы здѣсь не плѣнные и слово Короля опшпустишь насъ при первомъ случаѣ, безъ всякаго условія, должно

что всѣхъ Г. г. Офицеровъ хопятъ посадить въ шюрму, а насъ силою опдашь на Англинскіе корабли; мы опасаясь исполненія шого или другаго, и какъ кварширы ваши въ городѣ слишкомъ опъ казармъ удалены, шо мы и осмѣлились просить васъ къ себѣ съ тѣмъ, чтобы или защищались противу припѣсненія, или неразлучно съ вами итши въ шюрму, и что шеперь прикажете, мы все готовы исполнить. Послѣ угрозы нашихъ, когда уже все было приготовлено къ спрогому наказанію начинщиковъ, изумленіе, переходъ опъ гнѣва и огорченія къ радости и удовольствію, представить и описать не возможно. Когда Копшевъ проспыми словами, но смѣло объяснилъ мысли всѣхъ своихъ товарищей, и когда нѣкоторыя изъ Офицеровъ примолвили: однакожь . . . шо онъ положивъ шапку на земь сказалъ: я начинщикъ, меня одного и наказывайше. При семъ словѣ и самыя спрое изъ насъ невольно опустили глаза внизъ. Послѣ нѣсколькихъ минутъ краснорѣчиваго молчанія, когда съ одной стороны поражены были справедливостію представленія, съ другой со смиреніемъ ожидали приговора начальническаго и наказания, никто изъ Офицеровъ не смѣлъ въ другой разъ повшорить многозначущее однакожь. . . . Я едва могъ удержаться, чтобы не обнять Копшева, и дожидаль съ нешерпѣніемъ, что скажутъ спаршіе меня, а когда сіи, какъ бы по невольному движенію, сказали: „Копшевъ! шы правъ.“ То я подошедъ къ нему

сказалъ: Копшевъ ты молодецъ, славной маш-розъ, ты благородный человекъ. Всѣ Офицеры, перемѣня попомъ шонъ, смягчивъ голосъ, какъ бы не смѣя приказывать такой командѣ, копорая благородною рѣшимостію и преданно-стію заслужила нашу признательность, спарались ласковыми словами внушить, что взятыя за оружіе было бы дѣло безраасудное, что такой поспунокъ будетъ намъ пагубенъ, и что мы до рѣшенія нашей участи, останем-ся въ казармѣ и на кварширы не поидемъ. Послѣ сего напрозы безъ малѣйшаго пропи-ворѣчія, сложили оружіе на прежнее мѣсто. Сицилійскій Офицеръ, ожидавшій дурныхъ для себя послѣдствій, будучи въ восхищеніи ошъ такой скорой перемѣны въ расположеніи лю-дей и для него непоняшной подчиненности, ломая руки восклицалъ о! che Gente, che Gente! (какой народъ!). Когда Бригадиръ, копорому мы поручены были, по увѣдомленію карауль-кого Офицера пріѣхалъ, то мы ему объявили о угрозахъ Министра и о своемъ намѣреніи оспашься съ машрозами въ казармѣ и ни подѣ какимъ видомъ съ ними болѣе не разлучать-ся, Будше покойны ошвѣчалъ Бригадиръ, Король, а особенно Королева васъ сполько уважаетъ, что Министръ не осмѣлится употребить прошиву васъ насиліе; онъ по печальной для всѣхъ насъ зависимости ошъ Англичанъ, спарается угрозами побудить васъ къ какому либо безпорядку, дабы предспавить оной Ко-ролю, разлучить васъ съ людьми, сдѣлашь

шѣмъ угодность Друммонду, а болѣе Торнброу, которому очень хочется имѣть на своихъ корабляхъ Русскихъ машпрозовъ.

Дабы и впредь оградишь себя опъ нападковъ Маркиза Чирчелли, на другой же день по болѣзни Капитана пяць Офицеровъ пошли во Дворецъ съ прозьбою. Королева удостоила принять насъ первыхъ. Когда мы введены были въ ея кабинетъ, Ея Величество уже ожидала насъ у самыхъ дверей, и взявъ бумагу, не чишая ее, милоспиво сказала: „объяснише мнѣ, въ чемъ ваша нужда, я за до-„вольспвіе почту во всемъ удовлетворишь „васъ.“ Когда Насѣкинъ въ коропкихъ словахъ пересказалъ разговоръ его съ Миниспромъ, шо Королева отвѣчала: „Я не понимаю, почему сдѣлали вамъ эту неприяность: впрочемъ кажешся когда оппускають Францускихъ Офицеровъ, шо они очень охотно дають честное слово; но и шо правда, что они никогда его и не держушь.“ Насѣкинъ въ опвѣтъ на сіе осмѣлился предспавить Ея Величспву, что въ царспвованіе Еккатерины II, былъ примѣръ, что одинъ Офицеръ находясь въ плѣну у Шведовъ, и давши слово въ продолженіи войны не служишь проптиву ихъ, по прибытіи въ Россію былъ за шо опспавленъ опъ службы, Ея Величспво благосклонно выслушавъ опвѣчала: очень вамъ вѣрю, и сіе ваше обыкновение не давашъ честнаго слова похваляю; но вы у меня не плѣнные; надѣюсь, что вы сами шакими себя не почишаете, боюсь одна-

кожъ, не огорчили ли васъ чѣмъ либо болѣе, нежели словами; ибо намъ не возможно Рускихъ почишашъ своими непріятелями; одинъ Богъ и вашъ Императоръ моя единая надежда; шакъ, одинъ Александръ, продолжала она съ чувствомъ и поднявъ къ небу глаза, одинъ только онъ швердая опора припѣсненныхъ и только ему одному возможно прекрапшъ сей хаосъ. . . . Успокойшесь, я опущу васъ безъ всякаго условія, какъ моихъ друзей; выбирайте гавань, куда будешъ способнѣе васъ доставить и вы немедленно опправшесь. Обѣщаніе Королевы было въ почности исполнено; намъ выдали все что слѣдовало, сверхъ положеннаго по нашему морскому уставу. Король за доброе и примѣрное поведеніе людей, которые въ пятимѣсячное пребываніе въ Палермѣ, заслужилиобщую похвалу, пожаловалъ намъ особенно на пупевыи издержки, и наконецъ послѣ многихъ неудовольствій, по желанію нашему, на двухъ наняшыхъ купеческихъ Австрійскихъ судахъ 12-го Апрѣля 1808 года мы опплыли въ Триестъ, гдѣ стояла эскадра Капитанъ-Командора Салпанова. Такимъ образомъ съ честію, съ оружіемъ и барабаннымъ боемъ, перебрались мы на суда, на которыхъ на большой мачшъ подняли мы Россійской, а на передней бѣлой переговорной флагъ.

*На пути отъ Палермы до Триеста.**Нѣчто о Мессинѣ.*

При шихомъ вѣтрѣ и пасмурной погодѣ оставили мы Палерму. Обширный городъ сей, въ нѣкоторомъ отъ него удаленіи, предсавляется въ наилучшемъ видѣ. Гавань, наполненная кораблями, великолѣпныя здамлія, обнесенныя стѣною, видъ и всѣ окрестности столицы, въ 10 ши миляхъ отъ оной, имѣють прекраснѣйшее положеніе. Въ вечеру мы проходили оспровъ Успику, напоминающій смѣлосъ Варварійскихъ разбойниковъ и слабосъ Неаполишанскаго правительсва. Корсеры обыкновенно присвавали къ сему оспрову, на коемъ естъ солдашы для спражи и небольшая крѣпосъ для охраненія солдашъ; не смотря на сіе до водворенія Англичанъ въ Сицилію, Алжирцы безнаказанно брали суда въ самой гавани Палермской.

Ночь была прекраснѣйшая, мы плыли съ попушнымъ вѣтромъ и располагали завпрабышъ въ Мессинѣ; но небо опредѣлило иначе и море шаже. При разсвѣтѣ, 15-го Апрѣля, когда находились мы между Липарскими оспровами и Сицилією, вѣтръ сильный и прошивной развелъ большое волненіе, горизонтъ покрытъ былъ мрачными пучами; мы лавировали у оспрова Липари, гдѣ, какъ говорятъ, Эоль заключилъ въ пещеру вѣтры; но въ эпошъ день они были на свободѣ. Шхиперъ нашъ подошедъ весьма близко къ берегу, отъ прибоа волнь не успѣлъ

поворопиль пропиль вѣпра (чрезъ оверъшпагъ) и спускаясь по вѣпру чупь не посадиль судна на камень. Ошъ неудачи сей, шхиперъ поперялъ голову; кричалъ, суепилься и не зналъ что дѣлать; машрозы его вынесли la Madonna (образъ Богородицы), поставили ее къ мачтѣ и начали молишься о прекращеніи бури; но въ самомъ дѣлѣ вѣпръ былъ не шакъ силенъ; неловкость машрозовъ и шоропливость шхипера были причиною напраснаго шума. Капипанъ нашъ прогналъ шхипера въ каюпу, Ишаланцевъ его оставиль молишься, а своимъ машрозамъ приказаль ошправлять должность. Къ полудню вѣпръ опошелъ, сдѣлался попушный, и мы смотря по на одну, по на другую сторону, наслаждались скорымъ ходомъ, и съ удовольспвіемъ глядѣли на снѣжную пѣну, копорая клубилась и клокопала вокругъ судна. Къ вечеру вѣпръ началъ уменьшашься, мы шли вдоль зеленѣющагося берега Сициліи. На одной сторонѣ мелькали города, деревни и монастыри, а съ другой синѣлись Липарскіе оспрова, изъ кошорыхъ чепыре извергали дымъ, наподобіе курильницъ, поспапленныхъ на гладкомъ сполѣ. Ночь была темна, но шиха и пріашна. Спромболи изрѣдка выбрасываль пламя. Видъ сей представляль взору шакую карпину, для изображенія копорой шрудно найши художника. Изверженіе огнедышущей горы дѣлаешъ сильное впечатлѣніе въ томъ, кпо еще не привыкъ къ оному. Непоняшно шому покажешся, какъ Ишаланцы

могутъ шутить и весело пѣть близъ оныхъ. Чшо можетъ быть въ природѣ ужаснѣе землетрясенія? Твердѣйшаго граница горы, коихъ вершины въ облакахъ, до основанія разрушаются, перемѣняются видъ и даже мѣсто, а человекъ, сія персть земная, не смотря почти на ежегодное разрушеніе вокругъ его распространяемое, бодрствуетъ прошиву всего, и близъ такихъ горъ спокойно наслаждается жизнію. Должно согласишься, что ничего нѣтъ храбрѣе привычки.

14-го Апрѣля. Когда мы вошли въ Мессинской проливъ и находились посреди пучинъ, вѣтръ, бывшій до сего времени довольно свѣжъ, вдругъ уменьшился. Наше судно, держась ближе къ Фаро, успѣло обойти косу благополучно, другое же, на коемъ находился Лейпенаншъ А. М. Мельниковъ съ половиною экипажа, попало въ самой сильной водоворотъ, и было выброшено на Калабрскій берегъ. Французская батарея, построенная на семь берегу, не смотря на то, что на суднѣ подняты были Россійскій и бѣлой переговорной флаги, открыла огонь сначала ядромъ, потомъ картечью. Въ защиту нашего судна, Англичане начали стрѣлять изъ одной пушки большого калибра, пославленной у маяка Фаро; каждое ядро изъ оной падало прямо на Французскую батарею. Такимъ образомъ союзники приняли насъ, какъ враговъ, а непріятели, уважая переговорной флагъ, защищали какъ друзей. Оставляю всякому судить, что мы при семъ чувствовали. Хотя

судно спояло уже на мѣли и слѣдовательно было во власпи Французовъ; но они спрѣлять не переспавали; почему Капишанъ Андреяновъ послалъ на шлюпкѣ Лейшенанша Насѣкина для объясненія съ Французами. Лейшенантъ, не смошря на ружейный и картечный огонь, приспалъ къ берегу и шогда съ батареи переспали спрѣлять. Францускій Офицеръ, командовавшій батареєю, извинялся, что онъ прешей дивизіи нашъ флагъ почель Англинскимъ. Прекрасное извиненіе! Судно повреждено было въ мачпахъ, два Ишалианскихъ мапроза, спрятавшіеся въ шрюмъ, были тамъ убишы ядромъ; а изъ нашихъ, споявшихъ на палубѣ ни одного не убишо и не ранено.

Прибывъ въ Мессину, Капишанъ послалъ меня съ письмомъ къ Англинскому Генералу, командующему гарнизономъ и крѣпостью, прошишь, чтобы позволилъ послашь нѣскольго лодокъ для снятія судна съ мѣли; ешшли же сіе окажется не возможнымъ, то команду нашу перевеспъ въ Мессину, ошкуда для опшравленія въ Тріестъ наняшь другое купеческое судно. Я пріѣхалъ сначала на бранвахпу. Капишанъ бранвахшеннаго фрегата сказалъ мнѣ, что онъ не имѣепъ еще повелѣнія пускашь насъ на берегъ, что онъ для испрошенія сего, сей часъ ѣдетъ къ Генералу и можешъ пакешъ ошъ Капишана нашего вручишь ему и немедленно доставишь ошвѣшь. Англинскій Капишанъ вскорѣ возвратился и объявилъ мнѣ, что Генераль ошошно согласился удовлешво-

★

ришь всѣ наши желанія; но сомнѣваясь, чѣмъ Французы также благосклонно приняли наше предложеніе; ибо они, не уважая ни какого флага, берутъ всѣ суда, какія по несчастію печеніемъ бросаютъ на ихъ берегъ; находилъ за необходимо нужное ошобратъ напередъ мнѣніе Францускаго Генерала, командовавшаго авангардомъ въ Реджіо; и если Капитану нашему угодно для сего сношенія послать своего Офицера; то, для перевозу его въ Реджіо, будетъ дана лоцманская лодка. Лейшенантъ Насѣкинъ въ пошѣже день былъ отправленъ и 18-го Апрѣля возвратился съ неблагопріятнымъ отзывомъ. Францускій Генераль не хотѣлъ вѣрить, что бы Англичане съ добрымъ намѣреніемъ оказывали намъ свои услуги; и думалъ, что за такое снисхожденіе, они, когда оба судна будутъ въ Мессинѣ, задержатъ оныя и насъ возмутъ въ плѣнъ; и что онъ самъ собою не можетъ рѣшиться на удовлетвореніе просьбы нашего Капитана. Курьеръ, посланный въ главную квартиру, въ Козенцѣ бывшую, привезъ слѣдующее рѣшеніе главнокомандующаго Генерала Француской арміи: „Австрійское судно задержатъ, людей же нашихъ, на немъ находящихся, ошправитъ чрезъ Неаполь, Римъ и Анкону въ Венецію, гдѣ стоить наша эскадра. Для сопровожденія дашь Францускаго офицера, коему приказать, по требованію Лейшенанга Мельникова, доспавлять все нужное. Въ семъ непріятномъ для насъ обстоятельстве, ошкрывается нѣкоторымъ образомъ причина

дѣйствию и поступкомъ Англичанъ и Французовъ. Ненависть сихъ двухъ націй, конечно происходитъ отъ самолюбія и соперничества. Кто много думаетъ только о себѣ, тотъ не можетъ быть справедливымъ къ другому, и вотъ причина, вотъ источникъ довольно мушныя ненависти унижающей оба народа. Англичане винятъ Французевъ; Французы бранятъ Англичанъ; и тѣ и другіе и правы и виноваты. Въ нѣкошорыхъ однакожъ случаяхъ должно оправдать Англичанъ; они иногда уважаютъ права народныя и бывають вѣжливы; Французы, подражая Наполеону, пренебрегаютъ всѣми ушавами и бывають вѣжливы только на словахъ.

Едва мы вошли въ гавань, какъ Графъ Кауницъ (сынъ Министра), Австрійскій Посланникъ при Сицилійскомъ Дворѣ, первый посѣтилъ насъ и предложилъ свои услуги. Капитанъ съ благодарностію оныя принялъ; ибо хотя и оставался въ Мессинѣ нашъ Консулъ Манзо, но онъ будучи частнымъ лицомъ не смѣлъ къ намъ показаться. На другой день мы сами опѣскали его кварширу, у него денегъ не было и помощь Графа была очень кшати.

Приготовленіе Французовъ сдѣлать высадку на Сицилію, оспановило шорговлю. Англинскіе купцы были въ великомъ безпокойствѣ. Нѣкошорые изъ нихъ колоніальные свои товары продавали за безцѣнокъ; другіе, болѣе дальновидные, скупали оныя, и не обманулись

въ разщопѣ. Наполеонъ дѣлалъ великія прыгошвленія въ Калабріи для покоренія Сициліи, точно съ поюже цѣлію, какъ послѣ Амиевскаго мира, изъ Булони, не имѣя корабельнаго флота, на канонерскихъ лодкахъ (быть можетъ и на воздушныхъ шарахъ) хопѣлъ высадишь войска въ Англію и вдругъ со всею арміею обратился на Австрію; и Сицилія была шакже шолько ошводомъ для нападенія на Испанію.

Иждивеніемъ и прудами Англичанъ, всѣ укрѣпленія Мессины нынѣ приведены въ лучшее состояніе. Въмѣсто прогулки, я пошелъ осматривать портъ и крѣпосши. Гавань Мессинская (*) подобная ковшу, есть наипрекраснѣйшая по мѣстоположенію, безопаснѣшая по удобности и конечно можетъ почешься изъ числа лучшихъ въ свѣшѣ. Противу Палацашы, соспавляющей полкруга, закрѣпившись канатами за набережную, споятъ военные и купеческіе корабли. Груншъ повсюду иль, глубина близъ берега къ городу отъ 8 до 35, по средиже гавани проспирается до бо сажень. Узкая песчаная коса (**), загибающаяся противу набережной шакже въ полкруга, образуешъ обширной бассейнъ съ единшвен-

(*) Смотри карту.

(**) Баснословные Греческіе писатели повѣствуютъ, что Сатурнова коса, упавъ на сіе мѣсто, начертала сію фигуру.

нымъ входомъ шириною въ 220 сажень. Пучина Харибды, сильнымъ своимъ теченіемъ иногда затрудняетъ входъ въ гавань; но корабли могутъ ошпанавливаться и внѣ оной, имѣя только одну оспорожностъ, а именно, когда положатъ якорь, пошчасъ должно укрѣпиться канатами за берегъ; ибо съ онаго вѣтры дуютъ сильными порывами. Карантинное зданіе по назначенію своему построено въ удобномъ мѣстѣ; оно соединяется съ косою подъемнымъ мостомъ. Мессинской фаросъ (маякъ), зажигаемый каждую ночь, посланъ для показанія плавашелямъ ошмѣли *Танхдонб*, копорой крайне беречься должно, потому что Харибда, дѣйствительными жипелами Гарафаро называемая, дѣйствуетъ въ семъ мѣстѣ весьма сильно. Укрѣпленія съ морской стороны составляютъ сильную защиту; но съ сухаго пупи, хотя городъ обнесенъ стѣною и сухимъ ровомъ, а на горѣ построена цитадель, не можешь однакожь выдержатъ порядочной осады.

Мессинцы почищаются въ *Испалии* за наилучшихъ плавашелей въ искусствѣ семъ, они достигли до невѣроятности. Мальчики, на глубинѣ 30 сажень, ныряя достають усприцы со дна моря. Здѣсь рассказываютъ про нѣкотораго Коласа, уроженца сего города, будпо бы онъ могъ ходитъ по морскому дну противъ теченія, могъ ловить рыбу и нѣсколько дней могъ плавать, не выходя на землю, ошъ чего и прозванъ былъ рыбою. Ешлы бы произ-

шеспвіе сіе не ушверждено было многими Сицилійскими писателями, по оное можно бы почестъ за баснь Греческаго воображенія. Король Фридрихъ, посѣщая Мессину, желалъ бытъ очевиднымъ пому свидѣтелемъ. Колась учинилъ два опыта, и своимъ долгимъ пребываніемъ подъ водою, привелъ зрители въ изумленіе. Любопытство Короля стоило наконецъ бѣдному Коласу жизни. Фридрихъ, желая наградить его, приказалъ большую золотую чашу бросить въ сзую Харибду. Колась нырнулъ и погибъ.

Окрестности Мессины очень пріятны; кругомъ города видны прекрасныя гулянья. Дороги въ Палерму и Таормины обсажены пѣнистыми деревьями. Возвращаясь изъ Цитадели въ городъ, взошелъ я на вершину одного холма, и остановился, дабы насладиться прелестнымъ видомъ, опшуда опкрывавшимся. Городъ былъ подъ ногами. Проливъ представлялъ глазамъ величественную рѣку, между двумя хребтами горъ медленно текущую. Оба берега покрыты шучными нивами, виноградниками, городами, селами, монастырями и двумя красивыми фarosами. Съ каждой стороны зрѣніе ограничивается высокими горами, одѣтыми плодоносными рощами. Всѣ поля, луга и холмы около Мессины покрыты шучнымъ шрилиственникомъ, душистыми распѣніями, куспарниками розъ и другихъ цвѣповъ которые наполняютъ воздухъ пріятнѣйшимъ благовоніемъ. Въ самой гавани нѣтъ шого

непріятнаго запаха, опть морской воды происходящаго, который во многихъ приморскихъ городахъ беспокоитъ обоняніе. Сильное движеніе воды въ проливѣ конечно тому причиною.

Проходя городомъ, я зашелъ въ одну спарую Гопическую церковь, что на площади, гдѣ стоить монументъ Карла III, опца нынѣшняго Короля Фердинанда IV. Церковь сія украшена Греческою мозаикою, очень посредственнаго вкуса, а нѣсколько спашуй кажешся нынѣшняго дѣла и довольно изрядны. На мозаическомъ полу проведена полуденная линия, раздѣленная на знаки зодіака, и числа. Въ сѣнѣ церкви пробишь узкій прорѣзь, лучи солнца проникая въ оный и досягая полуденной черты, показывающъ вмѣстѣ мѣсяць, число и истинный въ Мессинѣ полдень.

Въ Ипаліи, каждый городъ имѣетъ особенный свой церковный праздникъ. Мессина опшляется шоржесивомъ, опправляемымъ въ день Успенія, 15-го Августа. Одинъ изъ моихъ сослуживцевъ былъ очевидцемъ сего спраннаго обряда; я предлагаю здѣсь его замѣчаніе. На горѣ, въ концѣ большой улицы, сооружаешся деревянная машина въ видѣ конуса, вышиною въ 7 сажень. Основаніе машины утверждено на кашкахъ, къ копорымъ придѣланы шестперни, обращающія нижній кругъ, а за нимъ и всѣ другіе круги на одной оси съ нижнимъ укрѣпленные. Машина украшаешся померанцовыми вѣшьями, цвѣтами въ горшкахъ

и разноцвѣтными бумажками. До сна мальчиковъ, въ бѣлой длинной одеждѣ съ привязанными на плечахъ крыльями, представляющие Ангеловъ, садящихся между цвѣтами на горизонтальныхъ колесахъ, изображающихъ небесные круги. На верхнемъ кругѣ, надъ которымъ Херувимовъ, спарецъ въ пурпуровой одеждѣ съ поддѣланною сѣдою бородою представляетъ Вседержителя; подлѣ него сидитъ юная дѣва, облеченная въ драгоценныя ризы, какія у насъ пишутъ на образахъ Богородицы; дѣвица, представляющая главное лице, Божию мать, должна быть прекрасна и непорочна; и для сего избирается дѣвица десяти или одиннадцати лѣтъ изъ бѣдныхъ. Народъ, сколько можетъ помѣститься на улицѣ, взявшись за веревки тащитъ машину подъ гору къ соборной церкви. Лишь только машина пронесся, круги начинаютъ двигаться; представляющие Ангеловъ, одни поютъ, другіе ѣдятъ апельсины, иные рѣзвятся, а большая часть закружившись засыпаютъ. Пушечная пальба возмущаетъ начало процессіи, народъ стѣснился на главной улицѣ, по коей везутъ машину; иже божные бросаются ницъ на мостовую, и машина чрезъ нихъ проѣзжаетъ. Изъ оконъ домовъ вывѣшиваютъ разноцвѣтные шелковые покровы, женщины осыпаютъ цвѣтами машину, она представляетъ видъ огромнаго движущагося замка, занимающаго всю ширину улицы. Процессія сія оспанавливается на каждахъ сна шагахъ; народъ обращается

къ сидищей на верху дѣвицѣ и становится на колѣни. Оркестры музыки играютъ въ сіе время гимны въ честь Богородицы. По окончаніи обѣдни, когда дѣвица выходитъ изъ церкви, ошдается ей честь залпомъ изъ маленькихъ морширокъ, называемыхъ *Масколи*; она ходитъ попомъ по всѣмъ церквамъ и домамъ, гдѣ дарятъ ее деньгами или вещьми на приданое. Въ сей день дѣвица имѣетъ право освободить преслупника, хотя бы онъ приговоренъ былъ къ смерти. Сія дѣвушка вѣдывала посѣпшишь и Рускіе корабли. Хотя шакое посѣпшеніе и запрещено Петромъ Великимъ, однакожь ей не можно было ошказашъ, и она получила въ подаяніе гораздо болѣе, нежели другія предшественницы ея въ прежніе годы. По сему сопровождавшіе ее говорили: „*наша Богородица счастлива, што Рускіе пришли къ ея празднику.*“ На другой день два бумажныхъ великана прогуливаются по городу. Одинъ изъ нихъ предшавляетъ мушину, другой женщину въ преспранномъ нарядѣ. Народъ, а болѣе женщины кланяются въ землю симъ бумажнымъ кукламъ. О происхожденіи сего обряда сказываютъ слѣдующее: Когда Графъ Рожеръ завоевалъ Сицилію у Сарациновъ, въ то время находился въ Мессинѣ начальникъ оныхъ съ женою исполинскаго роста, весьма любимый народомъ. Въ честь имъ ушановлена сія процессія. Неноспижитмо, какъ въ Кашолической землѣ позволяющъ

народу такія шалости; но вездѣ свои обычаи, ихъ ссуждать не можно.

19-го Апрѣля. Оставя Мессину и обошедъ мысъ Спарпивеншо, мы держались близъ берега. Вѣтры были тихіе, погода пріятнѣйшая. Этина при дни была у насъ въ виду; надъ нею неподвижно снояло густое облако дыма. Крупныя и высокія Калабрскія горы, съ обожженными вершинами, касающимися облаковъ; дикія скалы, нависнувшія надъ моремъ; скасы горъ и долины, между ими заключенныя, покрытыя зеленью, плодоносными дубравами, виноградниками, замками, селеніями, монастырями и крѣпостями, разнообразіемъ мѣстоположеніе, предспавляющъ попеременно веселые и грозные виды. Природа является здѣсь во всемъ своемъ великолѣпіи и богатствѣ и посреди ужасовъ своихъ нравится взору; но жишь въ сихъ едемскихъ садахъ совсѣмъ другое дѣло. Признаюсь, я чувствую великое отвращеніе отъ здѣшнихъ землетрясеній, и можно ли спокойно оставаться на такой землѣ, которая почти безпрестанно шрясается подъ ногами? Съ чѣмъ можно сравнить опасеніе бышь раздавлену собственнымъ домомъ?

23-го Апрѣля прошли Оспраншо и вступили въ Адриатическое море. Поелику ночью вѣтры дуютъ здѣсь съ берегу, то держались мы къ оному какъ можно ближе. Тихая ночь при полнолуніи дѣлала плаваніе наше

очень пріятнымъ. Судно, движимое легкимъ вѣтеркомъ, наполнявшимъ верхніе паруса, плыло и уступающіе огоньки въ хижинахъ на бережныхъ селеній мелькали, появлялись и исчезали. Иногда подходили мы такъ близко къ берегу, что слышенъ былъ говоръ людей. Матросы наши, ошъ бездѣйствія, собравшись на палубѣ въ кружокъ, пѣли заунывныя пѣсни. Печальные звуки оныхъ, сливаясь съ тихимъ журчаніемъ воды, производимымъ бѣгомъ судна, напоминали мнѣ о милой родинѣ. Кому не пріятно, знакомыми звуками, простыми выраженіями народныхъ пѣсней, переноситься въ опечесство и на минушу забывать разлуку съ онымъ?

Въ полночь я сошелъ въ низъ, но ошъ жару и духоты не могли уснуть, скоро вышелъ на верхъ. Кшо привыкъ плавать на военномъ кораблѣ, пому на купеческомъ суднѣ очень не понравится. Первой уподобить можно большому дому, имѣющему всѣ удобства и выгоды; второе, низкой хижинѣ, гдѣ тѣсно, грязно и все бѣдно. Къ утру 24 Апрѣля вѣтръ не много посвѣжѣлъ. Волны, по взбѣгал на берегъ, по сливаясь съ онаго, шумомъ своимъ напомнили намъ, что мы должны нѣсколько ошъ берега удалиться. Алый блескъ зари опкрылъ предъ нами прекрасные виды. На воспокѣ сумракъ уступалъ свѣту; небо горѣло пурпуровымъ огнемъ. Море было гладко, какъ зеркало; на западѣ близъ насъ, видѣнъ былъ низменный берегъ, покрытый

красноватымъ пескомъ. Мы проходили Бриндизи, облака дыма выходя изъ трубуь прямымъ сполбомъ, клубились вверхъ. Туманъ лежалъ на опдаленныхъ поляхъ; но лишь солнце показалось на горизонтѣ, видъ сей началъ измѣняться. Земныя испаренія и теплоша верхнихъ слоевъ морской воды, восходя въ окружающій ее холодный воздухъ, подымались къ небу легкимъ прозрачнымъ шуманомъ. Золотые лучи солнца, проникая шуманъ, разширялись; свѣтъ увеличивался, пары исчезли и по мѣрѣ возвышенія солнца, какъ сквозь флсровой завѣсъ, опдаленные предметы постепенно освѣщались; мракъ уступалъ свѣту, и наконецъ весь берегъ открылся въ настоящемъ видѣ.

Подъ всѣми парусами, тихо, незыблемо плыли мы извиваясь близъ берега, по обходили мысь, по входили внутрь небольшого плеса. Неаполитанское Королевство со стороны Адриатическаго моря представляешъ взору обширную равнину, раздѣленную полями и лугами. Цѣпь Апенинскихъ горъ синѣется вдали. Провинція Пулія, которую мы проходили, очень плодоносна; изъ нее опускается большое количесво пшеницы. Съ великимъ нешерпѣніемъ желали мы видѣть Баръ, гдѣ почіюпъ мощи Чудопворца Николая. Небольшой городокъ сей мы проходили очень близко. Въ честь великаго угодника, какъ покровишеля плавашелей, мы сдѣлали три выспрѣ-

ла, въ монастырѣ отвѣчали на наше привѣщаніе звономъ колокола; Италіанцы пали на колѣна, всѣ наши матрозы также молились. Мы очень жалѣли, что не могли основипься, дабы опслужить святому молебень. За Баромъ безпрестанно вѣспрѣчались селенія и города, мѣста классическія и любопытныя; но вѣспрѣ довольно освѣжѣлъ и мы только глазами мѣрили городъ Канны, гдѣ гордые Римляне были разбиты славнымъ Аннибаломъ. Долина, гдѣ было сраженіе, нынѣ называется *красное поле* (Pezzo di Sangue); у Манфредоніи равнина оканчивается горою Санъ Анжело, которая по высотѣ своей очень издалека открывается и служитъ мореходцамъ лучшею примѣною для опредѣленія мѣста на картѣ.

Изъ Сифантскаго залива, что у Манфредоніи, мы пошли поперегъ Адриатическаго моря. Миновавъ ос. Пелагосъ, перемѣнили путь къ сѣверу и прошедъ между островами Сантъ-Андрея и Лисса, стали держать вдоль Далматскаго Архипелага. Островъ Помо, лежащій посреди моря, по виду и положенію своему заслуживаетъ особенное вниманіе. Когда море тихо, онъ открывается небольшимъ плавающимъ шаромъ, а по приближеніи къ нему показывается похжимъ на яблоко. Онъ находится къ сѣверу отъ Сантъ-Андрея и къ западу отъ Лезино (*)

(*) Лезина древне назывался Фарія (Phagia): на немъ родился Димитрій Фалерскій.

въ равныхъ разстояніяхъ по 30-ти исп. миль; на многихъ картахъ означенъ далѣе или ближе сего; посему въ пасмурную погоду и ночью крайне беречься должно, дабы не найпи на него. Острова Коронаша, Гросса, Премедра, Санего, Юнія и Оссеро (*), съ моря представляють одни голые камни, изрѣдка видна на нихъ зелень и признаки обиталищъ. Для кораблей нѣтъ въ нихъ пристаней, но для малыхъ судовъ весьма много. На сихъ то островахъ въ древніи времена жили Либурнійцы, кои на своихъ легкихъ лодкахъ прославились морскими разбоями. Страбонъ повѣствуетъ, что нравы сихъ Либурнійцевъ и вообще всѣхъ Иллирійцевъ не различествовали отъ другихъ варваровъ; они сражались подобно Гетамъ, были очень храбры и долго сопротивлялись Римлянамъ. Когда сіи принудили ихъ перейши на твердую землю въ Далмацію, а потомъ далѣе въ горы, то они для пропитанія своего занялись земледѣіемъ. Наиболѣе обрабатывали виноградъ, а изъ овса дѣлали крѣпкое пиво, называемое *Сибал*. Отъ сего-то Императоръ Валенцій, родомъ Иллиріянинъ, въ насмѣшку назывался *Сабалрусъ*.

(*) Оссеро нѣкоторые древніе Географы называютъ Абсиртіумъ (Absyrtium), и производятъ имя сіе отъ Абсирта, брата Меден, которая, дабы убѣжать отъ отца своего, за него гнавшася, убила на семь островъ брата, и раздробивые члены его разбросала по дорогѣ.

Проходя Поло, (что въ Испріи) близъ ко- ей еще видны оспашки Римскаго театра, мы встрѣпились съ Англинскимъ шендеромъ (*), блокирующимъ Венецію. Англичане, опросивъ насъ, пожелали счастливаго пупи. Оспровъ Лисса, занимаемый Англичанами, представляешъ великую удобность къ наблюденію всего Адриатическаго моря; ибо оспровъ сей, находясь въ центрѣ моря, имѣешъ весьма покойную гавань (Жоржію) и небольшую крѣпость кошорую защищать можно одною рошою солдашъ. Когда обошли мы мысь Салворъ, и когда опкрыдись Тироельскіе Альпы, споль величественно облегающіе Ишалію; шо изъ Пирамо, шакже для опроса, выходила Французская канонерская лодка. 30-го Апруля, имѣвъ въ продолженіе всего плаванія шихіе и перемѣнные вѣшры, бросили мы якорь въ Тріестъ. На рейдѣ шстояла шогда эскадра подъ начальствомъ Капипанъ-Командора Ив. Ос. Салтанова. Оную составляли слѣдующіе корабли: 1) Параскевія о 74 пуш. Капипанъ-Командорскій. 2) Уриль 80-пуш. Капипанъ Мих. Выченскій. 3) Сед-ель-Вахръ 80 пуш. Капипанъ Сульменевъ. 4) Азія 66 пуш. Капипанъ Вороци; фрегаши: 5) Легкій о 44 пуш. Капипанъ Повалишинъ. 6) Михайль о 44 пуш. Капипанъ Снаксаревъ. 7) Корвешъ Діомидъ о 24 пуш. Капипанъ Палеолого.

(*) Малое военное судно съ одною мачтою.

ПРЕБЫВАНІЕ ВЪ ТРІЕСТѢ.

Портъ и укрѣпленія.

Вѣнскій Дворъ, съ давняго времени, желалъ имѣть военный портъ, искалъ средствъ, дабы что нибудь значить въ числѣ морскихъ Державъ. Полишика его постоянно стремилась къ ушверженію своего могущества силою флота и вѣшнейю шорговлею; но прекрасное сіе предположеніе, по обстоятельствамъ, долго оставалось безъ исполненія. Наконецъ Императрица Марія Терезія, рѣшилась воспользоваться выгоднымъ положеніемъ Тріеста, которой былъ тогда небольшой городъ. Въ 1750 году положено въ немъ основаніе корабельной верфи; построены магазейны для складки поваровъ, казармы, гошпигаль; выданы великія суммы для сооруженія укрѣпленій и другихъ общественныхъ зданій; и въ короткое время Австрійскій флагъ явился на Средиземномъ морѣ и возвѣстивъ о существованіи Тріеста. Въ царствованіе Іосифа II, городъ объявленъ вольною гаванью; множество иносранныхъ и Австрійскихъ купцовъ съ значительными капиталами поселились въ немъ. Произведенія южной Германіи, Леванта, Египта, Италіи и Сициліи обратились къ нему, обогатили и украсили его; и Тріестъ сдѣлался опаснымъ соперникомъ Венеціи, которой шорговля съ сего времени начала упадать.

Заливъ, образуемый мысомъ Салвора (что въ Истрии) съ одной, а Венеціанскимъ берегомъ съ другой стороны, называется Триеспскимъ. Городъ лежитъ въ самомъ углу Адриатическаго моря, по наблюденію, учиненному въ 1806 году Генераломъ Барономъ Цахомъ, въ широтѣ 45 град. 38 мин. 8 сек., и 11 гр. 26 мин. 56 сек. долгошы восточной, счишая отъ Парижскаго меридіана. Построенная на ошмѣли каменная насыпь (*), съ башареею на краю оной, примыкающая къ старому карантину, мало прикрываетъ гавань отъ морскихъ вѣтровъ, которые разводяшъ въ оной неправильное волненіе, причиняющее немалые убытки. Не проходитъ года, чшобы сильными югозападными вѣспрами не разбило отъ 20 до 30 судовъ. Бора, по причинѣ высокихъ горъ, окружающихъ Триеспъ, дуетъ прямо съ берега съ шакою ужасною силою, что, не смотря на малую глубину и швердый грунтъ, корабли иногда срываетъ съ прехъ якорей и ломаетъ мачшы. Въ зимнее время, Боры продолжаются по двѣ недѣли сряду, и хошя по чрезмѣрной жестокости сего вѣспра волненія въ гавани не бываетъ, но поверхность моря покрывается сѣдою пѣною, брызги, срываеыые съ воды, несетъ въ высоту на присажени. Въ окрестностяхъ Триеспта вѣсперь сей причиняетъ ужасныя опусшошенія, въ го-

(*) Смотри карту.

родъ срываетъ крыши съ домовъ, на улицахъ опрокидываетъ экипажи. Новый карантинъ, или иначе Санша Тереза называемый, опредѣленъ для судовъ, приходящихъ изъ зараженныхъ чумою мѣстъ. Въ бассейнѣ, раздѣленномъ на три части, не болѣе 20 кораблей помѣщаться можешь; глубина его три сажени, а ворота для входу въ оный очень узки. Въ каналѣ, находящемся посреди города, глубины двѣ сажени; въ ономъ суда нагружаются и разгружаются. Нѣсколько нушекъ, поставленныхъ на мѣлѣ спараго карантина и вокругъ бассейна новаго, защищаютъ городъ и гавань съ морской стороны. Два ветхихъ укрѣпленія, называемыхъ ципаделью, построенныхъ на крупомъ холмѣ надъ самымъ городомъ, не могутъ ни себя, ни городъ защитить; ибо подлѣ ципадели есть высоты, господствующія оною, а городъ почти кругомъ открытъ. Смотри на укрѣпленія Тріеста, скажешь можно, что оныя построены для одного вида.

К а р а н т и н ъ.

Сколь пріятно переходить изъ страны въ страну, сколь иногда и малое препяшствие огорчаетъ насъ. Съ крайнимъ нетерпѣніемъ считали мы минушы, когда придемъ въ Тріестъ;—пришли—и могли только на него смошрѣть. Лишь бросили якорь, Карантинный Чиновникъ съ Консуломъ нашимъ Г. Пел-

легрини, объявили намъ непріятную вѣсть, что мы должны цѣлыя при недѣли сидѣть въ карантинѣ и ни съ кѣмъ не сообщаться. Канонерская лодка, защищающая Брандвахшенный постъ, къ намъ приблизилась; спорожь, называемый здѣсь *Гвардіано*, взошелъ на судно, приказалъ Шхиперу ввесипи оное въ бассейнъ, а намъ съ людьми перебраться въ старой лазаретъ. Мы повиновались и попчасъ начали перевозиться. На первомъ дворѣ, куда насъ ввели, было довольно народу, но всѣ ошъ насъ бѣгали; самъ нашъ Гвардіано, опчашнымъ крикомъ напоминалъ, чтобы мы не приближались къ чужимъ людямъ. Эшо сначала насъ забавляло, а потомъ крайне наскучило; ибо ходили за нами, пакъ сказашъ, по пятамъ; малѣйшее движеніе замѣчали и ни на одну минушу не упустили изъ виду. Карантинный начальникъ просилъ насъ убѣдительноше съ шерпѣніемъ покоряшъся карантинному уставу; ибо за малѣйшее упущеніе, нарушившій законъ, подвергается лишенію жизни. Въ самомъ дѣлѣ, что можешъ бытъ ужаснѣе чумы? Опъ одного зараженнаго не шолько городъ, но цѣлое государство можешъ поспрадашъ; опъ единаго прикосновенія могушъ погибнушъ пысячи народа. Посему чрезмѣрная осторожность и шпрогосшъ ешъ въ семъ случаѣ благоразумна.

Въ 1812 году, по справедливости названномъ годиною испытанія, когда любезное Отечество наше шерзаемо было люшыми врагами, въ шо самое время, когда Москва заня-

ша была Французами, въ Одессѣ и Феодосіи
открылась чума. Служа тогда въ Черномор-
скомъ флотѣ, я былъ по несчастію свидѣтелемъ
и очевидцемъ печальныхъ слѣдствій сего бича
человѣческаго рода. Язва, поспешенно заража-
ла всѣ члены тѣла, знаки ея были ужасны,
распространеніе скорое, слѣдствія почти
всегда смертельны. Человѣкъ, получившій за-
разу, сначала чувствуетъ пошноту, круженіе
головы, потомъ начинается рвота, тѣло по-
крывается красными пятнами, которыя ско-
ро чернѣютъ, и когда въ пахахъ покажется
карбункулъ, (черный чирей), тогда уже во
внутренностяхъ существуешь антоновъ огонь
и смерть неминуемо послѣдуешь. При пер-
выхъ припадкахъ, человѣкъ лишается разсудка,
душа теряетъ свои силы, тѣло же кажется,
получаешь опъ того новья, и больной совер-
шенно разслабленный переноситъ жесточай-
шія мученія. Сильныя судороги, рвота, непре-
шанное иканіе, бессонница шерзаютъ больна-
го. Но это еще не все: несносный жаръ сжи-
гаетъ ихъ внутренность; съ воспаленными
на выкатѣ глазами, стѣсненной грудью, по-
мертвѣлымъ лицомъ, издавая зловонное дыха-
ніе, съ запекшеюся на ушахъ нечистою кро-
вью, ошчяннымъ воплемъ требующъ они во-
ды, льда и не возмогши утолишь палящей ихъ
жажды, въ испусленіи рвутъ одежды, гры-
зутъ зубами тѣло свое, и въ бѣшенствѣ валя-
ются по землѣ. Большая часть умирала въ
пятый или седьмый день, иные чрезъ

одни или двое сушки, а въкошорые въ при или чешыре часа. Слабое ушѣшеніе шому, вшо выздоравливалъ ошъ сей болѣзни; онъ предспавлялъ взору нещасный шолько ошашокъ самаго себя. Анапольцы, вызвавшіеся лѣчить больныхъ, безъ боязни ходили по лазарешамъ, лѣчили разными средсвами и замѣчено, что одно лѣкарство производить дѣйствія спасительныя и вредныя; многіе зараженные были однакожъ ими возвращены къ жизни, и ни одинъ изъ сихъ великодушныхъ людей не погибъ. Когда оказались явные признаки чумы; когда городъ окруженъ былъ военною спражею и прекращено сообщеніе съ окрестношьями, никакимъ перомъ не возможно описать ужаса, объявшаго жишелей. При началѣ видимы были доспойные подражанія примѣры маперинской нѣжноши, дѣпской привязанноши и великодушныхъ пожершвованій. Изъ многихъ я приведу шолько одинъ. Полковникъ Ребокъ, примѣпивъ на ребенкѣ своемъ знаки заразы, спѣшилъ подать ему помощь, вымылъ его укусомъ, упошребилъ всѣ другія предохранительныя средства; но скоро почувшвовалъ и самъ припадки. Онъ объявилъ о шомъ полиціи, заперся въ своей комнзпѣ, зашопилъ печку, сжегъ свое плашье и все принимающее заразу, и на другой день умеръ. Послѣ шаковаго печальнаго опыта, лишъ шолько въ какомъ домѣ оказывалась чума, шощасъ полицейскіе служители, вымазанные дегшемъ, и въ кожаныхъ

плашьяхъ, раздѣляли здоровыхъ отъ больныхъ и подъ сомнѣніемъ находящихся. Можешь ли быть что жалосниѣе, когда дѣтя ошривали отъ груди маперы, сына оплучали отъ опца, и почтеннѣйшіе узы не были уважаемы. Было много шрагическихъ и чувстввишельнѣйшихъ явленій. Здоровые одни запирались въ домахъ, другіе жили за городомъ въ палашкахъ и землянкахъ. Городъ обрапился въ пусыню; нѣкошорые дома сожгли, у другихъ выбиты были окна, никшо не смѣлъ вышпи на улицу и спрашилса вспрѣшпишса съ другомъ. Одна бѣдная чернь раздирающимъ голосомъ лребовала пици. Въ сіи нещасные дни умирающему нѣкому было закрышь глаза, и жестокая смерть не извлекала уже болѣе слезъ.

Послѣ многихъ нещасныхъ случаевъ, произшедшихъ отъ дурнаго раздѣленія караншиновъ въ большихъ торговыхъ городахъ Ишаліи, Франціи и Испаніи, построенныхъ несообразно назначенію и цѣли оныхъ, можно сказать, что Триестскій караншинъ, какъ по удобству спроенія, такъ и по порядку и точности въ немъ наблюдаемому, справедливо почитается въ числѣ лучшихъ въ Европѣ. Тушь все придумано къ лучшему; раздѣленіе комнашь для людей и магазины для товаровъ сдѣланы такъ, что и при самомъ покушеніи нѣтъ возможности перейши изъ одного отдѣленія въ другое; вездѣ своды, высокія сѣтны, рогашки, дворы, калишки и замки. Нѣкошорыя подробноши о

успройсвѣ Тріестскихъ карантинновъ, думаю, не будушъбезполезнымъчипашелямъ. Они построены по краямъ города и каждый обнесень высокою стѣною. Новый карантинъ раздѣленъ стѣнами на два кваршала. Чумный кваршалъ съ кладбищемъ совсѣмъ споипшъ особо. Въ другихъ дворахъ чумнаго кваршала, въ одномъ помѣщаются люди, въ другомъ кладушя шовары. Товары и экипажъ одного судна помѣщаются раздѣльно опъ другихъ. Машросы и пассажиры, если въ числѣ ихъ ешъ подозрительные, до совершеннаго увѣренія, что они здоровы и чумы въ нихъ нѣшъ, сажаются каждый особо въ комнапу, предъ кошорою ешъ небольшой дворикъ, запираемый желѣзною калишкою; подлѣ калишки сдѣлано окно, въ кошорое присавы на длинной желѣзной лопашѣ подаюшъ пицу. Словомъ сказащъ, чумной кваршалъ предсавляетъ оспрогъ. Когда на пришедшемъ суднѣ шхиперь объявишъ, что у него ешъ чума, то судно введя въ бассейнъ, шошчасъ разгружаюшъ. Товары развѣшиваюшъ въ рѣшешчашыхъ саралхъ. Люди оставя свое плашье, (кошорое сжигаютъ), вымывшисъ, выпригши волосы и окурившисъ, занимаюшъ каждый по одной комнапѣ, гдѣ они находяшъ новое плашье, курильницу, дрова для камина и все нужное. Судно ошпается пущое, на немъ ошкрываюшъ люки и для лучшаго сообщенія воздуха въ шрюмъ прорубаюшъ боршы и каждый день снаружи и внушри обливаюшъ морскою водою. Съ хлоп-

чашою бумагою, какъ наиболѣе удерживающею въ себѣ заразительность, посшупаютъ съ великою оспорожностію. Каждый пакъ разбирается по шоломъ и полапямъ, а пряденая развѣшивається на жердочкахъ въ рѣшетчатомъ магазейнѣ, стѣною огражденномъ. Ворушаютъ бумагу каждый день, не входя въ магазейнъ, а сквозь двери или рѣшетку, длинными желѣзными вѣлами. Къ сей опасной работѣ, равно какъ и къ выгрузкѣ судна, окуриванію онаго и шоваровъ каждый день на щепъ хозяина опредѣляющся пресшупники, осшуденные на смерпъ или по согласію для выгрузки шоваровъ допускающся матросы погоже судна. Во вшоромъ кваршалѣ, раздѣленномъ на два двора, назначенномъ для судовъ, пришедшихъ изъ зараженныхъ чумою мѣспѣ, сдѣланы такіеже сараи для шоваровъ, и такіеже раздѣленія въ домѣ для людей назначенномъ, съ шюю только разноспію, чшо экипажъ одного судна, если нѣтъ на мапрозахъ ни какихъ признаковъ чумы, помѣщается въ большой комнашѣ. Во вшоромъ кваршалѣ ешщъ часовни, колодезь съ прекрасною водою и особый дворъ, назначенный для сада. Караншинные чиновники живущъ на ошдѣленномъ дворѣ. Они входяшъ въ чумной и во вшорой кваршалъ особыми дверями, наблюдающъ вездѣ порядокъ, досшавляющъ пищу, но всегда съ шюю оспорожностію, чшо къ больнымъ или выдерживающимъ караншинъ близко не подходяшъ. Присшавы и работники чумнаго кваршала,

по прекращеніи заразы, не прежде опущающа въ городъ, какъ выдержавъ сами карантинъ.

Старый лазарешъ, находящійся на западномъ краю города, опредѣленъ для пассажировъ и людей пришедшихъ изъ портовъ, въ коихъ нѣтъ никакой заразительной болѣзни. На первомъ дворѣ, построено двуэтажный домъ, раздѣленный на восемь отдѣленій, по четыре отдѣленія въ каждомъ этажѣ. Четырьмя воротами входящъ на дворъ, который перегороженъ на 4 части. Окна нижняго этажа обращены на галерею внутрь сихъ дворовъ. Входъ въ комнаты сего этажа также со двора. Входы въ верхній этажъ и окна онаго обращены на улицу. Такимъ образомъ въ восьми отдѣленіяхъ могутъ помѣститься пассажиры съ 8 ми судовъ; а если нужно, то каждое отдѣленіе можетъ раздѣлено быть на двѣ части такъ, что въ каждое изъ 16-ти отдѣленій будетъ особый выходъ. Внутри двора къ одной стѣнѣ приспособлена небольшая церковь, куда входитъ одинъ только Священникъ; а живущіе въ домѣ могутъ молиться каждый съ своей галереи, обращенной на дворъ. Во всякое отдѣленіе помощію трубъ проведена вода. На второмъ дворѣ старого лазареша построено двуэтажное зданіе, раздѣленное на 4 большія комнаты, въ коихъ помѣщаются люди, принадлежащіе одному судну. вмѣсто оконъ сдѣланы въ стѣнахъ жалюзи. По очереди позволяющъ выходить для

прогулки на дворъ, наблюдая, чтобы люди одного срока не мѣшались съ другими, кои послѣ или прежде поступили въ карантинъ. Впрочемъ, никто не лишается удовольствія видѣться съ своими пріятелями. Переговорное мѣсто есть длинный узкой чепвероугольникъ, коего одна сторона опсстоитъ опъ другой на 5-сажени; по одну сторону спановишся прішедшіе изъ города, а по другую изъ карантина. Желаящіе говоритъ наединѣ, входящъ въ домикъ перегороженный двумя рѣшешками, при выходѣ городской жишель подвергается осмотру. Трактиръ построень внѣ карантинной стѣны; сквозъ малое окно огороженное рѣшешкою, на желѣзной лопатѣ подають кушанье и все, что кому угодно. Вещи, принимающія сразу, прежде должнаго очищенія, изъ карантина не выпускаются.

Въ продолженіе полишическаго нашего заключенія, хотя мы и ни въ чемъ не имѣли нужды, но лихась свободы, терпѣли большую скуку. Послѣ 10 ши дней, нашъ Консулъ Г. Пеллегрини выхлопалъ и самъ объявилъ намъ о нашемъ освобожденіи. Мы шакъ сему обрадовались, что обнимали Консула и карантиннаго Директора какъ своихъ друзей, копорыхъ давно не видали. За нами съ эскадры прислали кашеры, и мы опредѣлены были на корабль, Седъ-ель-бахръ, куда команда и офицеры, исключая двухъ, были перевезены.

Взглядъ на городъ.

Отрасль Алпійскихъ горъ, называемыхъ Юліевы, коихъ вершины представляются обнаженными; крушныя скалы, покрышыя зеленью и украшенныя загородными домами, амфишешпромъ величешвеннымъ и пріятнымъ, спускаются къ гавани. Мало городовъ сколько дѣяшешльныхъ каковъ Тріеспъ. Большія фуры безпрешанно движущся по улицамъ, обозы одни подымаются, другіе спускаются подъ гору въ городъ; у Санишы (караншинная коншора), гдѣ корабли опдаюшъ и принимаютъ грузъ и въ шаможенныхъ магазейнахъ, въ кошорыхъ складываюшъ шовары для опправления за границу и во внутрь Имперіи, можно видѣшъ почти всѣ произведенія Ишаліи, Леванша, Англии и Германіи. На биржѣ суеша и сборище шакое, какого вообразишъ себѣ не можно. Купцы, кошорые спѣшашъ опправишъ свои шовары, шеряюшъ шерпѣніе опъ вялосши. Нѣмецкихъ извошиковъ, множешшо любопытныхъ толпишся на площади, и все эшо вмѣспѣ сосшавляешъ видъ разноообразный и одушевленный. Я шупъ замѣшилъ, что поденшики, называемые здѣсь *факинали*, переносяшъ шовары съ присшани на повозки съ опшмѣнною ловкостію. Двое или чешверо изъ нихъ на шешпахъ подымаюшъ шажелыя бочки и спупая съ ноги на ногу въ ладъ, бѣгущъ съ ними, какъ съ легкою ношею. Свободная шорговля обогашила здѣсь всѣ сосшоя-

нiя гражданъ, особенно ремесленный и шрудящiйся классъ народа. Въ Триестѣ не видно нищихъ и все дышетъ изобилiемъ. Какъ въ городѣ позволено все привозить, то расщепишые продавцы запрещенныхъ поваровъ, чрезъ тайную продажу оныхъ, не находятъ выгоды дѣлать свои обороты; купцы не имѣютъ нужды прибѣгать къ хитрослiямъ, а шаможенныя смошрители по необходимости собираютъ (*) и отдають все сполна въ государственную казну, копорая симъ благоразумнымъ постановленiемъ пользуется и выгодами своими ни съ кѣмъ не дѣлится.

Триестъ отличаетъ отъ Италiанскихъ городовъ опряшностiю и простотою. Наружностъ домовъ, во вкусѣ новой архитектуры, не уступають лучшимъ нашимъ Пешербургскимъ зданiямъ. Жалузи, копорыми въ жары закрываютъ окна вмѣсто ставней, придаютъ домамъ особенный видъ. Дворы здѣсь очень малы, многiе дома и совсѣмъ ихъ не имѣютъ, почему хозяева принуждены содержать свои экипажи и лошадей въ общей каюшнѣ построеной за городомъ. Триестъ разделяется на старый и новый городъ, первый расположенъ по горѣ вокругъ цитадели, ули-

(*) Пошлины съ товаровъ, вывозныхъ изъ Триеста, взимаются только при отправленiи оныхъ въ внутреннiе города Австрiи.

цы въ немъ узки и грязны, дома низки и малы. Тупь живушь большею часшю Евреи и бѣдный народъ. Новый городъ построень вокругъ гавани на ровномъ мѣстѣ; въ немъ улицы широки, вымощены плитникомъ и всегда очень чисты. Главная улица, идущая вдоль города, называется (strada del Ponte Rosso) улица краснаго моста. Площадь st. Antonio украшена хорошимъ водометомъ. На восьмиугольномъ подножии пославленъ Коринескій сполбъ съ спашуею св. Антонія, вокругъ подножия нѣсколько мраморныхъ фигуръ, кои безпреспавно источаютъ воду. На другой площади близъ канала, водометъ бьетъ воду чрезъ Непшуну спашую. Два сии фоншана снабжаютъ жителей прекрасною водою, кошора подземаыми шрубами проведена изъ водохранилища, находящагося близъ города по дорогѣ въ Боскешшо. Театръ, Биржа и домъ Карчюши, опличаются отъ прочихъ зданій какъ огромностію, такъ и изящствомъ архитектуры. Наружность театра проста; а внутренность и маскарадная зала съ хорами, не послѣднія были бы и въ хорошей столицѣ. Биржа, гдѣ купцы каждый день собирающся для своихъ дѣлъ, есть зданіе огромное и великолѣпное. На куполѣ видѣнъ сгарающій фениксъ, окруженный эмблемами торговли. Между красивою колонадою портика, обращеннаго на площадь, спояшъ двѣ колосальныя спашуи, очень изрядной работы. У одной, къ сожалѣнію, ность

немного поврежденъ. Домъ Карчіопши занимаешъ цѣлой кваршалъ по каналу и набережной. Онъ имѣешъ просшую и пріашную наружность; всѣ украшенія онаго составляютъ два поршника, поддерживаемые Ионическими колоннами. Въ 1770 году, когда Графъ Орловъ командовалъ флѣтомъ, сей Карчіопши, избѣгая мщенія Турокъ, оставивъ отечество свое Морею, со 100 піаспрами поселился въ Триестъ, и шоргуя сначала бурками, (*) попомъ служба прикащикомъ, шрудомъ и прилѣжаніемъ приобрѣлъ въ 30 лѣтъ столь значительный капиталъ, что почиташся шеперь богатымъ купцомъ въ Триестъ.

Соборная церковь св. Августина, признаваемого покровителемъ города, находящаяся на горѣ близъ цитадели, есть древнее Готическое зданіе весьма простое и ничѣмъ неукрашенное. Здѣсь всѣ вѣры шерпимы, каждое исповѣданіе имѣешъ свою церковь; но онымъ вообще очень не богаты; я ни въ одной не замѣшилъ ничего отличнаго.

Въ Триестъ спросташся купеческія суда. Ошлогосшь берега замѣняешъ шпатели (*) и суда спускающія совсѣмъ вооруженныя. Здѣшніе мастера строятъ большіе шлюпы и бри-

(*) Матроскій капоть съ капишномъ.

(**) Покатый помость, на которомъ строятся корабли.

ги, очень красиво и прочно. Мачшовые сараи наполнены пилеными деревьями, по большой части кленовыми и масличными, несравненно шверже и легче нашего дуба; доставляемый сюда из Далмаціи горный дубъ очень пляжель и крѣпокъ. Тріесшскія суда, кромѣ красивой наружности, близкой къ военнымъ судамъ, легки на ходу, и поднимающъ грузу болѣе Идріошскихъ, а менѣе Дашскихъ и Англинскихъ.

Тріесшскіе жипели предсавляющъ смѣсь народовъ. Ихъ соспавляющъ Нѣмцы, Ипаліанцы, Греки, Славяне, Французы и Жиды. Каждый живешъ по своему и вообще очень расчешливо. Кромѣ немногихъ дворянскихъ фамилій, и нѣсколькихъ выходцевъ, ошъ всѣхъ краевъ Европы сюда пришедшихъ и здѣсь поселившихся, прочіе граждане занимающъ шорговлею. Вездѣ множешво лавокъ, наполненныхъ поварами. Трудолюбіе и промышленность ходишъ здѣсь съ веселымъ лицемъ. Купечество въ образѣ жизни сообразуешся съ дворянствомъ; дѣши ихъ воспитывающъ наилучшимъ образомъ. Самые небогатые имѣющъ хорошіи видъ и обращеніе. Молодые люди чешпаго поведенія и прилѣжные къ должности, очень скоро приобрѣшающъ независимое соспоаніе. Они сначала опредѣляющъ къ богатымъ Негоціаншамъ писцами, и когда научатся порядку дѣлъ и бухгалтеріи, шогда поручаешся имъ грузъ одного судна, вмѣсто жалованья опредѣляешся имъ десяпая часть прибыли. Послѣ одного удачнаго

обороша, они уже имѣютъ маленькой капиталъ, который при каждомъ рейсѣ (*) увеличивается. И такимъ образомъ случается, что черезъ десять лѣтъ и менѣе, не имѣвшій ни копейки, приобретаетъ до ста тысячъ рублей.

Двухлѣтнее ваше пребываніе въ Триестѣ доставило намъ многія знакомства; но кромѣ Славянъ, которые принимали насъ какъ родныхъ, мы рѣдко пользовались приглашеніемъ другихъ. Въ лучшихъ дворянскихъ домахъ, гдѣ бывають вечернія собранія, новому гостю, еще не коротко знакомому, покажется очень скучно. Тутъ обыкновенно старушки садятся играть въ лото, старики въ карты, молодые люди разговаривають о погодѣ или много что о театрѣ. Все это шакъ принужденно, что если бы влюбленные не имѣли въ сихъ собраніяхъ полной свободы клясться въ своей любви, нимало не обращая на себя симъ вниманіе другихъ; но не многіе были бы въ состояніи выдержать столь скучное положеніе. Всего удивительнѣе есть то, что хозяйинъ, хозяйка и дѣти поочередно выходяшь въ другую комнату пошохоньку кушать, а госпеш, кромѣ воды, ничемъ не попичивають. О благословенная матушка Россія! еслибъ ты была и не мое отечество, я всег-

(*) Рейсъ значить возвращеніе судна въ свой портъ. Говорится, на одинъ рейсъ, то есть, туда и обратно.

да бы похвалялиъ швое гостепрїимство! Напрасно мы ищемъ онаго на чужбинѣ, шамъ нѣшь и шѣни Руской привѣпливости. Путешествовашь, безспорно, полезно и доспа-вляешъ многія разнообразныя удовольствїя ; но жишь только на своей родинѣ хорошо и прїяшно.

Приглашашъ въ домъ на завтракъ или обѣдъ, здѣсь и въ обычаѣ нѣшь; посему-шо заведено множество пракшировъ и кофейныхъ домовъ ; они ошь ушра до вечера наполнены людьми. Каждое сословіе купцовъ по націямъ имѣешъ свой Казино (кофейный домъ), куда собирающся они читашъ газеты, пишъ кофе, шоколадъ, играшъ въ каршы, на билїардѣ, шолковашъ о своихъ дѣлахъ и о полишкѣ. Здѣсь, какъ и въ Италїи, можно сказашъ, ведутъ *практишную жизнь*. Не многїе держашъ сноль дома ; цѣлыя семейства обѣдающъ и ужинающъ въ рестораціяхъ. Женщины также слѣдуютъ сему обыкновенїю и не думаютъ, что-бы это было для нихъ неприлично ; напрошивъ онѣ находятъ въ семъ много выгодъ. Тупїе прелести ихъ всегда на позорищѣ, кокетство въ дѣйстви, и умъ ихъ прїобрѣтаешъ шу глупость и свѣтскость, кошорыя научашъ ихъ ни ошь чего не краснѣшь и все обращашъ въ шутку или смѣхъ. Красавицы придумали какїя-то общїя выраженїя, съ помощїю коихъ и обыкновенный ихъ разговоръ дѣлаешся прїяшнымъ и занимательнымъ.

*

Отъ образа жизни, какую здѣсь ведутъ женщины, происходишь, какъ мнѣ кажется, другой обычай, достойный замѣчанія. Чтобы избавишься шума и крику и бышь болѣе свободною, мать (не думаю однакожь, чтобы всякая) дѣшею своихъ съ ушра опнущаетъ съ нянькою въ пансіонъ, въ которомъ за весьма умѣренную плату, оспаются онѣ весь день, а ввечеру возвращаются домой. Я любидь смотрѣшь на сіи *магазейны дѣтей*. Представте себѣ группу прекрасныхъ малюшохъ шрехъ, чепырехъ и ляпи лѣшъ, ползающихъ и прыгающихъ на мягко наспланномъ ховрами полу, и дабы они падая не могли унибишься, по и сшѣны на аршинъ отъ пола также обшпы. Дѣночки большихъ лѣшъ, подѣ надзоромъ мадамы, въ другой комнашѣ занимаются рукодѣліемъ, къ какому которза способна; другія рѣзвяхся или играють въ куклы.

Боскетто-Сант-Андрея.

Въ Тріеспѣ мы имѣли всѣ удовольствіа, какія можно найши въ большихъ городахъ. Театръ, балы, маскарады и прогулки въ Боскетто и Сант-Андрея, въ продолженіи года слѣдуютъ одни за другими. Наемныя кареты и коляски хошя и очень дешевы, но ихъ употребляютъ пюлько въ дурную погоду; ибо дамы не сыдыатся здѣсь ходишь пѣшкомъ. Чтобы не потерятъ ниши обыкновеннаго время препровожденія, я начну съ

лѣшнихъ прогулокъ и кончу зимними увеселеніями.

Лѣпомъ на восходѣ солнца поровки въ крахмаленныхъ чудныхъ ченцахъ, расставляюшъ на площади столики и скамейки, раскладываютъ на нихъ зелень, плоды, сливки, масло и мягкіе хлѣбцы разныхъ видовъ и формъ. Хозяйки въ упреннемъ неглижѣ, сопровождаемыя горничными съ корзинками и кувшинчиками въ рукахъ, приходятъ для покупки; за ними являющся молодые люди и площадь скоро обращается въ залу собранія. Ходяшъ взадъ и впередъ, разговариваюшъ, кавалеры предлагаютъ дамамъ свѣжіе плоды или приглашаюшъ въ кофейной домъ, и часто чашка шоколада доставляетъ неожиданное знакомство. Должно однакожъ признапья, что шущъ предпочтительно гоняюшся за милovidными служанками, которыя очень искусно успѣваюшъ для своихъ госпожъ покупать запасъ для обѣда на щещъ волокишъ. Бѣлокурия, съ голубыми глазами и розовыми щеками Нѣмки, съ своею холодношью и скромношью, много выигрываютъ у живыхъ и ловкихъ Испаліанокъ, и скорѣе пріискиваютъ себѣ паспушковъ. Впрочемъ и пѣ и другія, сколько я могъ замѣтишъ, не возвращаюшся домой съ пустыми корзинками.

Каждый праздникъ, въ Воскешпо, небольшой рошѣ, находящейся въ двухъ верспахъ ошъ города, собираетъ множество людей. Одни, сидя въ кругу, услаждаютъ вкусъ мо-

роженымъ, жареными цыплятами, спаржею и сладкими пирожными, курящъ шабакъ и пьютъ пиво, другіе, по дорожкамъ скромно прогуливаются съ своими семейспивами, иные, сиди подъ шѣнію деревъ, читаютъ, не удоспоивая проходящихъ взора своего. Молодыя поселанки, однѣ продаютъ свѣжія сливки, масло и плоды; другія на лугу кружашся въ караводахъ или вальсируютъ; дѣвочки, въ красныхъ корсетахъ, подносящъ пому, кто имъ приглянется, букетъ цвѣтовъ; музыка въ разныхъ мѣстахъ гремитъ, танцующіе пляшутъ музыкантамъ по два гроша. Въ пракширѣ читаютъ газетны, шутятъ, пьютъ вино или играютъ на биліардѣ. Все это вмѣстѣ представляетъ простой сельской праздникъ. Не доходя Боскетто, спрѣляютъ изъ ружей въ цѣль, шутъ гарнизонные офицеры, большею частію шучные собою, съ философскимъ взоромъ, и гордымъ видомъ, наставляють молодыхъ негоціантовъ очень щеголевато одѣтыхъ, какъ держашъ ружье, какъ прицѣливаются и проч. Днемъ дамы и кавалеры ходятъ только одни за другими, молчатъ и довольствуются одними взорами; къ вечеру же, когда лучшая часть публики разъѣдется, между оставшимися начинаются разговоры и скоро водворяется щастливое согласіе. Когда музыка умолкнетъ и сумракъ вечера увеличитъ шѣни въ роцѣ, повсюду начинаетъ показываться пара за парой, и скорыми шагами скрываются они въ разныя стороны; одни

идушь на гору, другіе подъ гору, иные возвращаюшся по дорогѣ въ городъ, а другіе, сѣвши въ наемную карету, ѣдутъ далѣе въ лѣсъ. Не споль щаспливые, съ элекшрическимъ по-присяченіемъ въ сердцѣ, кланяются красавицамъ очень низко, и если у копорыхъ изъ сихъ нѣтъ чегѣ дурнаго въ мысляхъ, то она закраснѣвши, или взглянувъ важно, или попушивъ глаза, или опворотившись, краснорѣчивымъ молчаніемъ изъявляешъ опказъ. Еслиже копорая взглянешъ умильно и ласково, то предлагаюшь ей услуги проводить домой или жпщи въ пракширь вмѣстѣ ужинашь. Здѣсь ж самыя записныя прелеспницы не иначе сдаются, какъ шолько шому, кто имъ поира-вишся, или наконецъ шему, кто имъ надѣвешъ своею рѣшительностію. Въ Тріеспѣ довольно еего рода Вакханокъ; но онѣ не назадаюшь какъ фуріи на проходящихъ, напрошивъ имѣюшь свой шенъ, вкусъ, разборчивость, и въ своемъ классѣ могушь почешъ настоящими емиреницами. Здѣсь живость и пылкость Ишпаліанская примѣтно умѣрнешся Нѣмецкою холодностію. Природныя Тріеспивки или прѣзжающія изъ окреспностей, пакъ свѣжи лицомъ, пакъ бѣлы и румяны, что если всшрѣ-ишся счастливый случай, то по неволѣ обрадуешся.

Въ Санш-Андре ходяшь прогуливашся всякой день, лѣпомъ ввечеру, зимою въ полдень. Тушь нѣтъ ни сада, ни роши и ни какой зелени. Просшая дорога ѣдешъ близъ

берега; видъ на море опсюда очень хорошъ, и по сей причинѣ и по близости мѣста сего отъ города, собирающіяся шуда гуляшъ лучшія общества. Кромѣ устрицъ, только что пойманныхъ, молодого вина, называемаго Рифоско (Rifosco), вѣшчины, сыру и пива, копорыми подчивающъ въ небольшемъ пражирѣ съ двумя комнашами и о двухъ эшажахъ, ничего другаго доспашъ не можно; нѣшъ никакижъ другихъ увеселеній. Сюда ходяшъ только для того, чтобы ходишъ, видѣшъ море и корабли.

Окрестности Триэста очень пріятны, во кругъ видны сады и уютные загородные дома. Въ нѣкошорыхъ садахъ я видѣлъ много спашуй; въ одномъ кажешся было оныхъ болѣе, чѣмъ деревьевъ. Въ убранствѣ домовъ не видно роскоши. Вкусъ здѣшнихъ господъ ограниченъ простотою и опрашспвомъ. Я часто выходилъ за городъ любовашся прекраснымъ его положеніемъ. Зеленые холмы, за ними дикія голыя горы на одной споронѣ, и величественный городъ и грозный видъ на морѣ съ другою, составляющъ великолѣпную каршину. Здѣсь въ большемъ упошребленіи шакъ называемый *Пикникъ*. Небольшое число пріятелей, соглашающъ провести день въ какой либо деревни. Приглашающъ дамъ, и каждый, въ назначенный часъ, пріѣзжаешъ на мѣсто съ узломъ, въ коемъ, по условію, должно бышъ или жаркое или пирожное, вина и конфекшы. Дамы обязающъ привозитъ только шо, что

своими руками они могутъ приготовить. Кавалеры должны доставлять вина и шому подобное. Располагаются въ какойнибудь хижинѣ, въ саду или на лугу. Одна изъ дамъ избирается хозяйкою; она повелѣваетъ всѣми и каждый дѣлаетъ то, что умѣетъ. Одинъ носитъ воду, другой рубитъ дрова, прерпій жаритъ арпишоки или накрываетъ шоль. Въ сихъ занятіяхъ прекрасная женщина все одушевляетъ; съ какимъ удовольствіемъ каждый старается угодить ей. Опъ ея взора, кажется, и садъ безъ тѣни, и лугъ безъ зелени получаютъ новыя прелести.

Т е а т р ъ.

Быть въ Италіи и не сказать чегонибудь о театрѣ, о шомъ удовольствіи, которое есть лучшее и пріятнѣйшее времяпрепровожденіе, было бы не просишельно. Италія по справедливости должна назваться опечесшвомъ театральныхъ зрѣлищъ. Здѣсь чествуютъ славнаго пѣвца или пѣвицу болѣе, нежели индѣ искуснаго и счастливаго Генерала. Актеры раздѣляются на классы; они воспитываются въ театральныхъ Академіяхъ; первоклассные служатъ образцомъ хорошаго обращенія. Знашнѣйшіе Господа принимаютъ ихъ въ своихъ домахъ съ опличнымъ уваженіемъ, и всѣ другіе считаютъ за честь имѣть актеровъ въ своемъ обществѣ. Въ Италіи въ рѣдкомъ городѣ нѣтъ театра,

лучшіе полько принадлежать правительству, прочіе спроятся и содержася или по подпискѣ или однимъ часпнымъ лицемъ. Сіи послѣдніе почши всегда разоряюся; ибо наемъ ложь, кресель и мѣстъ въ паршерѣ очень умѣранъ. Въ Тріестѣ, когда червонецъ ходилъ по 18 флориновъ (*), за входъ въ паршеръ брали 48 крейцеровъ (48 коп.), ложа въ первомъ ярусѣ стоила 5 рублей; для бенефисовъ цѣна не возвышается, но при входѣ въ пеашрѣ каждый даешъ акшеру сколько разсудитъ. По причинѣ низкой цѣны за входъ, пеашры всякой день бываюшъ полны и акшеры самыя посредственныя получаюшъ достаточное жалованье. Первокласныя же, по мѣрѣ ихъ искусства, опъ однихъ бенефисовъ въ короткое время приобрѣтаюшъ большое состояніе. Вѣтъ почѣму хорошаго пѣвца или пѣвицу рѣдко можно слышать внѣ Ипадіи; ибо въ семъ царствѣ изящныхъ искусствъ умѣюшъ цѣнить и поощряшъ таланты.

Трагедіи ограничиваюся предспавленіемъ оперъ Мепаспазіевыхъ, изъ копорыхъ выпускаюся аріи. Сочиненія другихъ авпоревъ суть слабыя подражанія или переводы. Трагедіи Мепаспазіа наполнены высокими мыслями, и трагическими красотами; спихи его благородны и величественны; въ нихъ сполько же гармоніи, сколько въ музыкѣ, и сполько

(*) Рубль.

вѣжности, что его оперы могутъ служишь образцемъ для спихошворцевъ нѣжнаго и нѣн-каго вкуса. Сколь ви славны творенія Метастазія, но если трагедія должна проганы или ужасать душу важностію приключеній, чрезвычайными, но не романическими положеніями, то Италіанская Мелпомена должна уступитъ преимущество Англинской и Нѣмецкой. Кажется хладъ сѣвера болѣе способенъ производишь истинныхъ трагиковъ, нежели благо-расшворенный воздухъ юга. Для трагедій Метастазіевыхъ до сего времени не было въ Италіи хорошихъ актеровъ и, кажется; не будетъ; они рождены для оперъ. Сколько мнѣ ни случалось видѣшь актеровъ, хорошими здѣсь называемыхъ, они были всѣ очень посредственны. Большею частію говорятъ съ большимъ напряженіемъ, въ поступи ихъ и шѣлодвиженіяхъ есть нѣчто благородное, но слишкомъ много живости, кажется они очень шоропяшя кончить, въ чемъ и правы. Италіанская публика не весьма уважаетъ трагедіи и драмы; во время представленія оныхъ прѣзжають въ театръ не для того, чтобы слушать, но чтобы видѣшься съ знакомыми. Обыкновенно, по окончаніи представленія, театральная дирекція разыгрываетъ лотарею, удерживая для себя изъ собранной суммы четвертую или пятую часшь. Тутъ зрители, опивѣчая или спрашивая, какой номеръ вынулъ, сами становяшя актерами.

Комедіи Гольдонія, называемаго Италіанскимъ Мольеремъ, имѣють много жару въ дѣйствіи и связи въ произшествіяхъ, но для Италіанцовъ, какъ они сами замѣчаютъ, мало комическаго. Сочиненія другихъ авторовъ такъ же хороши, но слабы прошиву Гольдоніевыхъ. Въ Италіи вообще мало актеровъ съ истиннымъ талантомъ, но буфовъ, самыхъ смѣшныхъ и презабавныхъ очень много. Оригинальные и чудные въ своемъ родѣ фарсы, гдѣ Арлекинъ играетъ славную роль, есть по истиннѣ спранные произведеніе веселаго ума. Въ сихъ національныхъ комедіяхъ, большею частію только четыре дѣйствующихъ лица: *Сюръ Панталоне*, богатый Венеціанскій купецъ въ маскѣ съ большимъ краснымъ носомъ; *Бригелла* слуга; *Арлекинъ*, въ дурацкомъ пестромъ плащѣ, съ валенымъ колпакомъ на головѣ, въ черной полумаскѣ и съ деревянною шпагою за поясомъ. *Коломбина*, постоянная его пріятельница. Роль Арлекина шрудна по тому, что онъ какъ любимое чадо публики, долженъ всѣми родами шутокъ, испорченнымъ Италіанскимъ нарѣчіемъ, во что бы ни сяало смѣшить зрителей, и должно отдашь имъ справедливость, что они очень хорошо въ этомъ успѣваютъ. Во время сихъ представленій, рукоплесканія почти не умолкають и Арлекинъ заслуживаетъ и пріобрѣтаетъ оныя, какъ говорится, въ помѣ лица своего; ибо большею частію они говоряшь роль свою собственнo опъ себя, не заимствуя опъ

сочинителя. Это однакожь не шакъ шрудно, какъ сначала показашься можешъ ; Арлекинъ зашверживаешъ десяшка два или при самыхъ глупыхъ, низкихъ, протонародныхъ шушокъ, пословиць и оспрыкъ словъ, въ которыхъ споль много двумысленнаго, сполько оскорбительнаго для женщинъ, что, я не понимаю, какъ имѣюшъ терпѣніе ихъ слушать. У насъ, конечно, запрешили бы ихъ и въ лубошномъ театръ подъ качелями. На примѣръ, Арлекинъ объясняешся въ любви Коломбинѣ самымъ необыкновеннымъ образомъ, и когда она ему опказываешъ, онъ хочешъ умершвиць себя. Запруднясь въ выборѣ рода смерши, по обыкновенію Арлекиновъ, припворяясь всегда голоднымъ, глуновашымъ и шрусомъ, онъ пишешъ себѣ надгробную самую непристойную. . . Обращеніе его съ Коломбиною слишкомъ безцеремонное, онъ ее обнимаетъ и бешъ деревянною шпагою или руками по чему бы ни попало . . . Острыя слова Арлекина большею частію ограничиваются сравненіями, иногда самыми плохими. Однажды рассказывая шоварищу своему Бригеллѣ, какъ онъ укралъ капотъ, лежавшій въ одномъ домѣ на пошелѣ, капотъ сей угодобляешъ онъ женщинѣ и публика ему аплодируетъ . . . Впрочемъ такое безшудство актеровъ ни мало не удивительно ; ибо и въ обществашъ говорятъ очень вольно, хошя и не вовсѣхъ вообще ; ибо благовоспитанные Испаліанцы въ разговорахъ своихъ шрого наблюдаюшъ благоприсшойность. Я

не смѣю упоминать о родѣ кляшвы, на которую и дамы опивѣчаютъ такого же рода восклицаніемъ безъ малѣйшаго замѣшательства. Многіе Арлекины очень хорошо и легко панцуютъ, и въ семь родѣ я видѣлъ пресмѣшныхъ и забавныхъ. Въ роляхъ Арлекины бывають фарсы испиинно комическіе. Всего забавнѣе видѣлъ его Королемъ. Представше себѣ, что Арлекинъ сидитъ на тронѣ, судитъ народъ, распоряжаеться; но по какому-то случаю несутъ мимо его блюдо съ макаронами и Арлекинъ забываетъ, что онъ Царь, спремглавъ оставяетъ престоль, съ жадностію бросаешь на любимое свое кушанье и оставшееся на блюдѣ кладешь въ карманы на запасъ.

Спрасшь къ театральнымъ зрѣлищамъ до того въ Италіи распространилась, что и самый Кащолицизмъ ей уступаетъ. Въ великій постъ представяють комедіи, драмы или Трагедіи: право не знаю какъ ихъ называть; ибо они ни то, ни другое. Піэсы сіи заимствуются изъ Библіи или изъ житія святыхъ. Я видѣлъ на театрѣ св. Терезу; содержаніе піэсы было самое грѣшное; были явленія противныя вкусу и нравственности. Непонятно, какая цѣль, какое намѣреніе было сочинителей подобныхъ симъ *Трагико-комико-драмъ*? весьма полезно, ежели христіянскія добродѣтели, искреннее покаянiе угодниковъ Божіихъ описываются въ наилучшемъ видѣ, искуснѣйшимъ перомъ; но пороки, погрѣшности ихъ, какъ мірскихъ людей, выведенные на сцену предъ

взоры публики, оскорбляющъ вѣру и вѣрующихъ. Можно ли безъ нарушенія должнаго уваженія къ свящынѣ, безъ нарушенія пристойности видѣть на сценѣ распутную женщину, сгорающую порочною спраспію, кающуюся тогда уже, когда грѣхъ ее оставилъ; видѣть свящую въ первомъ дѣйствіи бесѣдную съ любовникомъ, а въ послѣднемъ отказывающуюся опъ суеть міра сего, и наконецъ видѣть ее при смерти окруженною Ангелами, чертями и вмѣстѣ арлекиномъ. Конечно, шаковыя піесы суть порожденіе вольнодумства, и порожденіе самое безобразное.

Въ прагическихъ операхъ, Италіанская музыка являешся въ своемъ блескѣ. Тушь чувства, производимыя прагическими явленіями очаровывающся согласіемъ музыки. Трагическая опера, по декораціямъ столь близкимъ къ нашурѣ, и по своимъ блестящимъ одеждамъ, безъ всякаго увеличиванія, по испинѣ есть нѣчто весьма великолѣпное. Мало городовъ, копорые могли бы собрать нужныя издержки для сихъ представленій. Велюшти, первый Сопрано, получалъ въ Тріестѣ за каждое представленіе 1000 флориновъ; изъ 40 представленій два бенефиса и сверхъ того экипажъ, споль на шесть персонъ и гардеробъ. На декораціи и одежды не щадяшъ издержекъ. Къ сожалѣнію самыя богатые костюмы иногда не приличествуюшъ представляемому лицу; но главный недоспашокъ сихъ оперъ есть тошъ, что *Сопрано*, пакъ названные получе-

ловѣки, занимающіе первую степень на пеашрѣ, по своей шѣлесной неспройности и болѣе женскому, нежели мужскому голосу, совсѣмъ неспособны предсавлять роль знаменитыхъ героевъ древности. Всего страннѣе, пока къ шому не привыкнешь, покажется шо, что герой уже заколовшійся и умирающій продолжаетъ пѣть шакъ громко, что голосомъ своимъ покрываетъ и громъ оркестра и громъ рукоплесканій. Спрасть къ пѣнію была причиною обычая жестокаго и бесполезнаго. Родители, забывая природу и человѣчество, желая досавить дѣшамъ своимъ славу и богапство, ошдають ихъ въ пеашральныя Академіи, гдѣ изъ 20 жертвъ, едвали удаются двѣ съ хорошими голосами. Сии полу-мушцины имѣють всю силу и звонкость мужскаго и всю нѣжность и гибкость женскаго голоса. Велюшши, воспитанникъ Санъ-Карловскаго въ Неаполѣ пеашра, первокласный Сопрано, удивлялъ Тріестъ своими героическими аріями; въ нѣжныхъ и любовныхъ онъ оказывалъ верхъ искусства; рулады, его, прели, пониженіе и возвышеніе голоса столько необыкновенны силою, пріятностію и выраженіемъ, что по окончаніи имъ лучшей аріи осыпають его изъ ложъ цвѣшами, конфектами и бросають на сцену кошельки съ червонцами. Но признаюсь, я не всегда былъ согласенъ съ сими воспоргами паршера; мнѣ казалось, что если бы Велюшши въ нѣкоторыхъ выходкахъ своихъ пѣлъ болѣе обыкновеннымъ голосомъ, шо онъ съ

своимъ искусствомъ, скорѣе и лучше пронуль бы сердца слушателей. Велюпши не только пѣніемъ, но и самою игрою пріобрѣлъ себѣ славу; два шланша, кошорые рѣдко бывають вмѣстѣ; ни одна лучшая пѣвица не смѣла на театръ пѣшь съ нимъ вмѣстѣ. Корея шакже, какъ и онъ, сосшоа въ первомъ классѣ, рѣшилась наконецъ состязаться съ нимъ, и можетъ быть опять ошибаюсь, но думаю, что никакой полу-мущина не можетъ пѣшь съ шакою душою, съ шакимъ чувствомъ, съ какимъ она въ трагедіи (Траянъ въ Дакіи) пѣла съ нимъ Арію: (Se tu mi lasci, o caro, io то-го, nel tu opartir mi sento, mi sento morir). Если ты меня оставишь, о милый другъ мой, я умру, разсаваясь съ побою чувствую, чувствую уже смерть въ груди моей. Предсавше себѣ Корею, высокаго роста, спашную и полную женщину, въ великолѣпной царской одеждѣ, осыпанную жемчугами и драгоцѣнными каменьями, прелесшную, въ горести и слезахъ, имѣющую голосъ сладкій, пріятный, нѣжный, выразительный, и судите; можетъ ли какой бы то нибыло полу-человѣкъ такъ сильно пронуть, попрысши, сердце? Можетъ ли самъ Велюпши не уступитъ преимуществва госпожѣ Сеси (Imperatrice Sessi), когда она поешъ въ оперѣ (Меропа) Арію: (Carì mei figli venite!) Милыя дѣти! придите въ мои объятія.

Опера Буфа есть можетъ быть лучшее украшеніе Испаліанскаго театра. Въ сихъ

операхъ выводяшъ на сцену всѣ оцѣпленія хипростей любви и волокиштва. Одинъ въ нихъ недоспашокъ, что разговоры, которые поюшъ на распѣвъ (recitativo), крайне утомительны и скучны. Слова въ аріяхъ часто не имѣющъ никакого смысла, но при громѣ прекрасной музыки, къ щаспію, никто ихъ не слышишъ. На каждую изъ сихъ оперъ сочинено по нѣскольку музыкъ славнѣйшими Композиторами. Достоинство музыки въ операхъ и балетахъ столь велико, что оно шдѣлько одно превосходитъ воѣ другія. Италіянцы рождены музыкантами; они имѣющъ отъ природы нѣжнѣйшія чувства къ музыкѣ и то, что у насъ приобретаешся ученіемъ, у нихъ, даже у простого народа, кажешся природнымъ. Талантъ сей у Италіянцевъ никто оспоривашъ не можетъ; музыка ихъ въ превосходной степени изображаешъ нѣжность, любовь, печаль, страхъ и ревность; но въ другихъ болѣе героическихъ спрасяхъ, есть нѣчто шомное, женоподобное; и если Италіянцы уступаютъ Французамъ въ военныхъ маршахъ, Нѣмцамъ въ нѣкоторыхъ шрудныхъ піесахъ съ варіаціями, то они во всѣхъ другихъ родахъ музыки далеко ихъ превосходятъ. Искусство музыкальное конечно наиболѣе Италіанцамъ обязано своимъ совершенствомъ.

Балеты не уступаютъ въ славѣ операмъ. Влеспящія одежды, превосходныя декорации, а болѣе всего, неподражаемая небесная музыка, пріятнѣйшимъ образомъ дѣйствуютъ на

зришеля. Первоклассные танцоры и танцовщицы, легкостію и пріятностію движеній очаровываютъ взоры; пантомима ихъ имѣетъ чувства. Извѣстные *эротски* легки, смѣлы и сильны; имъ удивляются и повсюду похваляютъ; но мнѣ не нравятся ихъ такъ называемые смертные скачки (*Salto mortale*). Они мѣшаютъ наслаждаться танцами вшорокласныхъ танцовщицъ. Сія шеашральная Грація прекрасная, стройная, полуобнаженная, весьма опасна для сердца. Взоры отличаютъ одну за другою. Сердце не можетъ избрать, не можетъ одну другой предпочесть, и воображеніе предшавляетъ чувствамъ, каждую изъ нихъ попеременно красавицею. *Розина*, первая пѣвица оперы Вуфо; и *Королина*, первая танцовщица, какъ роза и лилія между цвѣтами, отличались отъ прочихъ красою и вмѣстѣ непорочнымъ поведеніемъ. Нѣтъ правила безъ исключенія, и въ Италіи есть 17-пятилѣтнія милыя актрисы, осмѣливающіяся не любить. Васси, первый Вуфъ въ оперѣ, превосходный актеръ, какихъ въ Италіи мало. Онъ Фениксъ въ своей роли. Шушки его исполнены острошы, въ нихъ нѣтъ ничего непристойнаго; двусмысленныя слова онъ никогда не договаривалъ, краснорѣчивая его пантомима дополняла наилучшимъ образомъ то, что ему должно было сказать, и милыя дѣвицы могли восхищаться его игрою, могли смѣяться отъ души, не имѣя причины краснѣть отъ стыда. Въ оперѣ Перпаншино, Васси отлич-

*

чался пѣніемъ; въ другой же оперѣ, гдѣ онъ игралъ роль Дурандо, превосходилъ всѣхъ и игрою и пѣніемъ. Въ наше время въ Триестѣ были лучшія, самыя дорогія шруппы. Выходя изъ театра, которой посѣщалъ всякой почти день, я чувствовала себя всегда въ хорошемъ расположеніи.

Театральныя шруппы обыкновенно занимаются на два или на три мѣсяца; въ продолженіи сего времени по 40 представлений сряду, исключая комедій и трагедій, играется одна и таже пѣса; по сему - по избираемымъ актерами новыя пѣсы для своихъ бенефисовъ, очень много выигрываютъ. Каждая шруппа имѣетъ своего Профессора музыки или композитора танцовъ или поэта. Сей послѣдній есть самое жалкое и бѣдное твореніе. Я не смѣю объявить обыкновенную цѣну, платимую за ихъ оперу Буфо, ибо тогда принужденъ буду сказать, что творенія сіи и того не стоятъ. Они обыкновенно выбираютъ по нѣскольку актовъ изъ лучшихъ сочиненій, и на скорую руку сшиваютъ нѣсколько дѣйствій вмѣстѣ. Превосходная музыка замѣняетъ собою всѣ недоспашки. Здѣсь даже и не любопытствуютъ о имени сочинителя новой оперы, а спрашиваютъ чья музыка? Авторы комедій и трагедій получаютъ болѣе; но какъ драматическія творенія не весьма уважаются, по новое сочиненіе хорошо принимается только по тому, что оно ново, и

самое лучшее рѣдко переживаетъ два, при представленіи и почти никогда болѣе не возвращается на сцену.

Карнавалъ.

Карнавальныя увеселенія продолжаются отъ Рождества до великаго поста. Съ неперыніемъ ожидаютъ сего времени. Маскерадь, главная забава карнавала, выдуманъ только для любовныхъ шалостей и всякаго рода дурачества. Въ продолженіе сихъ дней безстыдства, молодые люди имѣютъ всѣ удобства къ удовлетворенію страстей; развратъ, прикрытый маскою, не удерживается болѣе приличіями. Женщины отъ утра до вечера заняты бываютъ приготовленіемъ нарядовъ изъ магазинна хитросей; онѣ выбираютъ лучшія для обману и ни о чемъ болѣе не помышляютъ, какъ объ однихъ способахъ нравиться и привлечь на себя вниманіе.

Лишь наступаетъ вечеръ, маскерадныя лавки, великолѣпно освѣщенныя, наполняются дамами и кавалерами. Маскерадный балъ открывается по окончаніи театральнаго представленія; но обыкновенно приходятъ въ маскерадь при наступленіи ночи, а расходятся съ разсвѣтомъ. Нигдѣ, какъ только въ Италіи, не можно видѣть такого разнообразія и замысловатости въ одеждахъ. Гогаршова карриатуры суть только слабое подражаніе Италіанскаго маскерада. Ничего не можешь бытъ за-

баниѣ, какъ видѣть въ смѣшеніи всѣхъ народовъ міра въ своихъ одеждахъ: Римлянъ, Грековъ, монаховъ различныхъ орденовъ, Индѣйцевъ, дикихъ Американцевъ, боговъ, богинь, амуровъ и чершей, между кошорыми ходящъ въпреныя мѣльницы, башни и Харонъ въ лодкѣ развѣзжаешъ по залѣ. Изъ характерныхъ масокъ, знатный господинъ съ большею свистою, играетъ первую ролю. Шпашъ его сосшавляютъ разнаго званія особы: Поэшь слѣдуешъ за нимъ съ кипочю стиховъ; онъ иногда чишаешъ забавныя саширы, Арлекинъ и Паяцо ошличающся оспрыми шушками, избранными изъ лучшихъ сочиненій; музыканшы имѣющъ головы Индѣйскаго пѣшука; конюшій, егеръ и кухмисшеръ, каждый играетъ свою ролю, которую знатный господинъ въ удовольствіе публики засшавляетъ ихъ говоришь, что походитъ на нѣкоторый родъ комедіи, сосшавленной изъ разныхъ смѣшныхъ сценъ. Всякая маска прешвораетъ свой голосъ и вообще соглашаешъ лице свое съ одеждою. Докторъ раздаешъ двусмысленныя рецепшы ошъ всѣхъ родовъ болѣзней, слѣдующій за нимъ аптекаръ предлагаетъ лѣкарства погашашъ или воспламеняшъ любовь. Оракулъ несетъ урну, изъ кошорой желающіе вынимающъ на заданное ими ошвѣтъ въ стихахъ, какіе у насъ пишущся на конфекшныхъ билетахъ. Изъ всѣхъ масокъ въ продолженіе карнавала одна заслужила гром-

кое рукоплесканіе. Это была женщина одѣтая по послѣдней модѣ съ зеркаломъ въ рукахъ. На розовыхъ ленточкахъ, привязанныхъ къ длиннымъ носамъ, она вела за собою семь мушкетеровъ, изъ коихъ каждый представлялъ щеголя, философа, воина, купца, доктора, судью и Царя.

Въ полночь маскарадная зала наполняется до того, что съ трудомъ можно ходить. Въ такой пѣсношѣ, пришедшіе вмѣстѣ, разлучаются въ разные споры, многіе даютъ волю рукамъ. Женщины, ходящія безъ мушкетеровъ, ни мало смѣло не обижаются, почитая, что въ маскарадѣ такія непристойности должны быть терпимы. Желаящія избѣгнуть оскорбленій, масокъ не надѣваютъ, и къ нимъ оказываютъ должное уваженіе. Свободное обращеніе въ маскарадахъ просиравается до того, что женщины подъ смиренною одѣждою монашени, смѣло говорятъ то, чего отъ ихъ пола никакъ ожидать было бы нельзя. Мушкетеры ни мало не затрудняются въ словахъ, и предложенія ихъ принимаются или отвергаются почти въ слухъ. Замаскированные скоро сыскиваютъ знакомства, выходятъ въ другую залу пить кофе или шоколадъ, пошомъ въ маскарадной лавкѣ перемѣнивъ нарядъ, въ наемной каретѣ ѣдутъ куда имъ угодно; или въ театральномъ трактирѣ берутъ особую комнату... Въ два часа за полночь, маскированные возвращаются въ залу въ прежнихъ наря-

дахъ, сыскиваютъ своихъ подругъ, и ни матери, ни ошцы, ниже мужья ни мало не беспокояшся, гдѣ они были и что дѣлали. Вопшъ, какъ мнѣ кажется, истинная причина шого, почему съ шакимъ неперпѣнїемъ ожидають карнавала. Щасшливы мы, что всѣ наши увеселенїя чужды сей развратности нравовъ.

Въ продолженїе масленицы бываетъ общїй маскарадъ, увеселенїе очень спиранное и забавное. Послѣ обѣда весь городъ въ экипажахъ, пѣшкомъ и верхомъ на ослачъ и коровахъ являешся въ маскахъ. Обыкновенные и маскарадные экипажи въ нѣсколько рядовъ ѣздятъ по главной улицѣ. Въ маскарадные экипажи запрягаютъ различныхъ живошныхъ, какъ шо: быка и козла, корову и лошадь; всѣ они обвѣшиваются попонами, цвѣтами, побрякушками, къ инымъ придѣлывается по двѣ головы и проч. Балконы и окна, украшенные вывѣщенными коврами, занимаются дамами. Кавалеры, запасшись мѣлками сухими конфекшами, фазолью, бобами, цвѣтами и спишками, бросають шо или другое (смошря по красотѣ и уваженїю) прямо въ лицо дамъ. Сильный градъ конфекшъ предпочшительно сыплешся на красавиць, и удившительно, какъ въ продолженїе сего сраженїя, ошашаются у нихъ цѣлы глаза. При насшупленїи вечера, дамы замаскировавшись ходятъ изъ дома въ домъ съ посвщенїемъ, спараясь сколько можно, чтошобъ и самые корошко знакомые не могли ихъ уз-

нашь. Въ сіе время дѣлаюцца знакомства съ такими людьми, коихъ никогда лица не увидишь. Бывають обманы довольно забавные; вспрѣчаюцца случаи, которыя всегда оставляють пріятное воспоминаніе.

Въ продолженіе карнавала фокусники забавляють народъ различными представленіями. Собачій балетъ, кукольная комедія, кабинетъ восковыхъ спашуй показываюцца на площадяхъ. Балансеры, несгораемый человекъ, и поему подобное, иногда показывають свое искусство на театрѣ. Ученыя канарейки наиболѣе мнѣ понравились. Тиролецъ подъ музыку заставляеть ихъ маршировать, беретъ ими бумажную крѣпость, изъ которой всрѣляють изъ пушекъ. Взявъ крѣпость разсрѣливають дезертира, который по учиненіи изъ пушечки высрѣла, падаетъ мертвымъ; но когда Тиролецъ положишь его къ себѣ на руку, канарейка вдругъ вспорхветъ и запоетъ. Удивительно, какъ споль малую пшичку успѣвають пріучишь къ повиновенію и къ различнымъ движеніямъ, несвойственнымъ ея породѣ. Всего пріятнѣе, когда они числомъ до тысячи, всѣ вмѣстѣ коють подъ органъ и умолкають вдругъ, когда Тиролецъ погрозишь имъ проспичкою.

Подземный гротъ въ Липцахъ.

Удивительной подземной гротъ въ Липцахъ въ 24-хъ верстахъ отъ Трієсна по до-

рогѣ къ Фіуму; возбудилъ во многихъ любопытство. Согласившись наняли мы коляски и въ числѣ одиннацати человекъ рано утромъ отправились къ гропу. Дорога сперва вела насъ мимо загородныхъ красивыхъ домовъ, между пріятными садами; но скоро принуждены мы были подыматься на высокую каменную гору, состоящую изъ плішника, совершенно голаго. Солнце пекло; зной былъ несносный, шагомъ вспащившись на вершину, мы остановились, дабы дать отдохнуть уставшимъ лошадямъ. Мы укрылись подъ шѣнію трехъ или чешырехъ деревьевъ, съ нами были трубки и пиво. Ошдыхъ былъ пріятнѣйшій. Видъ съ горы вокругъ представлялъ различные предметы. Къ востоку тянулся хребетъ горъ, изрѣдка поросшій мѣлкимъ лѣсомъ, почва земли близъ насъ состояла изъ бесплоднаго камня. Вѣдные жилища сихъ горъ имѣютъ свое пропитаніе отъ продажи угольевъ; почему и называютъ ихъ *Карбонарами* (угольниками). Къ сѣверу вдали видѣнъ былъ сѣдой хребетъ Фріульскихъ горъ, также черныхъ и нагихъ, какова и та, на которой мы находились. Влизъ Триеса часть моря, окруженнаго высокими скалами, отъ преломленія солнечныхъ лучей, въ спокойной водѣ блестѣла какъ зеркало. До деревни Безовицы, не было ни какого признаку обитаемости. Вездѣ видѣнъ былъ голый камень, кремнистыя скалы печально стояли посреди пустыни, мрачная пишина

царшвовала вокругъ насъ. Проѣхавъ Везовицы, я вдругъ перенесся изъ ада въ рай; пушъ взору моему представились плодоносные сады, прекрасныя рощи и многочисленныя по зеленымъ лугамъ пасущіяся стада, и я не скупая болѣе палящимъ зноемъ, не примѣшилъ какъ прекрасною аллею пріѣхалъ въ Липцы, небольшое селеніе, очень красиво выстроенное. Напившись кофе, и заказавши обѣдъ, мы съ проводникомъ пошли въ гротъ.

На ровномъ усыпанномъ множествомъ каменье въ полѣ, проводникъ показалъ намъ глубокую яму, вокругъ обросшую мѣлкимъ кустарникомъ и сухою травою. Одинъ за другимъ начали мы спускаться въ гротъ. Я спустился на нѣсколько шаговъ внизъ, и непроницаемый мракъ принудилъ меня итти осторожно; придерживаясь за неровности высунувшихся каменье въ, я не прежде спускалъ ногу внизъ, какъ ощупавъ мѣсто палкою. Слыша голоса, а не видя никого, боясь, чшобы сверху кто не поскользнулся и паденіемъ своимъ не увлекъ бы въ пропасть меня и впереди идущихъ, съ безпокойствомъ началъ я кликать поварищей. Въ сіе время проводникъ зажегъ факель и вдругъ разлился вокругъ насъ свѣтъ. Съ полчаса мы шли извилистыми переходами, спѣны пещеры то сближались, то распространялись шолько, чшо пламя факела не освѣщало дальнихъ угловъ. Наконецъ сошли мы на самый низъ грота въ глубину до 300 сажень и зрѣлище чудное и великолѣпное по-

разило взоры наши. Стѣны грота, покрышыя накупью окаменѣвшей воды, отражая огонь факела, горѣли ослѣпляющимъ, неподражаемымъ свѣтомъ, шолько для мудрой руки природы возможнымъ. Мы находились въ кристальномъ подземномъ чертогѣ великолѣпно освѣщенномъ. Своды грота, мѣстами восходили до такой вышины, что свѣтъ не достигалъ оныхъ; нѣсколько не весьма толстыхъ столбовъ изъ чистаго хрустала, поддерживали всю тяжесть обширныхъ сводовъ, съ коихъ, какъ бы прилепленные къ нимъ, висѣли другіе столбы, угрожающіе падѣніемъ. Игра природы образовала на стѣнахъ многія фигуры, подобныя бюстамъ, пицамъ и животнымъ. Посреди грота куча камней, чистыхъ и прозрачныхъ какъ стекло, походила на колоссальную спашую, поставленную на кругломъ подножіи. Спалакшиты сіи такой разливали свѣтъ, такими яркими горѣли огнями, что не возможно было долго на нихъ смотрѣть. Холодъ и сырость, происходящая отъ капающей со сводовъ воды, были столь чувствительны, что мы скоро всѣ передрогли и поспѣшили выйти изъ грота. Палящее солнце скоро пошомъ принудило насъ снять мундиры, и мы пришедъ въ практиръ снова искали прохлады, чтобы съ удовольствіемъ отобѣдать.

Поступки Французовъ въ Тріестъ.

Когда намѣреніе Наполеона лишить Бурбоновъ послѣдняго шрона ему удалось; тогда великодушный Испанскій народъ, не могши перенести столь наглой обиды, именемъ Короля Фердинанда VII, рѣшился съ оружіемъ въ рукахъ защищать свои права и свободу. Революція жестокая по дѣйствіямъ, но справедливая по оскорбленію, возбудила геройское мужество въ душахъ благородныхъ Испанцевъ. По объявленіи Іосифа Бонапарша Королемъ Испанскимъ не было уже сомнѣнія, что Наполеонъ, уничтожая царство за царствомъ, предположилъ покорить всю Европу. Императоръ Австрійскій, въ обезпеченіе своей независимости, нашелъ необходимымъ сосланишь сильное земское войско, которое въ случаѣ войны могло бы съ пользою служить вмѣстѣ съ арміею его. Дворянство, духовенство, купечество и народъ не щадя пожертвованій, ревностно и охотно исполняли волю своего Императора. 18 Іюня 1808 года Эрц-Герцогъ Іоаннъ прибылъ въ Тріестъ для формированія земскаго ополченія; Его Высочество удостоилъ посѣщеніемъ наши корабли и принялъ былъ съ надлежащею сано Его почестію

Наполеонъ не успѣвъ въ одну кампанію покорить Испаніи, въ Мартѣ мѣсяцѣ 1809 года требовалъ, чіобы Австрійскій Императоръ распустилъ свое земское войско, и военные громы раздались близъ насъ. При ошкрытіи

военныхъ дѣйствій, Австрійское оружіе увѣнчано было блистательнѣйшимъ успѣхомъ. Эрц-Герцогъ Іоаннъ при фоншанѣ Фредо (что въ Фріулѣ) разбилъ Принца Евгенія столь сильно, что Французы до самаго Адрига не могли ни на одной позиціи остановиться. Жители Италіи (*) съ радостію приняли Австрійскія войска; не было сомнѣнія, что Королевство Италіанское въ непродолжительномъ времени было бы освобождено; но судьба повелѣла иначе. Наполеоново счастье вскорѣ вознаградило ему сію потерю, Пспѣшно подвѣрживъ ошсшупившія въ Баварію свои войска новыми корпусами, онъ разбилъ у Регенсбурга Эрц-Герцога Карла, Главнокомандующаго большою Австрійскою арміею. Потеря Вѣны и ошсшупленіе Принца Іоанна изъ Италіи въ Венгрію, было слѣдствіемъ несчастной битвы у поминутаго города: 6 Маія Французы вступили въ Триестъ съ условіемъ не требовать ошъ города никакой контрибуціи, кромѣ 800 порцій въ день; но едва Австрійская армія нѣсколько удалилась ошъ Триеста, требованія со дня на день начали увеличиваться: то нужно было нѣсколько лошадей, то нѣсколько бочекъ вина, то сухарей. Начали ходить полки, одинъ

(*) Въ Триестѣ Говаръ, въ Вестваліи Маіоръ Шиль, въ Италіи многочисленныя толпы народа возстали противу Французовъ; неоспоримое доказательство ихъ тираническаго правленія.

другаго хуже, солдаты оборванные, босикомъ и въ вешовкахъ съ однимъ ружьемъ на плечѣ, требовали одѣжды. Когда граждане Триеста потеряли терпѣніе, когда Австрійскіе гражданскіе чиновники, оспававшіеся въ городѣ и'ушвержденные новымъ правительствомъ въ своихъ должностяхъ, напомнили о условіи; то Французы сняли съ себя личину и начали брать все силою. Впервыхъ объявили, что бы жишели всякое оружіе сдали въ арсеналь, и когда такимъ образомъ обезпечили себя отъ бунта, на первый разъ потребовали шолько 50.000 флориновъ, но не прошло дня, еще 100.000. Ишомъ съ оружіемъ въ рукахъ, обобрали въ лавкахъ сукно, полотно, нанку и сапожной товаръ, собрали всѣхъ портныхъ и сапожниковъ и пока они не обмундировали двухъ полковъ, держали ихъ подъ карауломъ въ казармѣ. Въ прежнюю войну (1800 года) Массена придумалъ для скорѣйшаго обмундирования солдатъ еще лучшее средство. Для какого-то торжества входъ въ маскерадъ позволенъ былъ безъ плаши. Когда маскерадная зала наполнилась, гренадеры съ примкнушими штыками выгнали кавалеровъ вонъ изъ залы, а женщинамъ, вмѣсто увеселенія, предложили, снявши маски, заняться шитьемъ рубашекъ. Благородныхъ дамъ, до шѣхъ поръ не выпускали изъ залы, пока они вмѣсто себя не представили служанокъ и нѣсколько денегъ. Бѣдныя женщины сидѣли въ залѣ поды карауломъ цѣлую недѣлю, а послѣ отосланы

были мышъ казармы. . . . Каждый Генераль, копорый приходилъ на короткое время въ Трієстъ, налагалъ контрибуцію для своего содержанія. Одинъ изъ Генераловъ, взявъ фнуу, пригласилъ Австрійскихъ чиновниковъ къ себѣ на обѣдъ; и когда послѣ сполы Президентъ мариспраша откланялся Генералу, шо на лѣспниці былъ остановленъ Адьюшаншомъ, копорый вручилъ ему щепъ съ приказаніемъ заплашишь по оному за споль и угощеніе. Офицеры не уступали своимъ Генераламъ, они брали у хозяевъ своихъ все, что имъ нравилось, иногда дарили его шѣми вещами, кои затруднительно было имъ взять съ собою. Одинъ Офицеръ проходящей партіи, увидѣвъ на балконѣ дамъ, вошелъ въ домъ, и безъ обиняковъ сказалъ хозяину, что онъ любитъ хорошенькихъ женщинъ и пошому у него ночуешъ. Адвокашъ Розешши (хозяинъ дома) спросилъ у него билешъ на квартиру? что за билешъ, ошвѣчалъ Французъ; пригошовъ мнѣ на шесшь персонъ ужинъ, и чшобъ было шампанское и бургонское. На другое утро, Французскій Офицеръ, взявъ нѣсколькы бѣлья, уложилъ въ свой чемоданъ, надѣлъ новые хозийскіе сапоги, а своя, изношенныѣ, въ знакъ дружбы, подарилъ Адвокашу.

Когда Жубершъ Генераль - Интендантъ Французской арміи прибылъ въ Трієстъ, шо бѣдствія еще большія, припѣсненія неслыханныя, опягошѣли на бѣдныхъ жипеляхъ. Я желалъ бы умолчашъ о хищническихъ поступкахъ,

весьма печальныхъ и невыгодныхъ для чести націи, называвшей себя великою и просвѣщенною; и какъ шакого рода злодѣянія происходятъ всегда опть правительсва или лучше правителя Деспота, то хотя по пословицѣ: „лежачаго не бьютъ“ я долженъ бы покрышь завѣсою происшествія, коихъ былъ очевидецъ и коими сердце мое тогда раздиралось; однакоже почишаю нужнымъ дашь соотечественникамъ моимъ поняшіе, что могли бы мы прешерпѣшь тогда, когда подобно Нѣмцамъ оспались бы въ своихъ домахъ? Чего жипели Москвы должны были бы ожидать, если бы наши гражданскіе чиновники оспались при своихъ должностяхъ, и были бы обязаны грабить своихъ друзей, опца, мать и себя самихъ? Сравнивая бѣдспвія всей Европы съ потерею нашею и Испанцевъ, пусть чишатели сами скажутъ, лучше ли или хуже мы сдѣлали, что предали огню свои дома, что оставляя заняшыя непришелемъ города пустыми, лишили его средспва содержать себя на чужой щепъ; и наконецъ, не опть того ли мы побѣдили почишавшаго себя непобѣдимымъ Наполеона, что наше Правительство, подобно мужеспвеннымъ Испанцамъ, приняло другія мѣры и способы для еопротивленія ему?

На другой день прибыпія въ Тріестъ Жуберта, Французы конфисковали Англинскіе шовары; вмѣстѣ съ тоними топняшы были чашпію и Нѣмецкіе, по произволу Французскихъ комиссаровъ названные Англинскими. Дабызасіи

товары выручивъ наличныя деньги, продали часть оныхъ съ аукціоннаго торга. Купившимъ выдали свидѣтельство и билетъ на свободный сикъ поваровъ пропускъ и продажу безъ пошлины во Французскихъ владѣніяхъ. Тріесскіе капиталисты, думавшіе сикъ оборотомъ обогатиться, обманушы были самымъ необыкновеннымъ образомъ. На границѣ Испаніянскаго Королевства повары ихъ были остановлены; свидѣтельство, данное Жубертомъ, шаможенные чиновники объявили ничтожнымъ, и бѣдные купцы, очень еще довольны были и тѣмъ, что за половинную цѣну пропиву аукціонной покупки могли продать свои товары Маршалу Миссенъ и нѣкоторымъ другимъ Французскимъ Генераламъ... разумѣется, что товары, принадлежащіе *Маршалу*, были пошчасъ пропущены.

По взятіи Вѣны, Наполеонъ наложилъ на Тріестъ 50 милліоновъ флориновъ конпрібуціи. Хотя сначала полагали, что городъ едва ли четвертую часть сей суммы можетъ выплатить, однакоже Жубертъ доказалъ противное; въ два мѣсяца онъ собралъ болѣе 20 милліоновъ, частью деньгами, а прочее съѣстными принасами и другими пошребностями. Жубертъ систематически и постепенно, такъ сказать, высасывалъ деньги. Во первыхъ наложена была небольшая конпрібуція, которую въ три дня удобно и уплашили, попомъ подъ разными предлогами въ три раза взято было еще нѣсколько денегъ, и когда у бѣднаго и посредственнаго сословія нечего уже бы-

ло брать, тогда приступилъ Жубертъ къ *насилъственныиъ займамъ*, то есть, у бѣгачей опинали до половины ихъ капитала, предоставля имъ чрезъ посредство своего Магистрата, сдѣлать уравнишельную раскладку и со временемъ взыскашь съ своихъ согражданъ. При сихъ насилъственныхъ займахъ, если кто оплачивался платишь, то, дабы принудить его, употребляли такъ называемую *военную экзекуцію*. Въ первый день приходили въ домъ пять человекъ солдатъ съ унтеръ-офицеромъ, хозяинъ кромѣ пищи, слишкомъ прихотливой для солдата, долженъ былъ въ тотъ же день заплатить каждому изъ нихъ по 5 флориновъ. На другіе сутки прибавлялось еще пять солдатъ, кои получали по 10 флориновъ. На третій день 15 солдатамъ выдавалось по 15 флориновъ каждому, и такъ далѣе. Если чрезъ пять дней, хозяинъ не вносилъ положенной на него конприбуціи, то на шестой Коммисаръ бралъ у него серебро или какія другія вещи, кошорыя удобнѣе и выгоднѣе можно было продать. Не случалось почти никогда, или весьма рѣдко, чтобы кто могъ въ продолженіи пяти дней выдержать всѣ грубоспи и неистовства солдатъ. Они обыкновенно располагались въ лучшихъ комнашахъ, развѣшивали по стѣнамъ ружья и сумы, порпили мебель, заставляли чистить себѣ сапоги, мышь бѣлье, брали что имъ нравилось, женщинамъ не было отъ нихъ покою, и самыя жесточайшія оскорбленія оставались безъ наказанія.

Когда лавки и магазинны были на чистю ограблены; въ домахъ, едва ли что оставалось для пропитанія; когда изъ 40 тысячъ жителей, оставалось только 20 тысячъ; то Жубертъ для вынужденія значительнѣйшей суммы, употребилъ слѣдующее средство: 24 богатѣйшихъ капиталистовъ посажены были подъ спрашу, при чемъ объявлено было имъ, что если чрезъ 10 дней не внесутъ новаго наложеннаго на нихъ насильственнаго займа, то будутъ разстрѣляны. Денегъ ни у кого не было, и сіи несчастные отправлены были въ крѣпость Пальма-Нову, для исполненія надъ ними смертнаго приговора. Не могу описатьъ униженія и опечаленія, объявшаго Триестцевъ. Нѣкоторые благородные Французы были чувствительны къ бѣдствіямъ народа, нѣкоторые съ негодованіемъ порицали жестокіе поступки, происходящіе отъ алчности къ деньгамъ. Дюкъ де Нарбонъ (*), дивизионный Генераль, бывшій въ сіе время Губернаторомъ въ Триестѣ, старался сколько можно облегчать участь угнетенныхъ; но по причинѣ полной власти для взысканія контрибуцій данной

(*) Дюкъ былъ изъ числа тѣхъ эмигрантовъ, которые возвратясь во Францію, вступили въ службу. Мать и сестра его, потерявъ все свое имѣніе, жили въ Триестѣ въ крайней бѣдности и неизвѣстности. Нечаянная встрѣча обрадовала престарѣлую мать, но она запретила сыну посѣщать ее во Французскомъ мундирѣ.

Жубершу, благородныя усилія его большею частію оставались безуспѣшны. Жубершъ, сколько по обязанности и долгу службы, столько сообразуясь съ характеромъ своего деспота, какъ кажется, получилъ навѣкъ ничѣмъ не прогашся, и упошребляющъ крайнія мѣры жестокости съ удивительнымъ хладнокровіемъ. Вотъ пому примѣръ: Карціотши, сшарець 80 лѣтъ, вмѣстѣ съ прочими купцами опшравленъ былъ въ Пальму-Нову. Сынъ его, предствая Жубершу, что имѣніе ему, а не отцу принадлежитъ, просиль Генерала, чтобы ему вмѣсто родишеля позволилъ умереть. Жубершъ равнодушно и съ насмѣшливою улыбкою опвѣчалъ сему достойному сыну: „швое намѣреніе похвально, годится для пра- „гедіи; зашлщи, сверхъ положенной на отца „коншрибуціи, 20 тысячъ флориновъ, и я сей „часъ прикажу разспрѣлять тебя вмѣсто „швого почшеннаго родишеля.“ Къ счастью миръ вскорѣ былъ заключенъ, и спрадальцы, просидѣвъ въ шюрмѣ, были освобождены.

Таковы-шо были средства для взысканія коншрибуцій упошребленныя; но были еще другія, адскою душею обдуманныя злодѣйства, коимъ и самъ Ашпила, и самый нештетовый разбойничій ашаманъ долженъ былъ бы успу-пишь. До вступленія Французовъ въ Триеспшъ, коронныя суммы и всякое казенное имущество были вывезены; но капиталы не совершенно-лѣшнихъ и вдовъ подъ опекою находящихся, оставались; Жубершъ, для пополненія коншри-

будій, не усомнился пошребовать и сіи суммы. Президентъ городского правленія долго тому прѣотивился. Жубертъ въ семь случаевъ не хотѣлъ употребить явнаго насилія и для полученія сихъ денегъ прибѣгнулъ къ слѣдующей хитрости. Сыскалъ шаковаго человѣка, который не имѣя ничего, чтобы могъ почестъ для себя поперею, согласился за мѣсто Президента выдать деньги актомъ. Преступный благородный Президентъ, не щадившій никакихъ усилій для облегченія участи своихъ согражданъ, былъ смѣненъ, а сироты и вдовы лишились опть того дневнаго пропитанія. Вотъ какими уловками Французы приврывали свои насильственные поступки, кои и имъ иногда казались непопозволенными. Дабы имѣть причину припѣснять и опшнимать деньги, было наконецъ опубликовано, что донощикамъ будетъ выдаваемо приличное награжденіе. Невинные спрдавали, принуждены были плашить за обвиненія, коимъ не было никакого основанія; и даже не шребовались для улики и ложные свидѣтели.

Въ слѣдъ за арміею вспунила въ Триеспль другая, состоящая изъ маркишаншова, распущенныхъ женщинъ, картежныхъ игроковъ, искусниковъ, фигляровъ, въ почетномъ званіи шніоновъ, шайной полиціи служащихъ, и шаковаго рода людей, кои будучи чужды всякой нравственности, не имѣя въ поступкахъ своихъ и шѣни добродѣтелей, дерзають выхвалять человѣколюбіе и безкорыстіе Наполеона,

за честьъ себѣ вмѣняютъ удивляться его подвигамъ; и между шѣмъ поведеніемъ своимъ, при каждомъ шагѣ обличаютъ героя своего въ малодушія и хищническія, и невольно обнаруживаютъ низкое его рожденіе. Опъ добраго сердца приписываютъ ему шакія свойства, кои свойствамъ истинно великихъ мужей совершенно чужды.

Картежные игроки, заплашивъ немаловажную опкупную сумму за позволеніе обыгрывать навѣрное, состоятъ, какъ называютъ Французы, *подъ жокровительствою законовъ*. Дежурный банкеръ для опличія носилъ чрезъ плечо широкую, подобную орденской, шрецифшную ленту. Театральная зала опъушра до вечера была наполнена игроками. Яиногда пржеходилъ въ оную шипашъ душу мою опвращеніемъ, примѣчатъ опчаянныя лица игроковъ, копорые при каждомъ оборотѣ рулины, краснѣли или блѣднѣли, смопря пошому, выигравали или проигрывали они. Мрачная шипшина прерывалась одними прокляшями, вздохами и восклицаніями. Не слышно было инаго шума, кромѣ деревянныхъ лопашокъ, коими банкеры пригребали или оппалкивали опъ себя золото. Женщины, копорыя же имѣли болѣе денегъ, проигрывали кольца, серьги, гребни, плашки или въ неаптральномъ шпакширѣ наскоро продавали свою благосклонность. Сія прибывшія французскія нимфы позора, опсправляли должность шпюновъ, и получали за ше жалованье опъ полиціи, и шакже

состояли въ шпашѣ Наполеоновыхъ обожателей. Армейскіе маркишаншы, зашлапя ошкунтъ, разыгрывали въ лотерею награбленныя вещи, большею частію покупаемыя опъ коншрибуціонныхъ депо. Въ одной лавкѣ, можно было за грошь выиграшь какую либо вещь, на прижрь одинъ башмакъ или доскупъ стараго плашья, въ другой съ аукціона можно было купишь за безцѣнокъ кусокъ судна. Кшо покупалъ шоваровъ на сто рублей, тому по настоящей оцѣнкѣ предославлялось на его выборъ на 150 рублей. Смиъ способомъ коншрибуціонныя вещи обращались въ деньги. Въ праздничныя дни при хорошей погодѣ, на площади разыгрывалась шакъ называемая *денежная лотерея*. Въ пользу казны удерживалась половина изъ собранной суммы; но какъ однажды выигрывшаго самой большой призь, посадили въ шюръму, подъ предлогомъ, что онъ такихъ номеровъ изъ лотерейной коншоры не получалъ, то народъ и нѣсколькихъ грошей не хотѣлъ проигрывать напрасно. Развращенные нравы побѣдителей вкрались и въ сердца побѣжденныхъ. Толпы игроковъ изъ черни, не имѣя чѣмъ питашься, начали промышлятьворовствомъ, чего при Австрійскомъ правительствѣ и слышно не было. Махиафельская политика Наполеона, съ умысломъ допускаешъ таковое развращеніе народа; ибо человекъ, въ крайней нищестѣ находящійся, не можетъ сожалѣть о своей свободѣ и въ отвращеніе голодной смерти, охотно ищешъ

оной на полѣ сраженія. Въ Тріестѣ набрано было силою нѣсколько рекрутъ, и сіи несчастные принуждены были бы сражаться прощиву своего опечесства, еслибъ вскорѣ не заключень былъ миръ.

Послѣ *Асперискаго* сраженія, Французы, желая прикрыть потерю онаго, выдумывали въ пользу свою разныя обстоятельствва, а гали безъ всякой мѣры и вѣроятности. Одинъ Офицеръ, посѣщавшій домъ Баронессы Цанки, у коей предпочтительно принимаемы были Рускіе, съ видомъ увѣрительнымъ и гордымъ, рассказывалъ за новостъ самую достоверную, что одинъ раненый Французскій Полковникъ, ѣдучи въ каретѣ, былъ нечаянно окруженъ боею колонною Австрійской милиціи, кою чорой начальникъ объявилъ его плѣннымъ; но нашъ храброй Полковникъ, продолжалъ хваснуть, одними словами, (*à force de parole*) принудилъ бою Австрійцевъ положить предъ нимъ ружье. Пожалуйте, не договаривайте, шупливо возразила на сіе Графиня Воиновича (урожденная Пизани); милоспивые государи, обратившись къ прочимъ гостямъ, продолжала Графиня, я свидѣтельствуюсь вами, что нѣшъ женщины болѣе меня болпливой. И пакъ радуйтесь, я сей часъ ѣду въ Вѣну, и увѣряю васъ, что я своимъ болпаньемъ (*à force di chiacari*) привужу всю Французскую армію положить передо мною ружье.

По заключеніи Вѣнскаго мира, Маршалъ Мармоншъ сдѣланъ былъ Намѣстникомъ Илли-

рійскихъ провинцій. Новые подданные, съ снѣсеннымъ опъ горести сердцемъ, дали присягу въ вѣрности. Одна надежда, что участь ихъ будетъ сноснѣе, уменьшила уныніе; но послѣдствія вскорѣ доказали прошивное. Каждый владѣлецъ дома или земли долженъ былъ платити въ годъ опъ 10 до 20 проценшовъ со спа, не съ доходовъ, а съ шой суммы, чего спомпъ его имущество, включая мебели, экипажи и проч. . . Опъ многихъ шагестныхъ налоговъ, собираемыхъ съ шожее спрогостію, какъ и военныя конпривбуціи, богашѣйшіе люди разорились. Въ Венеціи одинъ изъ шеашровъ былъ проданъ за 60.000 ливровъ; но какъ скоро деньги сіи были внесены, то городовое правленіе потребовало съ покушника прежнюю недомку, проспиравшуюся до 140.000 лиръ; а какъ онъ не могъ внеспи такой суммы, то шеашръ чрезъ годъ описали въ казну. И такимъ образомъ продавали его при раза за безцѣнокъ.

Коншиненпальная система довершила разореніе Тріеста. Личная ненависть Наполеона прошиву Англичанъ просперлась до того, что онъ, не имѣя флота, которымъ могъ бы опмстити Бритпанцамъ за смѣлыя, несносныя для малодушія его насмѣшки, въ кипѣнии безсильной своей злобы, не усомнился ницешою милліонувъ лучшихъ своихъ подданныхъ, лишиши непріятелей выгоды ихъ шрудолюбія и промышленности. Миланскій декретъ доказываешь, сколь мало Наполеонъ думалъ о благѣ

своего народа. По сему декрету купецъ, отправляющій грузъ моремъ долженъ былъ, чего стоишь судно и грузъ, обезпечить вносомъ денегъ или вѣрнымъ залогомъ. Если дойдетъ до свѣденія, что судно было осматриваемо Англинскими крейсерами и было ими опущено, то шакое берется въ казну. Таможенные чиновники, имѣя въ виду сія двѣ спашьи, по малѣйшему подозрѣнію, безъ всякихъ доказательствъ могли всякое судно и залогъ присвоивать казнѣ. Не смотря на всю бдительность Французской береговой стражи, Англинскіе шовары во множествѣ продавались даже въ самомъ Парижѣ. Наполеонъ, думая искоренить поргъ запрещенными шоварами, обогатившій Англинскихъ купцовъ, приказалъ всѣ колоніальные шовары, находившіеся въ его владѣніяхъ, сжечь. Безразсудность сія, какъ извѣстно, ни мало не осшановила тайной шорговли: какой убышокъ могли имѣть Англичане, когда Наполеонъ могъ жечь только тѣ ихъ шовары, за которые они уже получили деньги?

Произшествіа во время пребыванія Россійской эскадры въ Триестъ. — Возвращеніе въ Россію.

10-го Іюня 1808 года, Англинскій фрегатъ приходилъ въ Триестъ подъ переговорнымъ флагомъ; на ономъ получено извѣстіе, что престарѣлый въ добродѣтели Георгъ III рѣшился, во что бы ему ни спало, податься

помощь Испанцамъ и Португальцамъ, воаспавшимъ съ мечемъ ищенія прошиву Наполеона. Съ сего времени, не смотря на протесшы Францускаго въ Тріестѣ Консула, коего ношы доселѣ значили повелѣнія, дружескія сношенія съ Англичанами продолжались непрерывно; когда же Эрц-Герцогъ Іоаннъ прибѣмъ въ Тріестъ для образованія земскаго ополченія, шо Англинскіе военные корабли оспанавливались близъ гавани и принимая конвои Австрійскихъ купеческихъ судовъ, явно сопровождали оныя мимо Истрии, въ портахъ которой Французы усилили свою гребную флотилію. Австрийцы, во уваженіе нашего флага, не позволили Англичанамъ подходить къ эскадрѣ нашей ближе пушечнаго выстрѣла, въ городѣ же мы встрѣчались съ ними довольно часто и обходились попріятельски. 27 Августа пришло первое Испанское купеческое судно, изъ Тріеста также отправились нѣсколько Австрійскихъ судовъ въ Испанію. Союзъ Австріи съ Англіею и Испаніею, хотя и не былъ обнародованъ; но по симъ дружескимъ сношеніямъ никпо въ ономъ не сомнѣвался. 9 Нобря Генераль Маіоръ Бибииковъ, назначенный Посланникомъ ко Двору Мюрата, новаго Неаполитанскаго Короля, въ проѣздъ свой чрезъ Тріестъ, посѣщалъ корабли наши и былъ принять съ должною почестию. 15 Декабря на Испанскомъ фрегатѣ прибылъ въ Тріестъ бывший Посланникъ Боронъ Григорій Александровичъ Спрогоновъ. При съѣздѣ его на берегъ, Испанскій

фрегатъ салютовалъ ему 15 выстрѣлами. Если по сему фрегату судишь о Испанскомъ флотѣ, то мнѣніе о устройствѣ онагобудеть невыгодно. Построеніе фрегата не очень красиво, но онъ ходишь легко, вооруженіе тяжело, люди въ управленіи парусовъ не проворны; они одѣты бѣдно, не опрятны и весь фрегатъ весьма нечистъ.

1809 года Генваря 26, къ общему нашему прискорбію, скончался почтенный и любимый нашъ Капитанъ-Командоръ Иванъ Осиповичъ Салпановъ. Всѣ Австрійскія войска, бывшія въ Триестѣ подъ командою Бригадира, были при погребеніи. Процессія по военному нашему усшаву была самая пышная. Знамена, пушки и барабаны, увитые флеромъ, длинный рядъ священства въ великолѣпныхъ ризахъ, пѣніе и военная музыка, раздирающая сердца, безпришворная печаль, напечатлѣннаяна скорбныхъ лицахъ окружавшихъ гробъ и колесницу; корабли съ искривленными реями, съ опущенными въ половину флагами и вымпелами; и самые пушечные выстрѣлы черезъ пять минутъ одинъ за другимъ послѣдовавшія, все это вмѣстѣ сколько шрогало зрицелей, столькоже и нравилась имъ сія погребальная пышность, какой они доселѣ не видали. Не смотря на дурную погоду, по улицамъ едва было можно пройтиснисься. Капитанъ 1-го ранга Михайлъ Тимоѣевичъ Быченскій по спаршинствву принялъ начальство.

31-го Генваря, для дня рожденія Императора Франца I., корабли наши были разцвѣчены флагами и съ каждаго палили по 31 выстрѣлу. 12-гоже Марша послучаю дня возшествія на престоль нашего Императора, Австрійцы съ крѣпостей также палили изъ всѣхъ орудій. День Пасхи 28 Марша провели мы истинно по Христіански. Заупрениа была въ Славянской церкви св. Спиридонія. Корабельные священники опправляли службу вмѣстѣ съ приходскими. Пѣвчіе наши стояли на правомъ крылосѣ, пѣніе ихъ восхищало Славянъ; но когда при первомъ словѣ: Христось воскресе, въ глухую полночь съ кораблей нашихъ, освѣщенныхъ фонарями, раздались пушечные громы, то воспорга Славянъ описать было не можно.

Торжество вѣры, конечно, производитъ впечатлѣніе, пріятнѣе всякаго другаго. Добрые Славяне признавались, что они никогда съ такою радостію не встрѣчали великаго праздника, и дня, который препроводили вмѣстѣ съ нами, никогда не забудушь. Иностранцамъ, особенно Каполикамъ, нравяпся наши церковные обряды; они сознаются, что со всею пышностію въ Греко-Россійскомъ богослуженіи соединено приличное великолѣпіе, дѣлающее въ душу священное благоговѣніе; но при всемъ томъ, они не иначе называютъ насъ, какъ ошступниками (Schismatici), а иногда обряды наши представляютъ совсѣмъ въ превращномъ видѣ. Вотъ тому разительный примѣръ. Одинъ путешественникъ, бывшій во

время Пасхи въ С. Петербургѣ, описывая порожество сего дня, между прочимъ сказала: чувствительно было для меня видѣшь, когда всѣ бывшіе въ церкви, безъ различія чиновъ, царедворецъ и солдаты, крестьянинъ и Генераль начали обниматься и цѣловать другъ друга въ уста, говоря одинъ другому: *Crestovfky ostrov, vasilifsky ostrov*, то есть вмѣсто Хрипосъ воскресе *Крестовскій островъ*, а вмѣсто воишину воскресе *Васильевскій островъ*.

Въ концѣ Марта, война между Австріею и Франціею, давно и съ неперѣниемъ ожидаемая, началась. Начальствующій эскадрою Капитанъ 1-го ранга Мих. Быченскій, не имѣя ни какихъ повелѣній, въ какомъ отношеніи должны мы были считатьъ себя съ Австрійцами и Французами, для полученія нужныхъ наставленій, 1-го Апрѣля отправилъ въ С. Петербургъ Лейтенанта Кар. Вас. Розенберга. По занятіи Триеста 6 Маія Французскими войсками, положеніе нашей эскадры сдѣлалось затруднительнымъ; ибо Французскіе и Австрійскіе Генералы при всякомъ случаѣ увѣряли насъ, что мы съ ними въ союзѣ. Недоумѣніе сіе продолжалось до прибытія изъ Вѣны въ Триестъ бывшихъ Посланниковъ при Сицилійскомъ Дворѣ и Опоманской Портѣ Тайныхъ Совѣтниковъ Д. П. Тапицева и Ишадинскаго.

10-го Маія, не смотря на множество Англинскихъ крейсеровъ, 10 Французскихъ канонерскихъ лодокъ успѣли прокраспья изъ Ве-

неціи въ Трієстѣ. 13-го Маія Миниспръ морскихъ силъ Ишаліанскаго Королевства Каффарелли посѣпилъ нашего начальствующаго; ему салютовано было изъ 13 пушекъ. Въ сейже день, по причинѣ гнилости корабля Уріила, снята была съ него половина пушекъ, которыя поставили на молѣ спараго каранпина. (Авспрійцы не оставили въ Трієстѣ ни одного орудія). Распоряженіе сіе послужило къ нашей пользѣ, или лучше лишило насъ случая съ выгодою сразиться съ Англичанами. 17 Маія на разсвѣтѣ Англинская эскадра, состоящая изъ 5 кораблей, 3 большихъ фрегатовъ и брига, показала у мыса Салвора и шла на всѣхъ парусахъ къ Трієсту. Эскадра наша перемѣнила позицію и спала такъ близко берега, что непріятелю пройти между нашими кораблями и атаковать насъ съ обоихъ бортовъ было не возможно (*). Линія, состоявшая изъ 4 кораблей, 2 фрегатовъ и корвета, такъ стѣснена была въ видѣ полуциркуля и защищена съ обоихъ фланговъ береговыми батареями, что Англичанамъ подъ перекрестнымъ огнемъ 250 орудій, спрудно было бы подойти и спать прошиву насъ на шпрингъ (**). Перешагнувъ въ новую, позицію, спустили стеньги и реи на низъ, опваршовавшись (***)

(*) Смотри позицію на картѣ Трієста.

(**) Поставить корабль на якорь такъ, чтобы помощію канатовъ онъ могъ обращаться во всѣ стороны.

(***) Привязаться къ берегу.

и пригошовишься къ бою, было дѣломъ трехъ часовъ. Опасность быть ашакowanymъ въ разспройствѣ, было лучшимъ въ сей работѣ нашимъ помощникомъ. Французы не менѣе были дѣятельны въ построеніи береговыхъ башарей и уникъ къ полудню все было гошово. Непрiятельская эскадра, не дошедъ до пушечнаго выстрѣла, по пихосши вѣпра, спала на якорь. Въ 4 часа по полудни, когда подулъ довольно свѣжій вѣпръ, Англичане снялись съ якоря, подъ всѣми парусами спустились на нашу линію и съ башарей стараго караншина сдѣлали уже нѣсколько выстрѣловъ; мы съ нешерпѣніемъ, съ жадносцію считали минушы, когда непрiятель приближился на нашъ выспрѣлъ; но къ крайнему сожалѣнію, Англинскій Командоръ, осмотрѣвъ вблизи наше положеніе, не осмѣлился сдѣлать нападенія, поворошилъ назадъ и спалъ на якорь на прежнемъ мѣствѣ. Мы досадовали, что поставлены были въ столь выгодной позиціи, намъ даже и пошонушь было не можно (чего по вѣпхосціи кораблей прежде всего ожидать было должно); ибо подъ кораблями оспавалось не болѣе аршина воды. Напасшь на насъ значило бы безразсудно опшдаться намъ въ руки.

Непрiятельская эскадра болѣе мѣсяца была въ виду Тріеспта и кажешся искала случая къ нападенію; мы съ своей спороны были во всякое время гошовы къ сраженію. На каршечномъ выстрѣлѣ опъ линіи кораблей

положили на якоряхъ боны (*) и каждый день обучали людей пушечной и ружейной экзерциціи съ огнемъ, а на шлюпкахъ приучали людей къ abordажу и рукопашному бою. 9 го Іюня Англичане ночью покушались близъ Триеста напиться водою, но гребныя наши суда и Французскіе пикеты въ помъ имъ воспрепятствовали. 24 Іюня, когда отрядъ Австрійской милиціи по дорогѣ къ Фіуму сражался съ Французами, Англинская эскадра также приближилась къ гавани; мы были въ великомъ безпокойствѣ: Австрійцы дрались упорно, звукъ пушечныхъ выстрѣловъ приближался и становился слышнѣе. Положеніе наше было самое затруднительное; ибо еслибы Австрійцы взяли городъ, то бы мы должны были или погибнуть безъ славы, или безъ сраженія сдаться. Одинъ изъ Англинскихъ фрегатъ изъ бухты *Muila* началъ бросать бомбы, которыя ложились близъ кораблей. Наши Офицеры изъ одной Урильской 28 фунтовой пушки, поставленной на вышнѣ у Сант-Андрея, нѣсколькими мѣтками выстрѣлами принудили оный фрегатъ отспунить. Французская гребная флотилія вышла изъ гавани для преслѣдованія; но подулъ вѣтръ и Англинскій фрегатъ успѣлъ соединиться съ своею эскадрою.

(*) Дѣлаются изъ старыхъ мачтъ, связываются желѣзными цѣпями и служатъ для удержанія непріятельскихъ кораблей въ надлежащемъ разстояніи.

На другой день у сего фрегата починивали подводную пробоину; Австрійцы также опступили и болѣе къ Триесту не приближались. Ночью Англичане бросили въ городъ нѣсколь-ко Конгревовыхъ ракетъ, одна изъ нихъ по-пала въ домъ, но безъ дальняго вреда. 17 Юля Англинскій фрегатъ и бригъ узнавъ, что Фран-цуская флотилія пробирается близъ берега изъ Венеціи въ Триестъ, ночью напали на нее споль удачно, что всю ее испребили и взяли въ плѣнь 7 канонерскихъ лодокъ и 4 пребаки. Сіе было послѣднимъ военнымъ дѣй-ствіемъ близъ Триеста. По заключеніи мира Англичане удалились.

Послѣ Аспернскаго сраженія, Наполеонъ для переправы чрезъ Дунай и для служенія на кононерскихъ лодкахъ и бапареляхъ, на оспровѣ Лобау устроенныхъ, имѣя нужду въ искусныхъ машрозахъ, рѣшился воспользовашь-ся покушеніемъ Англичанъ напасъ на эска-дру нашу въ самой гавани; но дабы пре-ждевременно не ошкрыть своей настоящей цѣли, и зная, что пребываніе наше въ Три-естѣ, со времени занятія онаго Французами, не очень намъ пріятно, прислалъ къ началь-ствующему эскадры Капишану Быченскому слѣдующее предложеніе: „полагая, что пребы-ваніе Россійской Имперашорской эскадры въ „Триестѣ небезопасно ошъ нападенія Англи-чанъ, я предлагаю вамъ Г. Капишану, вос-пользовашься удаленіемъ непріятельской эска-дры ошъ береговъ, или какимъ другимъ

„удобнымъ случаемъ, и перейши съ эскадрою
 „вамъ вѣренною въ Анкону, гдѣ какъ содер-
 „жаніе людей, шакъ и сильная защита сей
 „ хорошо укрѣпленной крѣпости будутъ для
 „ васъ обезпечены. Если же какія обстоятель-
 „ства, предприняшь походы сей не позво-
 „литъ, то я искренне радѣя о чести флага
 „ моего союзника и друга, предлагаю вамъ
 „ разоружить корабли и сдатьъ всѣ принад-
 „лежности оныхъ моимъ Комисарамъ перейши
 „ съ экипажами въ *Удино*, гдѣ сформировав-
 „ шись въ баталіоны, ожидайте дальнѣйшаго
 „ повелѣнія для слѣдованія въ отечество ваше.“
 10-го Іюня Лейтенантъ Розенбергъ, возвратив-
 шійся изъ С. Петербурга, посланъ былъ въ Вѣну
 съ ошвѣтомъ слѣдующаго содержанія: „и
 „вѣрности кораблей не возможно безъ явной
 „опасности перейти мнѣ съ эскадрою изъ
 „Тріеста въ Анкону. Я надѣюсь, что больше
 „будетъ чести для флага Августѣйшаго мо-
 „его Монарха сразиться съ непріятелемъ, не-
 „жели, не сдѣлавъ ни одного выстрѣла, оста-
 „вить корабли ему на жерпву. Въ шакихъ об-
 „стоятельствахъ оставишь свой постъ безъ
 „точнаго повелѣнія моего Государя и долгъ
 „и честь мнѣ запрещають.“

Въ продолженіе войны надежда Австрій-
 цевъ получить нашу помощь споль была об-
 щая, что даже послѣ Ваграмскаго сраженія,
 въ Тріестѣ съ достоверностію рассказывали,
 что 100-000 Рускихъ соединились съ армією
 Принца Карла. Сполько-то Нѣмцы привыкли

видѣть насъ друзьями угнетенныхъ и помощниками слабыхъ. Не можно описатьъ чувствъ печали и унынія Тріеспцевъ въ эту минушу, когда объявлены были спашьи мира, заключеннаго между Франціею и Австріею. Несчастіи Франца II омышы были горькими слезами всѣхъ его подданныхъ; прискорбіе же шѣхъ, кои лишались кропкаго, опеческаго его правленія, было поистинѣ жалости достойно.

Когда Ерц-Герцогиня Марія Луиза обручена была Наполеону, лучъ пріятной надежды оживилъ на краткое время Тріеспцевъ. Носилъ слухъ, что Иллирійскія провинціи, будущъ возвращены Австріи; но когда все осталось по прежнему, то всѣ бѣдствія Австрійскаго Императора начали приписывать единшвенно Рускимъ. Наполеоново счастье, какъ думали тогда, было уже не преодолимо. Бракосочетаніе его съ Маріею Луизою успокоило огорченныхъ потерямъ Австрійцевъ; они полагали, что союзъ Австріи съ Франціею поставленъ на швердомъ основаніи. Новые подданные Наполеона, въ неудовольствіи своемъ не предвидя облегченія своей участи, мечшали вмѣстѣ съ Французами о дальнѣйшихъ завоеваніяхъ, о разореніи другихъ и наконецъ ясно говорили, что театръ войны скоро перенесенъ будетъ въ сердце Россіи. Политическое мнѣніе, доселѣ столько лестное для Рускихъ, совершенно перемѣнилось; любовь и уваженіе къ правашъ нашей очень охладѣли. Долгое отсутствіе изъ опечесства, бездѣйствіе, праз-

днось, неприятность жишь съ шѣми, ипо не желашь намъ добра, и самыя удовольствія наши обрашили въ скуку и ушомленіе. Вообще неизвѣсность, долго ли еще мы будемъ безъ всякаго дѣла, и предчувствіе грозы, кошорая опвсюду скопчалась надъ опечествомъ, дальнѣйшее пребываніе въ Тріестѣ содѣлывали весьма для насъ неприятнымъ.

Накоонецъ къ неизьяснимой всѣхъ радости получено высочайшее повелѣніе опъ 27 Сеншября 1809 года: корабли со всѣми принадлежностями къ онымъ, по условенной каждой вещи оцѣнкѣ сдатьъ Францускому правительству, а экипажамъ, находящимся въ Тріестѣ, Венеціи и Корфѣ, соединившись въ одномъ изъ ближнихъ городовъ къ Тріесту, гдѣ назначено будетъ мѣстнымъ начальствомъ, ожидашь шамъ дальнѣйшаго повелѣнія для слѣдованія въ Россію. Въ опредѣленіи цѣны кораблямъ и ихъ принадлежностямъ, Французскіе Комисары дѣлали большія запрудненія; напримѣръ пушки приняшы были полько за мешалль, порохъ за селипру, и многія вещи, еще годныя къ употребленію, оцѣнили въ 24-ю часть прошиву настоящей ихъ цѣны. Но одинъ посшупокъ начальствующаго эскадроу привудилъ ихъ бышь справедливыѣ. Корабельныя мачшы, кошорыя въ здѣшнихъ беалъсныхъ мѣстахъ сшомшъ очень дорого, не смошря, что нѣкошорыя были довольно прочны, а другія ничѣмъ не повреждены, были однакожь опредѣлены къ сломкѣ на дрова. Подъ предлогомъ

облегченія кораблей для вводу оныхъ къ бассейну новаго карантина, Французскій Комисарь предложилъ всѣ мачты вынуть нашими людьми и въ цѣлости сложить въ сарай; но какъ въ портѣ не было крана, для вынутія мачтъ необходимаго, то Михайль Тимоѣевичъ приказалъ ихъ срубить. Едва успѣли срубить одну мачту, Комисарь убѣдительноше просилъ оставить въ цѣлости другія и сямъ принужденъ былъ, какъ мачтамъ, шакъ пушкамъ и другимъ вещамъ положить сходную цѣну. Къ 20 Октябрю военные снаряды, паруса и снасти сложены по сорсамъ въ магазейны, пустые корабли введены въ бассейнъ новаго карантина, а люди перешли въ ошведенныя въ городѣ казармы.

Капитанъ - Лейтенантъ Сальпи, начальствовавшій эскадрою, стоявшею въ Венеціи, разоруживъ суда свои ввелъ въ арсеналы въ Ноябрь мѣсяцъ, по повелѣнію Капитана 1-го ранга М. Т. Быченскаго, оставивъ для оцѣнки и сдачи всѣхъ матеріаловъ Французскому правительству нѣсколько Офицеровъ съ малымъ числомъ машрозовъ, выпустилъ изъ Венеціи, и по назначенію Маршала Мармонпа, Намѣстника Иллирійскаго, во ожиданіи прибытія морскихъ служившей изъ другихъ мѣстъ, расположился на квартирахъ въ *Оберъ Лайбахъ*. Лейтенантъ Куломзинъ, съ двумя транспорсами находившійся въ Воко ди Кашаро, сдавъ суда свои и получивъ квитанцію во что они были оцѣнены, въ Декабрѣ

мѣсяцъ чрезъ Далмацію прибылъ въ Триестъ. Капитанъ-Командоръ Лелли, остававшійся во все время въ Корфѣ, встрѣшилъ немалыя затрудненія какъ въ сдачѣ кораблей, призовыхъ судовъ и магазейновъ, шакъ особенно въ переправѣ изъ Корфы въ Ишалію. Не смотря однакожь на бдѣтельность Англинскихъ крейсеровъ, команды на малыхъ лодкахъ, всѣ благополучно и безъ пошери перевезены, и изъ *Lectio*, гдѣ было сборное мѣсто, вышупили въ дальнѣйшій путь. Между шѣмъ Генералъ-Адьютантъ Графъ Шуваловъ, по повелѣнію Государя, исходатайствовалъ нужную помощь отъ Австрійскаго правительсва, и когда отрядъ Капитанъ-Командора Лелли прибылъ въ Венеціанскій округъ, то и мы въ шести колоннахъ 24 Марша 1810 года наконецъ оставили Триестъ. Командамъ Балтійскаго флота, подъ начальствомъ Капитана 1 ранга М. Т. Быченскаго, должно было чрезъ Каринтію, Шширію, Венгрію и Галицію слѣдовать прямо въ Кроншадъ; командамъ же Черноморскаго, флота подъ начальствомъ Капитанъ-Командора Лелли, изъ Радзивилова предписано идти въ Николаевъ.

Не смотря на переменившіяся политическія обстоятельсва, жители Триеста съ печалію разсхались съ нами. Въ двухлѣтнее пребываніе не встрѣпилось ни одного случая, на который могли бы пожаловаться граждане города. Строгая подчиненность машрозовъ и крошость ихъ обращенія пріобрѣли имъ

уваженіе, а проворствомъ и отважностію своею въ упушеніи загорѣвшагося въ каналѣ судна, посреди города находящагося, заслужили они общую благодарность. Пожаръ сей показалъ жителямъ Тріеста безкорыстіе Рускаго народа. По обѣ спорены канала были магазейны полныя поваромъ; испребленіе оныхъ разорило бы богачѣйшихъ купцовъ. Полиція не имѣла достащочнаго числа людей для упушенія пожара; купцы, каждый думалъ о спасеніи своего имущества, народъ безъ паны не хотѣлъ подвергать жизнь свою опасности, и между тѣмъ какъ торговались, покойный Капитанъ-Командоръ, съ каждаго корабля приказалъ отправить на берегъ прешъ экипажа, и вдругъ матрозы наши, одни бросились на горѣвшее судно, другіе отрубивъ канаты вывели всѣ прочія суда изъ канала, и не могли упушить огня, который распроспранился уже на мачты, прорубили горѣвшее судно, пошопили его въ гавани и тѣмъ спасли прочія отъ явной гибели. Къ удивленію купцовъ, которые собирали деньги, дабы отблагодарить матрозовъ, они безъ всякихъ требованій и хвасповства выпилъ по чаркѣ водки у того, кто догадался имъ поднести, тотчасъ разошлись. Дружескія и семейственныя связи нѣкоторымъ образомъ удерживали самихъ Французовъ въ угнешеніи хозяевъ тѣхъ домовъ, гдѣ стояли или принимаемы были Рускіе Офицеры. Предъ самымъ отправленіемъ городовое правленіе, именемъ всѣхъ сословій,

засвидѣтельствовало начальствующему нашему общую благодарность и признательность за сохраненіе порядка, добраго согласія и примѣрнаго поведенія какъ Офицеровъ, шавъ и нижнихъ чиновъ.

Отъѣздъ Принца Регента Португальскаго въ Бразилію.— Лиссабонскій договоръ.

Когда Принцъ Регентъ Португальскій рѣшился на отъѣздъ въ Бразилію, когда и преслѣдѣмая Королева, мать его, доселѣ считавшая невозможнымъ переселиться изъ Европы въ Америку, побуждала его къ скорѣйшему отправленію; то печальное прибытіе Россійскаго флота въ Лиссабонъ 3 Ноября 1807 года подвергнуло Дворъ въ новеебезпокойство. Союзъ нашъ съ Франціею, неизвѣстность, какія повелѣнія имѣеть Россійскій Адмиралъ, и какое его намѣреніе въ разсужденіи Португальскаго флота, возбудили въ Лиссабонѣ непріятныя слухи. Народъ, уштрашенный приближеніемъ Французскихъ войскъ и приуготовленіемъ къ отъѣзду Царской фамиліи, требовалъ оружія, большая часть войскъ были уже на корабляхъ, общая ненависть противу Французовъ могли имѣть печальныя послѣдствія; но на канунѣ отъѣзда, слѣдующая прокламація успокоила народъ и убѣдила его въ необходимости осуществленія Королевскаго семейства.

„Пожертвовавъ драгоцѣннѣйшими выгодами народа, я вступилъ въ союзъ съ державами Европы, исполнилъ всѣ требованія Императора Наполеона (*) и предлагалъ одно условіе, что бы иностранныя войска не занимали предѣловъ Португалліи; но оно не принято. Французская армія вступила въ мои владѣнія, и я, не будучи увѣренъ въ собственной безопасности, ѣду въ Бразилію; гдѣ мѣспомъ своего пребыванія, до заключенія общаго мира, избираю Санъ-Себастіанъ. Разлучаясь съ отечествомъ, прошу моихъ подданныхъ съ первѣніемъ и покорностію сносить постигшія ихъ жребій. Всякое усиліе къ сопротивленію, было бы напраснымъ пролихіемъ крови. Удержите, вѣрные мои подданные, справедливое ваше негодованіе прошиву сильнаго врага, побѣдившаго могущественнѣйшіе народы. Богъ, попускающій иногда временныя несчастія, никогда не оставитъ ушѣсненныхъ, и рано или поздно, не укуснишь наказатъ несправедливыхъ. Прощаясь съ вами, любезные и вѣрные мои подданные, я не перяю надежды опашъ съ вами увидѣться.“

17-го Ноября въ 9 часовъ утра Королева Марія Франциска Изабелла, Принцъ Регентъ сынъ ея и все Королевское семейство прибыли на флошь. Въ проѣздъ ихъ чрезъ Лиссабонъ, народъ, пронзенный печалію, падалъ

(*) 20 Октября объявлена была война Англии.

виць, и не громкими восклицаніями, а почтительнымъ горестнымъ молчаніемъ изъ-являлъ свою преданность. У пристани Принцъ Регентъ вышелъ изъ кареты, съ великимъ умиленіемъ прощался съ остававшимися чиновниками, поручилъ имъ при вступленіи Французовъ спараться сохранить тишину, увѣщавалъ безропотно покориться несчастнымъ обстоятельствомъ. Приказалъ оспальныя войска, кои на корабляхъ помѣ-ститься не могли, распустить по домамъ и принявъ благословеніе отъ Архіепископа, сѣлъ на шлюпку и отправился на корабль. Въ 11 часовъ, когда Францускія войска показались въ окрестностяхъ столицы, пушечный выстрѣлъ далъ знакъ къ опплытію и Португальскій флотъ, состояшій изъ 8 кораблей, 6 фрегатовъ, 9 бриговъ и 10 большихъ транспортовъ, снялся съ якоря. Множество купеческихъ судовъ, боясь опстать отъ своего флота, рубили канатъ и съ поспѣшностію слѣдовали въ море. Торжественныя клики Vivat! Ура! шлопы на рода, по берегу рѣки съ горестными вопля-ми бѣгущія за Царскимъ кораблемъ, не одна тысяча шлюпокъ, въ слѣдъ за нимъ же плывущихъ, представляли такое зрѣлище, кошо-рое каждая много мыслишь заставляло, и какое сердце не смутилось бы униженіемъ вѣнценоснаго дома, и чувствами общей скор-би, печали и негодованія? Англинскае эскадра, подъ начальствомъ *Сира Сиднея Смитта*, бло-кировавшая Лиссабонъ и сповавшая на якорѣ

предъ усъемъ Таго, встрѣшили Принца Регенпа съ должною почешію. Весь день Португальскія купеческія суда, набитыя шакъ сказашь народомъ, выходили изъ рѣки, на лодкахъ переѣзжали цѣлыя семейства, въ надеждѣ бышь принятыми на свои или на Англинскіе корабли. Гѣснопа на военныхъ судахъ и шранспоршахъ не позволяла принимашь болѣе людей. Смяшеніе и опчаяніе плѣхъ, кои должны были возвратиться въ руки Французовъ, были неописанны. Лиссабонская чернь, намѣреніемъ сопрошивляшья вступленію непріятели угрожала новою бѣдою, внушенія начальства едва могли удержашь волненіе народа. Многія семейства, опъ ожидаемаго бунта, искали убѣжища на корабляхъ, оставшихся въ Таго. Къ умноженію ужаса въ самой шопѣ день къ вечеру поднялась жестокая буря, угнавшая въ океанъ бѣгспвующій флотъ; неисправность, дурное соспоаніе многихъ кораблей, заспавляло опасаться гореспнѣйшихъ потерь.

При отплытіи Португальскаго флота, въ Лиссабонѣ была молва, будто бы Принцъ Регентъ будешь задержанъ Россійскимъ Адмираломъ. Связь нашего Двора съ Наполеономъ, коему по Тильзитскому миру мы были обязаны помогать и содѣйшвовать во всѣхъ его предпріятіяхъ, до шого молву сію, распрошраненную неблагонамѣренными людьми и подшвержденную одною Французскою газешю, въ общемъ мнѣніи ушвердила, что и самыя

праводушные люди вѣрили, что Сенявинъ не упустишь воспользоваться случаемъ, который можешь доставить ему благоволеніе Императора Наполеона. Когда же Португальскій флотъ миновалъ Россійскій, когда и купеческія суда свободно были пропущены, по безпокойное ожиданіе и смущенное подозрѣніе народа обратились въ радость. Сей поступокъ Сенявина пріобрѣлъ ему любовь и довѣренность Португальцевъ, почтеніе благомыслящихъ Французовъ, и изумленіе тѣхъ, которые, слѣпо слѣдуя Наполеоновой философіи, видѣли въ поступкѣ семъ усиліе добродѣтели, великодушіе необычайное; ибо думали, что священныя права гостепріимства и самая даже честь для сокровищъ, погруженныхъ на Португальскихъ корабляхъ, могли бытъ нарушены. Послѣдствіе доказало, что Сенявинъ симъ благороднымъ подвигомъ заслужилъ уваженіе и самыхъ непріятелей, пріуготовилъ себѣ по Англинскаго Адмирала снисхожденіе, которое спасло честь нашего флага и избавило Россію отъ огорченія видѣть флотъ свой принужденнымъ безъ славы сдать на уничтожительную вапидуляцію, или вовсе бытъ истреблену.

20-го Ноября Французская армія, числомъ до 30,000 челов., собралась въ окрестностяхъ Лиссабона, но опасаясь возмущенія жителей споль многолюдной столицы не прежде какъ 22-го Ноября въ 6-шь часовъ по полудни вступила въ Лиссабонъ, а въ слѣдующіе дни занявъ

всѣ крѣпости по берегу Таго расположенныя, 25-го Ноября въ полдень на оставшихся въ адмиралтействѣ 4 корабляхъ, 10 фрегатахъ и 8 мелкихъ военныхъ судахъ (*), также и на всѣхъ крѣпостяхъ и башаряхъ спустили Португальскіе флаги, а вмѣсто оныхъ подняли Французскіе. При чемъ главнокомандующій Французскими войсками Генераль Жюно именемъ Наполеона, объявилъ, что Браганскій Домъ пересталъ царствовать въ Португаліи

Не смотря, что Португалія занята была безъ всякаго сопротивленія, съ нею поспулено было какъ съ завоеванною областію. Первыми дѣйствіями Французскаго правительсва были: отобраніе въ казну Англинскихъ товаровъ, коронныхъ имуществъ, наложеніе на государство обременительной копривуціи и всѣ другія мѣры къ угнешенію и разоренію народа способствующія, что крайне затрудняло распоряженія Сенявина къ продовольствію его эскадры.

Не имѣя еще никакихъ наставленій, въ какомъ видѣ пріемлетъ нашъ кабинетъ насильственное занятіе Португаліи, доселѣ бывшей съ Россіею въ союзѣ; и какъ флотъ нашъ пришелъ въ Лиссабонъ тогда, когда Принцъ Регеншъ въ немъ еще властвовалъ, то посему полагая Лиссабонъ, для Россійскаго флага, портомъ неупрательнымъ, Сенявинъ,

(*) Купеческихъ судовъ оставалось въ Лиссабонъ до 300.

дабы обезпечить себя на случай дурнаго обо-
роша дѣль для Французовъ, рѣшился не при-
нимать ни какого участія въ дѣлахъ новаго
союзника, уклоняеть отъ себя всякіе непріяз-
ненные поступки, могущіе оскорбить народъ
Португальскій; и наконецъ въ дѣйствіи про-
шиву Англичанъ, ограничить себя только
тѣмъ, чптобы съ собственными силами быть
во всякое время готову принять и отпра-
вить ихъ нападеніе. Адмиралу стоило боль-
шаго труда, соразмѣрить свое поведеніе ска-
заннымъ образомъ, нужна была необыкновен-
ная оспорожность и благоразуміе, дабы вы-
играеть довѣренность Дюка д'Абраншеса, спа-
равшагося вовлечь Сенявина въ свои распо-
ряженія, къ угнетенію Португальцевъ клонив-
шійся, и припомъ не оскорбить Англичанъ, съ
величайшею недовѣрчивостію наблюдавшихъ
его поступки и поведеніе. По счастью Жю-
но, будучи пышный и великолѣпный Французъ,
былъ припомъ человѣкъ добрый, простой и
откровенный въ обхожденіи, и Дмитрій Ни-
колаевичъ до того снискалъ его доброе рас-
положеніе, что Маршалъ, поколику строгость
предписаній Наполеона ему позволяла, за удо-
вольствіе поставлялъ облегчать участъ по-
кровительствуемыхъ Сенявинымъ Англичанъ,
съ давняго времени въ Лиссабонѣ поселив-
шихся. Съ другой стороны Адмиралъ Коп-
шонъ, получивъ отъ Сиднея Смита, котораго
онъ смѣнилъ, доброе мнѣніе о свойствахъ Се-
нявина, хотя отправленіе въ Россію Конгръ-

Адмирала Грейга и другихъ Англинскихъ Офицеровъ, (*) служившихъ на флотѣ нашемъ, было поводомъ непріятнаго объясненія съ Кошшономъ, коему сія великодушная мѣра Правительствва нашего показалась ожесоченіемъ прошиву Англій; но послѣ сего, сношенія обоихъ Адмираловъ были основаны на взаимномъ уваженіи и приличной вѣжливости.

Въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ 1808 года, послѣдовадо высочайшее повелѣніе Сенявину, со вѣренною ему эскадрою состоять въ распоряженіи Наполеона. Но сей вѣроломный союзникъ упошреблялъ во зло сдѣланную ему довѣренность. Всѣ повелѣнія, полученныя отъ него, заключали въ себѣ хищрыя намѣренія, усмреленныя къ погубленію Россійскаго флота, и Сенявинъ, сколько ни старался подъ разными благовидными предлогами уклоняться отъ исполненія такихъ повелѣній, былъ посщавленъ наконецъ въ самое зашруднительное и опасное положеніе. Въ сихъ шагостпныхъ обстоятельстввахъ Сенявинъ, опшвергнувъ личную свою выгоду и лестныя виды для своего честолюбія, руководимый токмо совершенною приверженностію къ Государю своему и любовію къ ошечеству, успѣлъ укрыться отъ прозорливаго и неограниченнаго властолюбія, и ешшли Наполеонъ былъ недоволенъ медленнымъ исполненіемъ егд воли, то Сенявину обязаны мы сохраненіемъ нашей чести. Одно изъ шаковыхъ повелѣній было

(*) 9 Февраля 1808 года.

слѣдующаго содержанія: дабы усилишь эскадру нашу Португальскимъ кораблемъ и фрегатомъ, оспававшимися въ Лиссабонѣ, Наполеонъ приказалъ, призвавъ людей со шлюпа Шпйцбергена, въ поршѣ Виго находившагося и ошкомандировавъ съ каждаго корабля по нѣскольку людей, дополнишь экипажъ корабля и фрегата Португальскими и иностранными машросами, которыхъ должно было взять силою. Сенявинъ подѣ предлогомъ, что ему нужно быть въ осторожности отъ нечаянныхъ нападеній и въ соснояніи дать сильный опперъ Англичанамъ, началъ починивать по одиначкѣ всѣ корабли свои, и далъ знать, что когда онъ будетъ въ топовносипи съ своею эскадрою выпши въ море и напасшь на непріятели, тогда приступишь и къ вооруженію Португальскаго корабля и фрегата.

13-го Маія въ 5-мъ часу пополудни на адмиральскомъ кораблѣ Твердомъ отъ молніи загорѣлась гротъ (*) мачта; огонь сшоль далеко распроспранился внупръ, что не было возможности ушущишь его. Адмиралъ приказалъ срубить мачту, и когда новая была изгоповлена, по ее поставили, осваснили корабль и привели изъ Адмиралшейства на свое мѣсто въ линію, не болѣе какъ въ 4-ре часа, за что Капитану и Офицерамъ сигналомъ изъявлена благодарность, а машрозамъ приказано дать по чаркѣ вина.

(*) Средняя и большаа.

Въ началѣ 1808 года народная война рас-
 проспранилась по всей Испаніи. Уже патріо-
 ты, сражавшіеся съ ожесточеннымъ муже-
 швомъ за драгоценную честь свою и свобо-
 ду, не смотря на неуспройство свое, въ нѣ-
 копорыхъ мѣстахъ имѣли успѣхъ; всякое сно-
 шеніе съ Россією прекратилось. Надежда на
 полученіе денегъ, къ содержанію эскадры необхо-
 димыхъ, совсѣмъ исчезла. Адмиралъ, имѣя креди-
 тивы и личное уваженіе, хотя бы и могъ
 брашь деньги на исправленіе и на другія по-
 требности эскадры отъ Агеншовъ; но разсу-
 ждая, что при возвратѣ суммъ Агеншамъ, ка-
 на должна была приплачивашь по курсу зна-
 чительное число проценшовъ и за комис-
 сію, и желая ошклонить отъ нея споль
 великой убытокъ, рѣшилъ употребить на
 расходы призовую сумму. Но какъ сумма сія
 составляла собственность пріобрѣтшихъ ее и
 по закону ПЕТРА Великаго, нынѣ царствующимъ
 Императоромъ подшверженному, дол-
 женствовала во всякомъ случаѣ, какъ частное
 имущество, бышь неприкосновенною; по-
 сему Адмиралъ предложилъ участвующимъ,
 не согласятся ли они уступить каждый свою
 часть на издержки по эскадрѣ необходимыя,
 предсавляя, что каждый, получа свою долю,
 вѣроятно употребить ее на иностранныя
 издѣлія и возвратится домой со множествомъ
 бездѣлокъ, но безъ денегъ, увѣряя при томъ
 всѣхъ, что Государь, конечно съ благоволе-
 ніемъ приметъ такое общее къ нему усердіе,

и по возвращеніи въ Россію каждый получишь свою часть безъ удержанія. Могли ли подчиненные Сенявина, привыкшіе во всѣхъ его предпріятіяхъ видѣть свою пользу и славу, могли ли, когда онъ самъ значительною своею долею пожертвовалъ казнѣ, не рѣшиться слѣдовать его примѣру? Весь флотъ единодушно согласился, и казна отъ процентовъ, переводу денегъ на иностранную монету и за комиссію банкерамъ, приобрѣла по самому ограниченному щещу, въ свою пользу до 250 тысячъ червонцовъ; вся же призовая сумма и слѣдовавшая на жалованье и прочее простиравшаяся до 600 тысячъ червонцовъ, осталась внутри государства нашего.

Примѣръ Испанскаго народа пробудилъ упавшій духъ и Португальцевъ. 20 Іюня развернулось знамя за честь и свободу опечесства. 6 Іюля, въ Опорто начальникъ регулярныхъ Испанскихъ войскъ взялъ подъ стражу Французскаго Генерала Кемеля съ его штабомъ, возвелъ на прежнее мѣсто Губернатора Оливедскаго и вскорѣ подъ предсѣдательствомъ Епископа учредилась Юнта, которая принявъ верховную власть обнародовала извѣщеніе, что съ Испанією и Англією возобновлены миръ и дружество, что Королевство Галиція и другія пограничныя Испанскія области готовы содѣйствовать въ опечесственной войнѣ. Англичане, въ скоромъ времени высадкою войскъ своихъ въ Опорто и доставленіемъ ружей, пушекъ и пороху подкрѣпили всенародное

возспаніе. Жюно, получивъ о семъ извѣстіе, всѣ находившіяся при его корпусѣ Испанскія войска обезоружилъ и опослалъ на разснащенныя корабли, споявшіе въ Тагъ. Наполеоновы легіоны дѣйствовали сначала удачно, успѣвали воспановляше спокойствіе; но шолпы па- шрюновъ безпреспанно умножались, въ выгодныхъ позиціяхъ защищались опчаянно, успупали иногда превосходному успройству Французскихъ полковъ; но опъ того не унывали, разсѣявшись собирались снова, нападали, искали смерши, сражались упорно, жершвуя жизнью, не просили и не давали пощады. Душь геройшва оживилъ и мирныхъ поселянь, мщеніе врагамъ было ихъ военнымъ словомъ, смершь и раны за опечество были ихъ обѣшомъ. Война жесткокая и кровопролишная распрощранилась по двумъ Государствамъ, опъ Пиринеевъ до Кадикса, и опъ Эбро до Таго, весь народъ, спарый и малый, даже женщины вооружились и поклялись непримиримою враждою къ имени Французовъ. Наглая неслыханная обида въ лицѣ Испанскаго и Поршугальскаго Королей исполнила вѣрный народъ испупленіемъ злобы, дикаго геройшва, и Наполеонъ сдѣлалъ первый шагъ къ своему паденію; рука Божія на Пиринейскомъ полуостровѣ приушговила ему казнь, соразмѣрную его ширанству. Французскія войска видя, чше съ ними въ первый разъ осмѣлялись обходишся какъ съ разбойниками, смупились, уничижились духомъ, и побѣждаая шокмо въ

своихъ Монисерахъ, въ каждомъ сраженіи безъ пользы шеряли они людей; переходя отъ одной бишвы къ другой, изъ мѣсна въ мѣсно блуждали они какъ въ очарованномъ лѣсу; выгоняли изъ города папріотовъ, и вышупая для возстановленія шишины въ другомъ, возвращались, покоряли и уступали одинъ и шопъже городъ по нѣскольку разъ въ одинъ мѣсяць. Голодъ и ушомленіе уменьшали войска ихъ болѣе, нежели самыя бишвы; раненые, больные и општавшіе погибали невозвратно; кто попадался въ плѣнь, шопъ безжалостно былъ убиваемъ народомъ. Французы мстили пожарами и казнями, и сами сгарали на кострахъ непріятельскихъ, умирали отъ руки ночнаго убійцы и опправляемы были ядомъ.

Генераль Куазонъ, съ сильнымъ отрядомъ опсправленный изъ Лиссабона для усмиренія папріотовъ въ Опорто, послѣ бесполезныхъ жаркихъ сшибокъ, спрашась бышь отпрѣзаннымъ отъ главнаго корпуса повсюду возсшающими поселянами, принужденъ былъ возвратиться назадъ. Сообщение съ Французскою арміею въ Испаніи прекратилось, опасность увеличивалась и наконецъ Французскія войска, въ Португаліи находившіяся, были окружены многочисленными еще неустроенными шолпами, но уже довольно привыкшими къ огню и бурямъ военнымъ. Въ семъ положеніи дѣль Маршаль Герцогъ д'Абраншесъ издалъ къ жителямъ Лиссабона увѣщательную прокламацію,

исполненную безспыдныхъ увѣщаній и угрозъ; но она ни мало не подѣйствовала, поздно уже было раскаяніе и народъ съ адскою улыбкою шочилъ въ шайнѣ кинжалы мщенія. Въ тоже время, дабы усилить защищеніе по рѣкѣ Таго расположенныхъ крѣпостей и произвести полезное вліяніе на Португальцевъ и Испанцевъ, Жюно наспопашельно именемъ Наполеона требовалъ ошъ Адмирала Сенявина высадить на берегъ нѣсколько морскихъ солдатъ и мапросовъ съ его эскадры. Сенявинъ, какъ сказано выше, посшавивъ себѣ правиломъ ничего неприязненнаго не предпринимашъ проптиву Лиссабона, ошвѣпсшвовалъ Французскому Маршалу, сколько можно учшвивѣ, что въ слѣдшвіе повелѣніа Императора Наполеона и въ защиту чести флага Россійскаго, онъ долженъ бытъ готовъ на каждую минушу опразить всѣми силами непріятельское нападеніе, а поэтому, къ крайнему сожалѣнію, не можешъ удѣлить ему людей не ослабивъ себя самага, шѣмъ паче, что малое ихъ число было бы для него бесполезно, и вмѣсто помощи, по незнанію языка, болѣе обременительное.

Вскорѣ послѣ сего Маршалъ Жюно принужденъ былъ собрашъ въ одно мѣсто войска свои и всѣми наличными силами напасъ на Англичанъ 5 Августа при *Ролейѣ* и 9-го при мѣспечкѣ *Велейро*; но по упорномъ сраженіи будучи разбишъ опспунилъ къ Лиссабону, гдѣ возмущившійся народъ посшавилъ его въ затруднительное положеніе. 12-го числа Мар-

шалъ Жюно для заключенія общей капишуляціи съ Англинскими Главнѣкомандующими сухопутныхъ и морскихъ силъ, пригласилъ Сенявина въ *Каскайо*; 16-го числа увѣдомилъ, что соглашеніе въ *Каскайдъ* не состоялось и 19-го Августа Жюно сообщилъ капишуляцію, заключенную имъ въ *Цинтръ* съ Англинскимъ Генераломъ *Далригглемъ*, по обстоятельствамъ весьма для себя выгодную. Въ числѣ статей сей капишуляціи, седьмая была слѣдующаго содержанія:

„Неутралишеть Лиссабонскаго порта для Россійскаго флота долженъ быть признанъ, что если, когда Англинская армія или флотъ, займешь городъ и портъ, то Россійскій флотъ не долженъ быть обезпокоенъ въ продолженіи его пребыванія въ сей гавани, ни, же остановленъ, когда бы оный пожелалъ ее, оставишь, ниже преслѣдованъ, когда бы оный, вышелъ въ море, до окончанія 48 часоваго срока, по положенію общаго морскаго закона, принятаго воюющими народами.“

Въ силу прочихъ статей сего договора, съ великимъ неудовольствіемъ принятаго Англинскимъ Правительствомъ и народомъ, Францускія войска должно было перевезши въ ближайшій портъ Франціи, безъ всякаго условія въ разсужденіи ихъ будущей службы, а Португальскія крѣпости немедленно сдать Англинскимъ войскамъ.

20-го Августа Адмиралъ Кошоновъ, не ушвердивъ седьмой статьи капишуляціи, объ-

являть Сенявину о невозможности признать и упральнымъ Лиссабонскій поршъ, ни въ тогдашнемъ его сосшоянїи, ни по выходѣ изъ онаго (Французовъ. На другой день на крѣпостяхъ Сан-Жуліанъ и Вужіа подняшы были Англинскіе флаги, а пошомъ и крѣпосшь Белемъ (*) была шакже занята непрїятедемъ. Въ семъ крайне зашруднишельномъ положенїи, когда эскадра наша была окружена съ моря (**) и сухаго пуши чрезмѣру превосходными силами, Адмираль призвавъ Капитановъ кораблей, пребоваль мнѣнїя, что въ шакомъ крайнемъ случаѣ предпринять должно. Капишаны кораблей по общему согласїю объявили Адмиралу, что они согласны слѣдовашъ всякому его постановленїю. Дмипрїй Николаевичъ, поблагодаривъ за лестную довѣренность, опшвѣчалъ Капитанамъ: я предложу Англинскому Адмиралу договоръ; но какъ въ обспоятельстввахъ, въ какихъ мы находимся, невѣрояшно, чтобы какое либо соглашенїе, кромѣ безусловной сдачи, могло бышь принято, для спасенїя чести нашей, я не вижу другаго еще пуши, какъ сражашься по всей возможности.

Эскадра наша спшояла между крѣпосшью

(*) По заключенїи договора, на всѣхъ крѣпостяхъ поднягы были Португальскіе флаги.

(**) Англинская эскадра состояла, изъ 15 кораблей; 11 фрегатовъ 5 малкихъ военныхъ судовъ и 200 транспортвъ.

Велемомъ и южнымъ берегомъ, въ двухъ линіяхъ полукруга, такъ что непріятельскій корабль нападая ни одинъ изъ нашихъ долженъ былъ бы сражаться вдругъ съ двумя и шремя кораблями; подходя же, надлежало ему выдержашъ огонь всей почти Россійской эскадры. Въ такой позиціи каждый былъ увѣренъ въ возможности дать сильный ошпоръ Англичанамъ, не смотря на то, что береговые башаремъ были опъ насъ ближе картечнаго выстрѣла. Офицеры и служилые, одушевленные мужествомъ, не думали объ опасности, съ нѣкоторымъ поржествомъ готовились къ смерти, не спускали глазъ съ непріятельскихъ кораблей и жаждали перваго выстрѣла. Въ продолженіи переговоровъ, каждый, мучимый неизвѣстностію, горѣлъ нещепъніемъ сразиться, и при малѣйшемъ движеніи въ непріятельскомъ флотѣ восклицалъ: Англичане снимаются, идугъ наконецъ, слава Богу! Но послѣ щетнаго помпительнаго ожиданія, продолжавшагося цѣлые три дня, опъ Главнокомандующаго ошданъ былъ приказъ слѣдующаго содержанія:

Превратныя обстоятельства Поршугальскаго Королевства доставили наконецъ Англичанамъ совершенную власть надъ Лиссабонскимъ поршомъ. Адмиралъ Копшонъ объявилъ мнѣ, что онъ не признаетъ сего Порша неупральнымъ, ни тогда, когда онъ былъ занятъ Французами, ни по выходѣ ихъ изъ онаго. Французскій Главнокомандующій Дюкъ д'Абраншесъ 19-го минувшаго Августа заключилъ

капитуляцію на оставленіе города во власть Англичанамъ, и шѣмъ положеніе эскадры нашей содѣлалось спѣсняемо непришелемъ какъ съ моря, такъ еще преимущественнѣе съ сухаго пути гораздо превосходнѣйшими силами.

Всякъ благомыслящій ясно разумѣлъ въ то время, что къ спасенію эскадры не оставалось другаго средства, какъ согласишь съ непришелемъ договоръ, который былъ бы сопряженъ съ честью и пользою Государя Императора, ошечесства и личности нашей. На сей конецъ прѣдупѣдомилъ я о всемъ томъ Господь Командующихъ кораблями и фрегатомъ, которые, по доспапочному разсужденію, были согласны слѣдовать моимъ поспановленіямъ. Сосшавленные мною спашьи договора ушверждены и Англинскимъ Адмираломъ минувшаго Августа 23 числа. Для свѣденія по командамъ оный при семь прилагається.

Статьи договора, заключеннаго между Вице-Адмираломъ Сенявнымъ, Св: Александра Невскаго и другихъ Россійскихъ Орденовъ кавалеромъ и Адмираломъ Баронетомъ Карломъ Коттономъ.

Первая. Военные корабли Россійскаго Императора, споящіе нынѣ въ Таго и означенные поименно въ приложенной при семь шабели, имѣющіе бытъ ошданы Адмиралу Сиру Карлу Коттону непосредшвенно со всѣми ихъ принадлежностями, какъ нынѣ сосшоятъ, для

отправленія въ Англію и содержанія оныхъ шамъ подъ сохраненіемъ его Британскаго Величества, кои имѣютъ бытъ возвращены чрезъ шесть мѣсяцовъ по заключеніи мира между его Британскимъ Величествомъ и Императоромъ Всероссійскимъ.

Вторая. Вице-Адмиралъ Сенявинъ, съ Офицерами, машровами и морскими солдатами, находящимися подъ его начальствомъ, возвратишся имѣютъ въ Россію безъ всякаго условія или распоряженія о будущей ихъ службѣ, и будущъ шуда отправлены на военныхъ корабляхъ, или на другихъ приличныхъ судахъ на иждивеніи его Британскаго Величества.

Заключено и подписано на кораблѣ *Твердолюбъ* въ Таго; и на кораблѣ *Гиберни* при устьѣ Таго ^{23 Августа}
_{3 Сентября.}

подпи- } *Сенявинъ.*
сано } *Котлонъ.*

Скрѣпилъ: по повелѣнію Вице-Адмирала
Засѣбъ, Коллежскій Ассессоръ.

Скрѣпилъ: по повелѣнію Адмирала,
Жалеобъ Меннеду, Секретарь,

На другой день сверхъ сихъ спашей утверждены начальствующими эскадръ слѣдующія двѣ дополнителныя:

Третья. Флаги Его Императорскаго Величества на Вице-Адмиральскомъ кораблѣ и на другихъ корабляхъ не спускашь, покуда не оставишь перваго Адмиралъ и другихъ Ка-

питаны съ должными или слѣдуемыми имъ почестями.

Четвертая. Позаклученіи мира корабли и фрегаты будутъ возвращены Его Величеству Императору Всероссійскому, въ томъ же почно состояніи, въ какомъ онѣ нынѣ сданы (*). Изъ числа десяти кораблей, Ярославъ и Рафаиль останутся здѣсь на рѣкѣ Таго, а Экипажи ихъ размѣщаясь на кораблѣ, слѣдующіе въ Англию.

Сія двѣ статьи будутъ почищаться яко составляющими часть соглашенія, заключеннаго и подписаннаго ^{23 Августа} _{3 Сентября}. Въ удостовѣреніе чего мы подписываемъ двѣ совершенно сходныя копіи. Заключено и подписано на кораблѣ Твердомъ въ Таго и на кораблѣ Гиберни при успѣхъ сей рѣки ^{24 Августа} _{4 Сентября} 1808 года.

(*) Корабли Сильный и Мощный прибыли въ Крошштадъ въ 1813 году. За прочіе пять кораблей и фрегатъ Англиское Правительство, не смотря, что корабли сіи совершенно сгнили (что конечно случилось бы съ ними и въ Россіи) заплатило такую сумму, чего бы оныя стоили новые; пушки и годные снаряды привезены на мѣсть цѣлѣмъ, возвратившемся изъ Англии въ 1813 году.

Корабли, заключающіеся въ договорѣ:

Имена кор.	Имен.	Капитан.	Чис.	пуш.	Чис.	Эк.
1) <i>Твердый</i>	Кап.	1 р. Малъевъ		84	—	736.
2) <i>Скорый</i>	Кап.	1 р. Шеллингъ		64	—	524.
3) <i>Св. Елена</i>	Кап.	1 р. Ив. Быченскій		74	—	598.
4) <i>Селафайлъ</i>	Кап.	2 р. Рожновъ		74	—	610.
5) <i>Ярославъ</i>	Кап.	2 р. Митьковъ		74	—	567.
6) <i>Ратвицанъ</i>	Кап.	2 р. Ртвицевъ		66	—	549.
7) <i>Сильный</i>	Кап.	Лей. Мальгинъ		74	—	604.
8) <i>Мощный</i>	Кап.	Лей. Развозовъ		74	—	629.
9) <i>Рифманъ</i>	Кап.	Лей. Быченскій		84	—	646.
10) <i>Фр. Кильдюинъ</i>	Кап.	Лей. Дурновъ		32	—	222.

и того 700. пуш. 5685 человекъ,

Сохраненіе чести флага, для славы Государя необходимое, есть предметъ великой важности, драгоценный для Генерала, солдата и всякаго сына Ошечества. Въ обшпельствахъ, въ какихъ эскадра наша находилась, чипашели мои могутъ ясно видѣшь, въ какой опасности была честь флага Россійскаго, и если служившіе на военномъ поприщѣ и знающіе, чпю значить потеряшь знамя или флагъ, съ удовольствіемъ прочтуть сей достопамятный Лиссабонскій договоръ, копорый по смыслу спашей едвали соглашеніемъ назвать можно, по конечно уразумѣють они изъ того, что единспвенно рѣшимости, искуству вестъ перегоры, а наиболѣе личному къ Сенявину уваженію непріятели, обязаны мы и попомство наше спасеніемъ чести

флага, шой славы, для пріобрѣшенія копорой мы охотно жершвуемъ жизнию и ищемъ смерти съ радостію. Въ военныхъ дѣйствіяхъ пріобрѣщенные выгоды измѣряюся пошерею непріятельскою; но часто и пошь и другой присвоиваюшь себѣ побѣду; почему сличеніе публичныхъ акшовъ воюющихъ державъ еспь вѣрное мѣрило испинны реляцій. По уваженію сему, дабы соопечественники мои могли почерпнушь удовольствіе свое изъ огорченія непріятелей нашихъ, я предлагаю здѣсь выписку изъ публичныхъ Англинскихъ бумагъ, поднесенныхъ Королю для сужденія въ Парламентѣ (*):

„Извѣстіе о побѣдахъ, одержанныхъ въ
 „Поршугалліи Сиромъ Аршуромъ Велеслеемъ
 „17 и 21 Августа н. ст. приняты были наро-
 „домъ всѣхъ состояній съ восторгомъ, но при
 „появленіи *трезвыгайной газеты*, въ коей объ-
 „явлено было объ освобожденіи Поршугалліи
 „ошь Французовъ и о взятіи на сбереженіе
 „Россійской эскадры, неудовольствіе публики
 „было неописанно. Потеря сраженія чрезъ из-
 „мѣну не произвела бы столько толковъ,
 „столько уничижительныхъ разсужденій

„Что опорожненіе Поршугалліи еспь пред-
 „мешъ великой важности, сего никакъ оп-
 „вергнушь не можешъ: но что бы побѣдоно-

(*) Помѣщенные въ морскомъ Хронологическомъ журналѣ.
 Смотри Naval chronicle 20 тома страницы 229 и 362.

„свая армія должа позволишь разбишому не-
 „пріятелю въ числѣ 15,000, когда Вришанская
 „армія сосполя изъ 32,000, ошправившись
 „съ оружіемъ, аммуницією, со всею частною
 „и казенною собствѣнносноію, пріобрѣшенною
 „грабительствомъ, и что бы сверхъ того
 „должно было перевести сихъ мародеровъ въ
 „ихъ опечесство, дабы они могли бытъ не-
 „медленно употреблены прошиву насъ или на-
 „шихъ союзниковъ, поиспийнѣ сіе каждому
 „должно казаться очень непоняшнымъ.“

„Пріяніе Россійскаго флота *подъ со-*
 „храненіе, для безусловнаго возвращенія по
 „заключенію мира, еще болѣе того удивитель-
 „но. Препровожденіе же, на нашемъ щестѣ и
 „содержаніи въ Рускіе гавани офицеровъ и ма-
 „просовъ, дабы они неукоснительно могли дѣй-
 „ствовать прошиву нашего храбраго и благород-
 „наго союзника Короля Шведскаго, есть дѣло
 „неслыханное и самая военная исторія не
 „предсавляетъ подобнаго примѣра.“

„Капитуляція, заключенная *объ Цинтѣрѣ,*
 „конечно есть самая непріяшная и невыгодная
 „для насъ; но есть ли бы Адмиралъ Коштонъ
 „согласно съ Генераломъ Дарлимплемъ призналъ
 „и утвердилъ седьмую спашью сей капиту-
 „ляціи, шо Россійскій флотъ не могъ бы ус-
 „кользнуть изъ нашихъ рукъ. Коштонъ желая
 „опличиться въ искуствѣ переговоровъ, предъ
 „извѣстнымъ и прославившимся въ диплома-
 „тическихъ шонкосяхъ Россійскимъ Адмира-
 „ломъ ошвергнулъ помянутую седьмую спашью

„я подписалъ морской договоръ, чрезъ кото-
 „рый гораздо болѣе, нежели Циншрскою ка-
 „пишуляціею унижена національная честь, и я
 „(*) смѣю утверждать, что есшли бы седь-
 „мая спашья была Кошшономъ исполнена,
 „шо мы выиграли бы несравненно больше,
 „нежели чрезъ его Лиссабонскій договоръ.
 „Разсмотримъ обстоятельство сего дѣла: Рос-
 „сійскій флотъ вошелъ въ Таго, когда Принцъ
 „Регенсъ имѣлъ еще власть, слѣдовательно
 „онъ былъ поршъ неутральный, а какъ поршъ
 „сей, не смотря на шо, что временно занялъ
 „былъ Францускими войсками, всегда принадле-
 „жалъ Португаліи, донынѣ въ союзѣ съ Рос-
 „сіею состоящей, шо посему какъ до вспун-
 „денія Францускихъ войскъ въ Лиссабонъ,
 „шакъ и по освобожденіи онаго, во время мор-
 „скаго договора мы должны почитать его неу-
 „тральнымъ. Принявъ сіе во основаніе, поло-
 „жимъ теперь, что Рускому флоту позволили бы
 „выйти въ море и не погнались бы за нимъ
 „прежде 48 часовъ, тогда одно изъ слѣдую-
 „щихъ обстоятельствъ было бы неминуе-
 „мымъ послѣдствіемъ. Наша Лиссабонская эс-
 „кадра могла бы догнашь оный или нашъ Ка-
 „нальный флотъ, или крейсующій въ Нѣмец-
 „комъ морѣ, или наконецъ нашъ Балтійскій
 „флотъ или Шведскій, могли бы встрѣшшишъ

(*) Лордъ Меръ Градоначальникъ Лондона.

„ся съ нимъ. Положимъ и тѣд, что Россійская эскадра счастливо преодолѣла бы всѣ препятствія, избѣгнула бы бдительности нашихъ крейсеровъ, даже разбила бы всѣ наши флоты, и благополучно прибыла бы наконецъ въ Кронштадтъ; по по крайней мѣрѣ Россійскій Адмиралъ пришелъ бы туда на собственномъ, а не нашемъ содержаніи. Сверхъ того мы не должны были бы ломать вѣшкіе Рускіе корабли въ своихъ портахъ и плашки за нихъ какъ за новые, не обизаны были бы содержать люго непріателя, который къ уничтоженію достоинства Великобританіи съ развѣвающими флагами въ торжествѣ пришелъ въ нашъ портъ.

„Во всѣхъ отношеніяхъ Цинтарскій и Лиссабонскій договоры не подають ни малѣйшаго утѣшенія, и какъ подробности оныхъ, такъ и все цѣлое, чрезъ мѣру безславны и уничтожительно для цѣлой націи.

„Сирь Келдеръ (Адмиралъ) за совершенную побѣду (*), по приговору военнаго суда, получилъ выговоръ; а теперь, спустя не много лѣтъ, человекъ, столь совершенно побѣжденный (vanquished) Сенявинымъ, еще начальствуешь ненаказанно? Честь націи ошъ того жестоко спраждаетъ и ешлы въ со-

(*) Келдеръ, разбивъ Французкую эскадру, сужденъ былъ за то, почему онъ, имѣя возможность взять всѣ корабли, допустить, что нѣсколько оныхъ ушло.

„браніи Парламенша, не будетъ изслѣдовано
 „поведеніе Главнокомандующихъ Далримпеля
 „и Кошшона, по я желалъ бы, что бы Члены
 „Парламенша послѣ спрогаго и безпристра-
 „стнаго сужденія, наказавъ преступленіе, из-
 „бавилия себя ошъ справедливаго нареканія.“

По сему представленію Лорда Мера, Далримпль опданъ подъ военный судъ и смѣненъ Велеслеемъ (нынѣшнимъ Герцогомъ Веллигтономъ), командовавшимъ передовымъ войскомъ. Велеслей, по повелѣнію главнокомандующаго, подписалъ капитуляцію, протесповаль прошиву оной. Примѣръ шаковаго почнаго повиновенія начальству было первымъ шагомъ славныхъ подвиговъ Герцога въ Португалліи и Испаніи. Оправданіе Кошшона, по общеспельсшвамъ того времени и доводамъ, въ ономъ приведеннымъ, сполько любопышно, что я не излишнимъ счишаю сдѣлать изъ онаго крашкую выписку.

„Выгоды Англіи и Россіи сопряжены не-
 „разрывно. Пешръ Великій и Пипштъ шакъ
 „думали; благомыслящіе любилели Опечеспва
 „обѣихъ націй въ шомъ согласны, опыты до-
 „казали намъ пользу союза съ Россією; —
 „опышъ же надѣюсь покажетъ, что нынѣшняя
 „война не принесешъ Россіи, а еще менѣе
 „Англіи, ни славы и никакой выгоды. Россія
 „и Англія, по Географическому, даже нрав-
 „спвенному опношенію, не могутъ и не дол-
 „жны бышъ соперницами, и, какъ двѣ сеспры
 „имѣюшъ нужду шолько во взаимной любви

*

„и уваженіи. Истинные патриоты съ край-
 „нимъ сожалѣніемъ и прискорбіемъ приняли
 „перемѣну, вопреки политической нашей
 „связи съ Россією послѣдовавшую. Мы лиши-
 „лись послѣдняго и вѣрнаго друга. Россійскій
 „народъ, съ такимъ безкорыстіемъ проливав-
 „шій кровь свою для защиты общаго дѣла,
 „пріобрѣлъ столько правъ на нашу къ нему
 „благодарность и удивленіе, что не смошря
 „на разрывъ дружественныхъ связей, неблаго-
 „разумно было бы, какъ я думаю, отчуждашь
 „отъ себя пріязнь могущественнаго народа.
 „Націи, бывшія однажды въ войнѣ, никогда
 „уже послѣ не могутъ быть искренними
 „друзьями. Проливая кровь и въ побѣдишелѣ
 „и побѣжденномъ посѣетъ сѣмя вражды: оно
 „произрастетъ, дастъ горкіе плоды и сопер-
 „ничество въ славѣ обратится со временемъ
 „въ ненависть.“

„Служивъ до старости съ полнымъ усер-
 „діемъ моему Отечеству, я увѣренъ и надѣюсь,
 „что никто не упрекнетъ меня уклоне-
 „ніемъ отъ нападенія на Россійскую эскадру,
 „которая, не смошря на похвальное мужество
 „воиновъ, не смошря на рѣшительность пред-
 „водителя ихъ, объявившаго мнѣ готовность
 „защищаться до крайности, должна бы была
 „безъ сомнѣнія уступитъ превосходной силѣ
 „или погребсти себя въ Таго. Скорое опорож-
 „неніе Португалліи не позволяло медлить;
 „швердось непріятельскаго Адмирала заста-
 „вила ожидать печальныхъ слѣдствій его

„отчаяннаго мужества; сраженіе, долженство-
 „вавшее произойти, шакъ сказать, въ самомъ
 „Лиссабонѣ, должно было причинить жителямъ
 „значительный убытокъ, столица могла бытъ
 „битвы двухъ флотовъ испреблена бытъ ог-
 „немъ. По симъ причинамъ я утвердилъ прис-
 „ланый отъ Сенявина договоръ— и не упрекая
 „совѣсью моею во личному уваженію къ свой-
 „ствамъ его, не усомнился подписать двѣ
 „дополнительныя статьи о неприкосновеннос-
 „ти и должной почести Россійскому флагу.
 „Благородное и благоразумное поведеніе Сеня-
 „вина въ продолженіи десяти тысячнаго пре-
 „быванія его въ Лиссабонѣ, безпрепятственный
 „пропускъ Принца Регента въ Бразилію, до-
 „вѣренность, приобретенная имъ въ Порту-
 „гальскомъ народѣ, мое и Капитановъ, подъ
 „моимъ начальствомъ состоящихъ, къ нему
 „почтеніе убѣдили меня согласиться на нѣко-
 „торое должное къ достоинству его уваженіе.
 „Честь Россійскому флагу, честь нашимъ недру-
 „гамъ, оказанная предъ лицомъ Бришаніи, пове-
 „дательницы морей, да будетъ жервою при-
 „напелности Англинскаго народа къ Россійс-
 „кому. Докажемъ свѣту, что характеръ Бри-
 „панцевъ еще не измѣнился, докажемъ, что
 „мы умѣемъ отдавать справедливость и не-
 „пріятелю! Но вопли народа меня обвиняютъ,
 „— съ покорностію ожидаю безприсрашнаго
 „суда его, и надѣюсь, что просвѣщенные Па-
 „приоты, просиравя взоръ свой на будущую
 „перемѣну политическихъ обстоятельствъ, не

„помрачашъ чести моеи и моего ревностнаго
„служенія Ошечеству.“

Кошпонтъ, какъ извѣстно былъ оправданъ и не вскорѣ лишился начальства, во попомъ перемѣненъ былъ и мѣсто его заступилъ Вице-Адмиралъ Берклеи; только Лорды Адмиралтейства отъ 17 Сентября Н. С., вѣроятно прежде его оправданія, дали ему на замѣчаніе, что по заключенной уже капитуляціи, не должно было ему подписывать двѣ дополнителныя спашы.

*Продолженіе дѣйствій Россійской эскадры въ
Портсмутъ. Поднесеніе Сенату вазы. При-
бытіе въ Ригу.*

Въ слѣдствіе Лиссабонскаго договора, Экипажи съ кораблей Ярослава и Рафаила размѣщены были на прочіе корабли. При съѣздѣ Капитановъ флаги и вымпелы были спущены съ должною почестью. Для сдачи сихъ двухъ кораблей, оставлены были содержатели матеріаловъ и Ревизоръ съ 30 человѣками мащросовъ. 31 Августа Россійская эскадра оставила Лиссабонъ. На корабляхъ нашихъ, проходя корабль Английскаго Адмирала, спавили людей по вантамъ, равноѣрною Англинскіе корабли отдавали шакуюже почесть нашему Адмиралу. При усшѣ Таго, Англинская эскадра, бывшая подъ начальствомъ Кониръ-Адмирала Тиллера и состоявшая изъ 7 кораблей, 2 фрегатовъ и 1 брига, соединилась съ нами и построилась подъ

въстрой нашой эскадры въ линію. Въ продолженіи плаванія, на эскадрѣ Сенявина развѣвалъ Императорскій флагъ; Англинскій Адмиралъ усущуалъ Сенявину старшинство и отдавалъ ему почести первый. 26 Сенября, лавируя и подходя къ Портсмуту, на корабляхъ нашихъ подняли флаги. Эскадра Тиллера сдѣлала поже; но на Англинскихъ, корабляхъ, влоявшихъ на рейдѣ, и на крѣпостяхъ флаги спустили. На другой день поутру, слѣдуя кораблю Адмирала Монтегю, гладнаго Командира Портсмутскаго порша и на нашей эскадрѣ вмѣстѣ съ Англинскими кораблями подняны были флаги при барабанномъ боѣ. Небывенное зрѣлище видѣшь непріяшельскій флагъ развѣвающимъ въ своемъ портѣ, не понравилось гордому Англинскому народу. Морские Офицеры такое уваженіе Россійскому флагу почипали уничиженіемъ могущества Британскаго на моряхъ. Правительство, дабы не раздражишь народа, не публиковало послѣднихъ статей, составляющихъ дополнителные пункты соглашения; но когда въ Лондонѣ узнали о прибытіи въ Портсмутъ Россійской эскадры подъ своимъ флагомъ, по одиштому не вѣрили, другіе спѣшили видѣшь явленіе, какого никогда не бывало. Разглашеніе о семъ и огорчителные толки произвели явный ропощъ, и Король, по дошедшимъ ко нему неприяшнымъ слухамъ, чрезъ Министра морскихъ силъ прислалъ Сенявину слѣдующую вошу.

„Адмиралъ Кошшонъ, по заключеніи пер-
 „выхъ двухъ спашей Лиссабонскаго договора,
 „не имѣлъ права подписывать двѣ дополни-
 „тельные къ оному спашьи. Его Британское
 „Величество не признаеть двухъ смхъ спа-
 „шей дѣйствительными и не можешь позво-
 „лить, что бы въ его гавани развѣвалъ не-
 „пріятельскій флагъ; почему Россійская эска-
 „дра долженствуетъ снять свои флаги, и
 „вмѣсто оныхъ, до отпѣзда въ Россію, имѣю-
 „щаго въ скоромъ времени послѣдовать, ни
 „какихъ не поднимаешь. Ваше превосхо-
 „дительство приглашаешесь прѣхать въ Лон-
 „донъ, Капитаны же ваши имѣютъ позволе-
 „ніе сойти на берегъ или жить на корабляхъ
 „до возвращенія въ Россію.“

подписали :

Лордъ Мульгравъ
Бардъ
Доментъ.

Сенявинъ не могъ не догадаться, что
 правительство Англинское, ошринувъ часть
 договора, имѣеть въ виду воспользоваться
 самомаѣйшимъ его упорствомъ, и чрезъ
 то получишь причину къ уничтоженію
 и всѣхъ спашей онаго; почему и отвѣчалъ
 Лорду Мульграву въ слѣдующихъ выраженіяхъ:
 „Я никогда не могъ сомнѣваться, что
 „бы подписавшій Лиссабонскій договоръ не
 „имѣлъ отъ Англинскаго правительства
 „доспашочнаго уполномочія; почему непризна-

„ніе его Брипанскимъ Величествомъ дѣйспви-
 „пельными послѣднихъ двухъ дополнишель-
 „ныхъ спашей, шѣмъ болѣе приѣмлю я съ
 „удивленіемъ и огорченіемъ, что онѣ раши-
 „фрированы Адмираломъ Копшономъ вмѣстѣ
 „съ первыми и ооспавлиють часпъ неопѣ-
 „дѣльную опъ наспоющаго договора. Съ моей
 „спороны я выполнилъ всѣ условія свяшо.
 „Находясь въ портѣ и владѣніи Англинскомъ,
 „не могу не исполнить воли его Королевскаго
 „Величспва: почему и дальнѣйшее исполне-
 „ніе договора зависишь теперь опъ Англин-
 „скаго Минисперспва; всякое другое объясне-
 „ніе по сему предмету излишнимъ почишаю.
 „Приглашеніемъ пріѣхашь въ Лондонъ восполь-
 „зовашься не могу, равно и Капитанамъ мо-
 „имъ не нахожу приличнымъ жишь на берегу.

Сенявинъ.

Адмиралъ Моншегю, по ревности ли къ
 службѣ, или поданному наспавленію, требоваль
 немедленнаго исполненія въ слѣдствіе отно-
 шенія Лорда Мульграва, и угрожалъ, что
 если Сенявинъ не спуспитъ своего Ад-
 миральскаго и другихъ корабельныхъ фла-
 говъ прежде захожденія солнца, то онъ опо-
 шлешь его на берегъ и никогда не позво-
 лишь поднишь флага въ другой разъ. Дими-
 шрій Николаевичъ опвѣчалъ на сіе: „во владѣ-
 ніяхъ Короля воля его прошивишься не могу;
 почему въ обыкновенное время по захожденіи
 солнца съ должными почесшами корабель-

крыты были переговоры о мирѣ, въ чайнѣмъ отличнаго приѣма, онъ просилъ позволенія приѣхать въ Петербургъ, — Сенавинъ по той же причинѣ отказался видѣть Лондонъ. Какое самонадѣяніе и какая скромность видна въ характерахъ двухъ Адмираловъ.

1 Октября, при отношеніи Лорда Мульграва, являясь Сенавину Коммисаръ *Мекензи*, назначенный Англинскимъ правительствомъ для приведенія въ исполненіе подробностей Лиссабонскаго договора; на негоже возложено было попеченіе о содержаніи эскадры. Во первыхъ свеземъ былъ порохъ на берегъ, потомъ эскадра перешла къ острову Вайту, гдѣ на *Модеръ-баннѣ* и спала Фершоингъ (*). На зиму для облегченія кораблей и свободнѣйшаго размѣщенія служившихъ сложены въ магазейны паруса и артиллерія.

Настоянія Сенавина, для положенія безнужнаго содержанія Офицерамъ и служившимъ, принятіе больныхъ въ госпитали и тому подобныя требованія, были безъ труда удовлетворяемы; но побужденіе къ скорѣйшему отправленію экипажей въ Россію сподобило ему многихъ непріятностей, великихъ безпокойствъ и произвело щекошливую переписку, продолжавшуюся до самаго отъѣзда изъ Англїи: шо отклоняли отправленіе за немѣнїемъ судовъ, шо располагались перевезшъ

(*) На двухъ якоряхъ.

экипажи въ Архангельскѣ, по дѣлали несообразныя предложенія, какъ по: оставленіе достаточнаго числа служившей для храненія кораблей и принадлежностей оныхъ до заключенія мира. Наконецъ Англинское Правительство ошклавывало ошправление по причинѣ продолжавшейся еще Шведской войны. На послѣднее Сенявинъ представлялъ, что сіе не можешь касаться до него; ибо когда заключенъ былъ договоръ, по Адмиралъ Кошпонтъ извѣщенъ уже былъ о войнѣ Россіи съ Швеціею,

Въ концѣ 1808 и въ началѣ 1809 годовъ, Англичане ошправляли въ Испанію войска. Почти безпрестанно прихбидло и ухбидло въ море по 200 и 500 транспортовъ. 1 Февраля 1809 года прибыли изъ Лиссабона оставшіеся шамъ для сдачи кораблей Рафаила и Ярослава Офицеры и мапрозы. 18 Апрѣля Англинскій фрегатъ, при свѣжемъ вѣтрѣ лавируя въ Нидельскомъ проливѣ, спалъ на мѣль у ошрова Вайша. Онъ пребовалъ сигналами скорой помощи изъ Портсмута, вода была погда въ самомъ почти возвышеніи и оспавалось нѣскольکو минушь до гибельнаго положенія сего фрегата. Въ то самое время сигналомъ съ корабля Твердаго велѣно шерпящему бѣдспвіе подашь помощь. Съ немалымъ шрудомъ и опасностію, въ корошкое время фрегатъ нашими людьми былъ снятъ съ мѣли. Адмиралу Кормесу поручено было благодарить Сенявина ошъ лица прави-

шельства. Почтенный шарикъ, прибывъ на корабль Твердый, съ радосію изъявилъ Сенявину признательность народа и между прочимъ сказалъ ему, что Англія почишаетъ его другомъ своимъ. Сенявинъ, шоль лестную, многозначущую признательность пріналъ съ должнымъ благоговѣніемъ.

Вошъ еще знакъ особенной признательности Англинскаго Правительсва къ Д. Николаевичу. Фрегатъ Спѣшный отправленъ былъ изъ Кронштада съ деньгами и разными вещами, пошребными на содержаніе арміи и флота въ Средиземномъ морѣ бывшихъ. Капитанъ фрегата, по прибытіи въ Поршсмушъ, извѣстясъ, что эскадра наша возвращается въ Россію, оспановился ожидать оной на мѣстѣ. Между тѣмъ послѣдовалъ разрывъ и фрегатъ взяли въ плѣнъ. На немъ былъ серебряный сервизъ, адресованный Адмиралу Сенявину. Англинское Правительсво, токмо по личному уваженію, повелѣло выключить оный изъ числа призовъ, яко собственность Сенявина и доставить ему. Англинскіе Офицеры, имѣвшіе случай заслужить вниманіе Сенявина, искали его покровительсва, которое съ такимъ уваженіемъ было принимаемо, что доставляло имъ награду или какое либо опличіе. 20 Апрѣля, начали сдавать корабли по описи; 18 Маія 36 транспортовъ назначены были для перовозу командъ въ Россію.

Предъ отпѣздомъ, нѣкоторые Офицеры предложили засвидѣтельствовашъ Сенявину

общую къ нему благодарность публичнымъ актомъ. Не ужели, говорили они, съ славнымъ нашимъ начальникомъ разспанемся мы равнодушно? Нѣтъ, возразили другіе, одной признательности недоспашочно:—поднесемъ ему вазу, которая была бы его достойна и соразмѣрна той степени усердія и признательности, съ какою мы желаемъ засвидѣтельствовать ему свои чувствованія предъопечествомъ и свѣтомъ. Мнѣніе сіе приняло было съ радостію и единодушно. Тотчасъ приступили къ исполненію; собрали доспашочную сумму съ каждаго поровну, выбрали депушатовъ, коимъ поручили сочинить рѣчь, составить рисунокъ, придумать украшенія и проч.; а до тѣхъ поръ, пока ваза будетъ готова, дали слово содержать намѣреніе сіе въ тайнѣ, дабы нечаянностію опклонить отказъ и прилично удивить Главнокомандующаго. Полковника Вакселя, находившагося въ Лондонѣ, просили изъ многихъ рисунковъ, по совѣту знаменитѣйшихъ художниковъ, не щадя издержекъ, выбрать или сочинить лучшій. Г. Ваксель охотно принялъ на себя всѣ попеченія, чиновники нашей Миссіи и многіе путешественники, остававшіеся въ Лондонѣ, также приняли дѣятельное въ томъ участіе. Составленіе рисунка и работавызы, поручена славнѣйшимъ въ Лондонѣ Академикамъ и Ювелирамъ. По признанію одного изъ нихъ, наша ваза, какъ во вкусѣ, такъ, отдѣлкѣ и изобрѣшеніи эмблемъ, далеко превосходитъ вазу,

поднесенную Лорду Нельсону. Такое подношеніе не только достопамятно, какъ ошличный знакъ усердія подчиненныхъ къ Начальнику; но паче примѣчательно какъ первый примѣръ сего рода въ Россійскомъ флотѣ, примѣръ важный для потомства, равномѣрно къ чести Начальника и подчиненныхъ относящійся. Многія вазы могутъ бытъ и богаче и дороже; но подаренная Сенявину украшается наиболѣе мыслями и чувствами столь рѣдко заслуживаемой общей признавательности, любви, уваженія и преданности. Видя, что до опозданія въ Россію, ваза не могла бытъ готова, рѣшились они поднести общоупешельный рисунокъ оной.

1 Іюня, когда Сенявинъ всего менѣе ожидалъ какой либо нечаянности, видишь, что со всѣхъ кораблей Капитаны съ Офицерами въ полномъ мундирѣ ѣдутъ къ его кораблю. Не зная чему приписать такое движеніе, Дмитрій Николаевичъ спросилъ, что бы сіе значило? Но вдругъ избранные Депутаты Капитаны П. М. Рожновъ, Д. К. Мильковъ и Р. П. Шеллингъ входятъ; за ними, сколько могло помѣститься въ каютѣ, вошли Офицеры. Одинъ изъ Депутатовъ, къ принцуному изумленію Сенявина, отъ лица всего сословія привѣщиваетъ его слѣдующею рѣчью:

Ваше Превосходительство!

„Вы въ продолженіи четырехлѣшняго главнаго начальства надъ нами, во всѣхъ слу-

члхъ показали намъ доброе свое управленіе. Какъ искусный воинъ, будучи неоднократно въ сраженіи съ непріятелями, заставили насъ, какъ сотрудниковъ своихъ, всегда поржешшвовашъ побѣду. Какъ добрый ошець семейшва, вы имѣли о насъ попеченіе, — и мы не знали нужды, а заботу и шруды почитали забавою; вы оное видише на радоспныхъ лицахъ нашихъ.

Вы своимъ примѣромъ и насшавленіемъ ободряя за добро и умѣренно наказуя за вины, исправили наши нравы и ошогнали пороки, сопряженные съ молодосшію. Въ шомъ порукою наше поведеніе. Будучи въ спѣшенныхъ по несчасшію обшояшельшвахъ, вы ошврашили ошъ насъ всякой недосшашокъ, даже досшавили случаи пользоваться удовольшшвіями; — съ вами всегда мы были и еспь сшасшавы.

Теперь приближилось время возвращенія въ любезное наше ошечество, по прибышій куда окончшся и наше споль продолжштельное плаваніе; а можешъ быть, что по необходимости должны будемъ лишшшсь и вашего надъ нами начальшва. Слѣдовательно, ошасешся намъ шолько возблагодаршшь за всѣ ваши благодѣнія, но чѣмъ? Прославимъ ли васъ нашею похвалою? мы знаемъ, что прямо досшойный человекъ похвалъ удалешся; онъ любшшь похвалу заслужшвашъ, а не слушашъ. — Изъявшть ли вамъ наше почшеніе, нашу любовь? но онѣ давно уже обшашошъ въ серд-

цахъ нашихъ; вамъ шо извѣстно: да и кто въ помъ усомнишься можешь? Попычимся ли увѣрять васъ въ своемъ повиновеніи и преданности? Вы видѣли ихъ на дѣлѣ.

Когда народъ непросвѣщенный, не имѣющій другихъ правъ, кромѣ войны; другой надъ собою власши, кромѣ духовной, — и пошъ народъ (*) добровольно вамъ повиновался, почиталъ васъ и любилъ: такъ намъ ли съ нимъ равняться? Нѣтъ эшо для насъ неудовлетворительно! Мы хотимъ соорудить такой памятникъ, въ которомъ бы ваши и наши попомки могли видѣть и воспоминашь незабвенное добро, вами содѣланное. Мы такъ же хотимъ, что бы вамъ равные видѣли въ семъ памятникѣ достойный примѣръ добраго управленія; мы даже и шого хотимъ, что бы нашъ Всемилостивѣйшій Государь, узнавъ вашу къ вамъ приверженность, могъ видѣшь, сколь должна бышь велина наша къ Нему благодарность за поспавленіе надъ нами столь достойнаго Начальника; и наконецъ сами вы, смотря на оный, не безъ удовольствія вспомянуть будете о тысячахъ приверженныхъ къ вамъ сердець.

Сей памятникъ состояшь будетъ изъ вазы съ приличными на оной изображеніями. Скорость нашего отправленія не дозволяетъ намъ дожидаться полученія оной изъ Лондона,

(*) Черногорцы.

гдѣ она доканчивается; но по прибытіи нашемъ въ Россію, поручено вѣрному человѣку, по изгошовленіи доставить въ Санктпетербургъ, гдѣ мы будемъ имѣть удовольствіе Вашему Превосходительству оную поднести. (*) Нетерпѣніе наше такъ велико, что мы въ ожиданіи оной просимъ васъ благосклонно принять рисунокъ, представляющій видъ вазы съ описаніемъ наспоющаго изображенія, которое подаспъ вамъ вѣкоторую мысль о подлинникѣ. При семъ приложенъ списокъ Офицеровъ, изъявляющихъ вамъ сію благодарность и сіе начертаніе. Въ заключеніе всего оспается намъ желаніе, что бы Ваше Превосходительство все оное приняли опъ насъ благосклонно, и не сочли что либо лестію, а единственно изъявленіемъ вамъ усердія, любви и благодарности.

Описаніе вазы: Ваза вышиною полтора фуша, вылипа изъ серебра, украшенія изъ чистаго золоша, формы Эпирурской. На крышкѣ золошой орель съ Императорскою короною на главѣ, сидящій на кругломъ щипѣ, въ одной лапѣ держитъ Турецкую Луну, а другою опирается на щипъ, на кошоромъ вырѣзана слѣдующая надпись: *Въ память побѣды, одержанной Россійскою вьскадрою надъ Турецкиѣмъ флотомъ у острова Лейноса въ Архипелагѣ 1807 года Іюля 19-го дня.*

(*) До отъѣзда въ Россію ваза была готова и поднесена въ Портсмутъ.

Четыре змѣи во знаменованіе мудрости и вѣчности извиваясь составляютъ обѣ ручки вазы, и головами своими поддерживаютъ широкую золотую поясъ, на кошоромъ начерпана эмалью слѣдующая надпись: *поднесена Его Превосходительству Г. Вице-Адмиралу и Кавалеру Дмитрію Николаевичу Сеньявину Россійскими Офицерами, на эскадрѣ подѣ его начальствомѣ находившимся, во изъявленіе своего къ нему усердія, любви и благодарности. 1809 года.*

На срединѣ вазы двѣ золотыя вѣшви: одна изъ дубовыхъ, другая изъ лавровыхъ лисъевъ, во знаменованіе швердоспи и славы, съ одной спороны обвиваютъ золотое изображение Его Императорскаго Величества съ надписью: *АЛЕКСАНДРЪ I, 1807 годѣ, напоминающею побѣду при Лемносѣ подѣ благоденшвеннымъ царшвованіемъ сего Монарха одержанную. Съ другой спороны сіиже вѣшви обвиваютъ гербъ Вице-Адмирала Сеньявина.*

Нижняя конечность вазы украшена лисъями и цвѣтами *Лотуса*, (расшеніе, посвященное Непшуну и свойшвенное только водамъ Архипелажскимъ). На подносѣ при якоря, обвитые канатами, сходясь въ одно средопочіе, поддерживаютъ и служатъ ей основаніемъ.

Адмиралъ никакъ не ожидалъ шакого явленія; въ продолженіи рѣчи, смиреніе его боролось съ сердечнымъ наслажденіемъ; по окончаніи же оной, когда поднесли ему изображение вазы; онъ едва прерывисто могъ ошвѣчать: „Почтенные мои поварищи, — это уже

слишкомъ много — благородныя ваши чувствованія умиляютъ меня до глубины души — я не умѣю словъ — не умѣю вамъ объяснить мою признательность. . . . Но могу ли не принять сполнѣ неоцѣненнаго подарка — онъ будетъ сокровищемъ моимъ и единымъ завѣщаннымъ наследствомъ дѣшей моихъ. Едва Дмитрій Николаевичъ принялъ изображеніе вазы, клики ура! раздались на всей эскадрѣ. Офицеры просили попомъ удостоить принять отъ нихъ угощеніе. Теперь я въ вашемъ распоряженіи, отвѣчалъ Адмиралъ. Послѣ сего всѣ вышли. Между шѣмъ шканцы обратились въ залъ, красиво убранный флагами. Когда сѣли за столъ, хоръ пѣвчихъ, сопровождаемый оркестромъ музыки, пропѣли акроспихъ, шакже на сей случай сочиненный.

Се! кто присущствіемъ желанный,
 Единъ всѣхъ веселишь сердца?
 Начальникъ славою вѣнчанный,
 Являешь намъ собой Опца.
 Враговъ Россіи побѣдитель,
 И счастья нашего шворецъ,
 Надежда всѣхъ и покровитель,
 Мужъ незабвенный для сердець.

5-го Іюня Адмиралъ въ знакъ признательности давалъ Офицерамъ балъ и ужинъ. Праздникъ продолжался во всю ночь. Корабль *Твердый* предешавлялъ въ сіе время вѣчно необыкновенное. Освѣщенный фонарями, онъ

казался огромнымъ огненнымъ столбомъ, возникающимъ изъ моря. Шканцы обращены были въ великолѣпный залъ, убранный зеленью, вазами цвѣшовъ, картинами и разноцвѣтными флагами; Каютъ-кампанія и верхняя палуба до гротъ мачты, составляли двѣ залы, съ такимъ же вкусомъ убранныя. Буфешъ былъ особеннымъ образомъ устроень, бочки рому, лимонаду, поршеру, шеры, поршвейву и другихъ винъ висѣли на цѣпяхъ. Вахусъ, увѣнчанный виноградными листьями, чрезъ кранъ наливая бокалы, попчивалъ гостей. Въ нижней палубѣ, Конскапельская обращена была въ театръ. Такимъ образомъ корабль превращень былъ въ шрехъ-этажный домъ, въ коемъ ничто не походило на корабль. Кромѣ Англичанокъ украшали балъ и Россіянки, прибывшія изъ Лондона для отплытія въ опечество вмѣстѣ съ экипажами. Угощеніе было ишпанное Руское: удовольствіе хозяина, ловкость, вниманіе его ко всѣмъ, разливали на общество неприворное веселіе; всѣ были счастливы, павцовали, рѣзвились до свѣшу. Хоры пѣвчихъ, Рускія и цыганокія пляски, разнообразили занятіе, и гости, особенно Англичане, признавалися, что они ничего подобнаго сему не видали.

12-го Іюня, Команды, перебравшіяся на транспорты до встрѣпившейся въ оныхъ надобности для Англичанъ, снова перешли на корабли свои. Вскорѣ во кораблей, 15 фрегатовъ, 23 брига и 280 транспортовъ съ войсками отплыли въ Испанію. Наконецъ 31-го

Июля, Команды размѣстились на яг транспортѣ. Для Главнокомандующаго назначень былъ фрегатъ *Чаллионъ*. 5-го Августа оставили Поршмушъ. На другой день прошли Дувръ, на короткое время заходили въ Диль и Ярмушъ и 18-го прибывъ въ Кашегашъ за противвѣжымъ вѣшпромъ спали на якорь между островами Ангольшомъ и Есселемъ. Проходи Бельшомъ, по причинѣ шипины и мѣлей, часто спановились и снималиеь съ якоря и пользовались малѣйшимъ вѣшпромъ. 26-го Августа, къ конвою нашему, стоявшему на якорѣ у острова *Роисо*, прибылъ другой, состоявшій изъ 250 Англинскихъ и Шведскихъ судовъ. Англинскій Конпръ-Адмиралъ, сопровождавшій оный въ Балшійское море, предложилъ нашему Адмиралу изъ своей эскадры лучшей для помѣщенія фрегатъ *Тартаръ*, на который шопъ-же день Сенявинъ съ Шшабомъ своимъ и перешель. 28-го вспрѣшился съ другимъ конвоемъ изъ 200 судовъ, возвращавшимся изъ Балтики. 6-го Сентября къ виду Шведской Помераніи, нѣсколько судовъ, поднавъ Прусскіе флаги, ошдѣлились ошъ конвоя и пошли въ разныя споронъ. Такимъ-то образомъ, не смощри на бдишельность Наполеоновой таможенной спражи, взаимныя выгоды купцовъ или лучше народовъ, не могущихъ обойшиться безъ торговли, всегда находили способы промзводить оную хошя тайнымъ образомъ.

9-го Сентября, на вечеръ конвой прибылъ въ Ригу, и команда вступила на берегъ. Сия кончалась сія достопамятная для Россійска-

го флота кампанія. Въ продолженіи чепырехлѣшнихъ шрудовъ не однимъ бурямъ океана прошивуборшвуя, не однимъ опасносшямъ военнымъ подверженныя, но паче спеченіемъ полипшическихъ обсполшельшвъ неблагопріашшвуемыя, Россійскіе плавашели наконецъ благополучно возврашились въ свои гавани. Сохраненіе споль значштельного числа храбрыхъ, опышныхъ машрозовъ, во всякомъ случаѣ для Россіи весьма важно. Сенявшнъ исшшшилъ шакъ сказащъ въѣренныя ему морсшя силы изъ среды непріашелей шайныхъ и явшныхъ, и съ чеспію и славою возврашилъ ихъ Госудагю и ошечешву.

Эскадра Капитана Гешцена въ Тулонъ.

Капшшанъ 1-го ранга Гешценъ, пршявшн начальштво надъ двумя кораблями, св. Пешромъ и Москвою, получилъ ошъ Вице-Короля Ишаліянскаго Принца Евгенія своеручное пшсьмо и ошъ Францускаго Мшншстра морскшхъ силъ Декре (Decrés) офшціалное увѣдомленіе объ объявленной войнѣ Англіи, и вмѣшщъ съ онымъ извѣшсіемъ Имперашоръ Наполеонъ, находвшійся шогда въ Падуѣ, предложилъ эскадрѣ нашей для лучшей безопасности заблаговременно перейшн изъ порша Фераіо въ Тулонъ. Капшшанъ Гешценъ ошдалъ для исполненія сего предложенія подшвердштельного повелѣнія ошъ Высочайшаго нашего Двора, и для скорѣйшаго полученія нужныхъ насшав-

лений писалъ въ С. Петербургъ къ Морскому Министру П. В. Чичагову, въ Вѣну и Парижъ къ Посламъ нашимъ Князю Куракину и Графу П. А. Толстому. Секретарь посольства Алек. Як. Булгаковъ, отправленный отъ Д. П. Ташищева изъ Палермы въ С. Петербургъ съ донесеніемъ о сдачѣ фрегата Венера Сицилійскому Правительству, имѣлъ повелѣніе дошавишь сію новость командиру кораблями въ портъ Фераіо. Г. Булгаковъ отправился сначала въ Калліари, пошомъ переѣхалъ въ Корсику, и отшуда послѣ 55 дней труднаго путешествія моремъ на малыхъ лодкахъ и сухимъ путемъ верхомъ, въ безпреспанной опасности отъ Англинскихъ крейсеровъ и разбойниковъ, наконецъ достигнулъ порта Фераіо, и весьма ксшати увѣрилъ Капитана Гешцену о точномъ и совершенномъ разрывѣ нашемъ съ Англією. Князь Куракинъ на отношеніе Капитана отвѣчалъ: что рапорты его въ С. Петербургъ отосланы и если будутъ какія Высочайшія повелѣнія, то изъ Вѣны отправятся съ Нарочнымъ.

Въ первыхъ числахъ Апрѣля 1808 года, полученъ Высочайшій рескриптъ, коимъ предписано Капитану Гешцену со вѣренными отрядомъ, какъ и всѣмъ морскимъ силамъ, въ Россіи находящимся, состояшь въ полномъ распоряженіи Императора Наполеона и повелѣнія его исполнять въ точности и неукоснительно. Въсѣхъ съ симъ рескриптомъ Министръ морскихъ силъ Декре, прислалъ

предписаніе немедленно слѣдовашъ въ Тулонъ, а командующій шамъ Адмиралъ Ганшомъ прислалъ Бригъ и Шхуну съ Лоц-офицерами, въ распоряженіе Капитана Гепцена, коему доставлены были Французскіе сигналы и нужное наставленіе. Въ слѣдствіе сихъ повелѣній, на шрешій день по полученіи оныхъ, отрядъ нашъ оставилъ портъ Фераіо. Первыя ешки шпилевали у Ливорни, а въ шрешьи по выходѣ изъ Фераіо, корабли съ сильнымъ попушнымъ вѣтромъ идучи по 20 вер. въ часъ въ виду Англинскихъ 14 линейныхъ кораблей, бывшихъ не болѣе 5 верстъ подъ вѣтромъ, прибыли благополучно въ Тулонъ. Французскій флотъ, споявшій на рейдѣ, состоялъ изъ 13 кораблей, (въ томъ числѣ были два спопушечныхъ), 5 фрегатовъ и нѣсколькихъ малыхъ судовъ.

Корабли наши пошчасъ помѣщены были въ линію и исправлены по возможности. (*) Главнoкомандующій Адмиралъ Ганшомъ и вообще всѣ его подчиненные дѣлали въ честь Россіянамъ пышныя угощенія. Необыкновенное

(*) Съ 1-го Генваря 1809 года всѣ морскія силы, находящіяся въ портахъ Французскихъ, по особому соглашенію должны были получать содержаніе отъ Французскаго Правительства, съ прибавкою чего не доставало по нашему штату отъ нашего Адмиралтейства, но кромѣ двухъ кораблей, бывшихъ въ Тулонъ, другія эскадры, находившіяся во Французскихъ портахъ, подъ разными предлогами отъ Французскаго Правительства содержанія не получали.

и доселѣ не бывалое соединеніе Россійскаго флота съ Французскимъ было конечно имъ пріятно, и они при добромъ, ласковомъ обхожденіи распочали всѣ угожденія. Однакожъ при малѣйшей перемѣнѣ обшолшесьшвъ, обмаруживалоса подозрѣніе и дѣйствіе полишическаго барометра иногда возмуцало взаимное согласіе и уменьшало ошкровенность. Особенно сіа перемѣна была чувствительна въ 1809 году, когда возгорѣлась война между Австрією и Францією, и когда Наполеонъ не требоваль въ супружество Эрц-Герцогиню Марію Луизу. Послѣ сего всѣ дѣйствія Французскаго наружнаго учшившва были пріемлемы въ наспоащемъ ихъ видѣ. Долговременное пребываніе въ Тулонѣ, продолжавшееся два мѣсяца, надежды на скорое возвращеніе въ любезное отечество особенно, когда по вѣхости кораблей нашихъ, Французское Правительство многократнао предлагало перемѣнить оныя своими новыми; спрахъ, что по данной власши команды наши разобьютъ по Французскимъ кораблямъ и опправашъ, Богъ знаешь, куда; шомленіе въ неизвѣшность, недѣяшельная хоща и веселая жизнь, и наконецъ споль продолжшельное удаленіе изъ ошчизны, повергли многихъ въ скуку и уныніе.

Нѣкоторыя замѣчанія, доставленные мнѣ однимъ изъ шоварищей, бывшемъ въ Тулонѣ, о устройствѣ или лучше недосшашкахъ Французскаго флота, были бы очень заниматель-

ны и даже полезны; еслибы не опасался я, что такое описаніе походишь будешь на кришку, въ дурномъ расположеніи нрава написаную. . . . Довольно скажешь, что Французскій флотъ выходитъ въ море только для того, что бы бѣгать отъ Англичанъ, а встрѣчаешься для того, что бы спускашь флагъ.

Наконецъ, по уваженіи вѣтхости кораблей вовсе неспособныхъ къ продолженію службы, получено Высочайшее повелѣніе отъ 27-го Сентября 1809 года: по условленной въсѣмъ вещамъ оцѣнкѣ сдатьъ корабли Французскому Правительству, а экипажамъ возвратиться въ Россію. Радостное сіе повелѣніе, не смотря на нѣкоторыя затрудненія въ сдѣлкахъ, при продажѣ кораблей встрѣчавшіяся, было исполнено и въ началѣ 1810 года команды обоихъ кораблей оставили Тулонъ. Адмиралъ Гантомъ отношеніемъ своимъ Гешцену свидѣтельствовалъ ему свое удовольствіе и похвалилъ доброе и примѣрное поведеніе какъ Офицеровъ такъ и нижнихъ чиновъ. 1-го Апрѣля команды прибыли въ Майнцъ, а оттуда чрезъ Франкфуртъ въ Веймаръ. Ея Высочество великая Княгиня Марія Павловна, удостоила мореходцевъ нашихъ особеннаго вниманія. Она сама встрѣшила ихъ и угостила Рускимъ столомъ. Зрѣлище необыкновенное для жителей Веймара, честь и счастье неожиданное для мореплавателей, путешествующихъ по сушѣ! Удовольствіе Великой Княгини, въ пер-

вый еще разъ по опъздѣ изъ Россіи видѣшь себя окруженною Рускими, говоришь съ ними и вмѣстѣ воспоминашь о милой родинѣ, конечно было не малое. Его Величество Король Прусскій въ Бесновѣ шакже почтилъ ихъ милоспивымъ вниманіемъ. 17-го Маія команды пересступили на свою границу.

Шлюпъ Шпицбергенъ въ Портъ Виго.

По выходѣ изъ Корфы въ ночь съ 26-го на 27-е Сентября 1807 года, шлюпъ Шпицбергенъ, при крѣпкомъ вѣтрѣ упалъ подъ вѣтръ опъ флоша у острова Маришимо. Въ продолженіи Окнабря мѣсяца шлюпъ выдержалъ двѣ жестокія бури и постоянно боролся съ сильнымъ вѣтромъ, наконецъ по недоспашку воды принужденъ былъ 2-го Ноября спуститься въ Гибралтаръ. Горбъ, Капитанъ Англинскаго 24 пуш. корабля *Реванжа*, прислалъ на шлюпъ офицера поздравить съ прибытіемъ и предложить услуги. Съ шакимъ же привѣпсвіемъ ирѣвжалъ на шлюпъ и Капитанъ надъ поршомъ. По отбытіи его Капитанъ-Лейтенантъ Алек. Ром. Качаловъ, Командиръ шлюпа, ѣдиль благодарить Капитана Гора и вмѣстѣ съ нимъ посѣпшилъ Губернатора Генераль-Лейтенанта *Далримпля*, который весьма вѣжливо предложилъ зависящее опъ него пособіе.

6-го Ноября шлюпъ вышелъ изъ Гибралтара, 10, у мыса Сантъ-Винченша встрѣпшился съ фрегашомъ Венусомъ и получа свѣдѣніе, что

флотъ находишь въ Лиссабонѣ, 15-го Ноября прибылъ въ устье Таго. Англинская эскадра, состоящая изъ 7 кораблей, 2 фрегатовъ, и брига, лавировала у мыса Рока. Командующій эскадры Конспрь - Адмиралъ *Сидней Смитъ* прислалъ Лейтенанша съ объявленіемъ, что Лиссабонъ имъ блокируется и шлюпъ въ рѣку войти не можеть. Капитанъ Качаловъ самъ ѣздилъ къ Сиднею Смишу; но онъ повпорилъ ему невозможность соединиться съ эскадрою, и позволилъ послать офицера къ Сенявину, дабы получить отъ него повелѣніе куда итти. На другой день, когда Мичманъ Завалишинъ на лодкѣ отправился на корабль Твердый, Сидней Смишъ прислалъ на шлюпъ нѣсколько провизіи и угля. 17-го Ноября Португальскій флотъ вышелъ изъ Лиссабона, Смишъ салютовалъ Принцу Регенту со всѣхъ своихъ кораблей, ему опвѣтствовано было съ одного корабля и брига. Въ ночь поднялась столь жестокая буря отъ Юга, что шлюпъ за пасмурностію и дождемъ на другой день не видалъ уже соединенныхъ флотовъ. Штормъ продолжался шром суши, на шлюпѣ изорвало всѣ паруса, руль повредился и въ водорѣзѣ открылась опасная щель; къ счасію на четвертый день вѣтръ нѣсколько стихъ и 25-го Ноября при прошивномъ вѣтрѣ и великомъ волненіи шлюпъ успѣлъ войти въ Вигской заливъ.

Испанское начальство, взявъ честное слово съ Капитана, что на шлюпѣ нѣтъ боль-

ныхъ, опъ каранпина освободило. Губернашоръ Виго, Бригадиръ *Донъ Никола Майо*, принялъ Качалова очень вѣжливо. Взаяся ошправиль бумага къ Сенявину въ Лиссабонъ, къ Барону Спрогонову въ Мадришь и предложилъ для исправленія поврежденій перейши далѣе въ заливъ, въ портъ *Родонделло* къ мѣстечку *Портела*. Шлюпъ салютовалъ крѣпости изъ 13 пушекъ, а съ оной отвѣщствовано изъ 14. На рейдѣ спояли 5 Испанскихъ корабля: *Сантъ-Яго*, *Л'Америкъ*, и *Сантъ-Яго де-Спанъ*, фрегатъ *Сабина*, 6 канонерскихъ лодокъ и Францускій корабль *Атласъ*, съ коего салютовали шлюпу изъ 21 пушки, ему отвѣщствовано равнымъ числомъ. Послѣ взаимныхъ посѣщеній Испанцы съ усердіемъ предложили свое пособіе, ошпустили провизіи и прислали своего корабельнаго мастера для починки шлюпа, въ коемъ, кромѣ руля и водорѣза, ошкрылись многія другія поврежденія.

1808 годъ: 21-го Маія, народъ присягалъ Фердинанду VII, и объявлено было общее вооруженіе прошиву Французовъ. *Галиасъ*, Капитанъ корабля Атласа, послѣ щепныхъ переговоровъ принужденъ былъ безъ сраженія сдаться военноплѣннымъ. 23-го Юля въ Виго праздновали союзъ Испаніи съ Англіею и Португаліею. Во весь день слышны были клики, да здравствуетъ Фердинандъ! да здравствуетъ Испанія! 2-го Августа пришель на рейдъ Англинскій фрегатъ *Диана*, Капитанъ онаго *Грайтъ* ирѣзжалъ на шлюпъ съ посѣщеніемъ. Въ день

сезонности нашего Императора Испанскіе корабли и крѣпости салюговали слѣдующую плюпу. 15-го Сентября получено отъ Адмирала Сенавина уведомленіе, что онъ съ эскадрою отправился въ Англію, а шлюпъ предписываетъ впредь до перемены обстоятельствъ оставаться въ Виго. 20-го Сентября Гавкинсъ, Капитанъ Англинскаго фрегата Минервы, хотѣлъ ночью напасть на шлюпъ; но Испанское начальство объявило Англинскому Капитану, что Императорскій шлюпъ находится подъ покровительствомъ Испанскаго народа — и смѣлый Капитанъ принужденъ былъ отказаться отъ своего намѣренія. 1-го Октября Лейтенантъ Князь Пушкинъ отправленъ съ депешами къ Министру въ Мадридъ. Баронъ Спрогоновъ, исходатайствовавшій отъ Испанскаго Правительства повелѣніе починить и снабдить шлюпъ нужнымъ, отправился 23-го Октября въ Триестъ. Еще до отъѣзда Министра, выдачу провіанса прекратили, и хотя Качаловъ ссылался на повелѣніе Князя Мира, но Губернаторъ Туйской провинціи отвѣчалъ, что онъ не имѣетъ никакихъ средствъ исполнить предписаніе Его Свѣшлости, а предлагаетъ двухъ купцовъ, которые на слово будутъ отпускать съѣстные припасы съ тѣмъ, что имъ неукоснительно будетъ платиться наличными деньгами. 16-го Ноября на 145 транспортахъ прибыли въ Виго Англинскія войска, копорыя шотчасъ были высажены и выступили въ походъ. 29-го Декабря Коншръ - Адмиралъ Самуель

Гудъ, принявъ на эскадру свою, состоявшую изъ 7 кораблей, 2 фрегатовъ и 305 шпанспортовъ, опшсупившія Англинскія войска, поспѣшно отправился въ море.

1809 годѣ. 2 Генваря, по недовѣрчивости, мзъявленной Англинскимъ Адмираломъ Гудомъ, что шлюпъ можешь вспомошествовать Французамъ къ заняшю Редонделлы, Коменданшъ города Виго и Губернашоръ провинціи Туи, предложилъ Качалову перейти подъ бапарею *Капо-де-Алайе*. Капшанъ Качаловъ, оставшисъ на помъже мѣсшѣ и риготоваясь на всякой случай къ бою, ошвѣчалъ Испанскому Коменданшу; что онъ, по существующему союзу между Россією и Испанією, не приметъ никакого учаспія въ дѣйсвіяхъ Французовъ; что онъ, находясь въ Испанскомъ портѣ, будешь наблюдашь строгій неупралинешъ и пришомъ одинъ шлюпъ не можеть подашъ никакого основашельнаго подозрѣнія для Англинскаго флота. 12 Генваря народъ въ Редонделлѣ и Ранди возмушилсѣ. Коменданшъ Виго, дабы избѣжашъ могущей отъ черни по слѣдовашъ непріятнѣшши, впорично предложилъ, чтобы шлюпъ перешель въ Виго (подъ крѣпосныя пушки; но по приближеніи Францускихъ войскъ, народъ, скоро усмирилсѣ и шлюпъ по прежнему оспалсѣ въ Редонделлѣ. 19 Октября, при появленіи небольшого отряда Француской конницы, вооруженные поселане разбѣжалисъ и Виго со всѣми крѣпосшдами замѣта была безъ сопротивленія.

25 Генваря. Французскій дивизионный Генераль Баронъ де Бель прїѣзжалъ на шлюпъ; ему салютовали изъ 9 пушекъ, и Генераль сей взялъ на себя отправленіе рапортовъ въ Россію. 28 Генваря Маршалъ Сульшъ, проходя Виго, прислалъ своего Адъютанта предложивъ всѣ роды пособій, какихъ въ самомъ дѣлѣ онъ не имѣлъ, Народъ, оправившись опъ перваго спрахъ, снова вооружился. Французы, бродя по окрестностямъ для усмиренія, скоро сами должны были думать о своей безопасности. 5 Марта жители Виго взбунтовались. Французы по упорномъ сраженіи были выгнаны изъ города и осаждены въ крѣпости. На другой день Англинскій фрегатъ Венусъ пришелъ для блокады оной. Капитанъ сего фрегата Крафоршъ прислалъ на шлюпъ опъ Вице-Адмирала Берклея, Главнокомандующаго Англинскаго флота, объявленіе, что между Россією и Англією открыты переговоры о мирѣ. 7 Марта Шалотъ, Комендантъ крѣпости Виго, спѣшенный со всѣхъ сторонъ, просилъ Капитана Качалова снабдитъ его для 800 человекъ на 10 дней провіантомъ, обѣщая, что Король Испанскій (Іосифъ) и Императоръ Наполеонъ за такую помощь вознаградятъ его съ сродною имъ милосшію. Положеніе шлюпа въ сихъ обстоятельствевахъ было крайне опасно, ни денегъ, ни провіанта негдѣ было получить, только благоразумная предосторожность Капитана Качалова могла избавитъ экипажъ опъ гибели. Онъ отвѣчалъ Шалоту въ слѣ-

дующихъ выраженіяхъ: „со времени моего сюда прихода, я не получилъ отъ Правительствва моего никакого повелѣнія; посему и не знаю въ союзѣ ли мы съ вами. Требуемый вами провіантъ превосходитъ количествомъ, нужное для содержанія моего экипажа на три мѣсяца; и имѣю онаго только на одинъ; и посему помочь вамъ въ бѣдственномъ положеніи никакъ не могу, паче по тому, что не сохраняя должнаго неуправленія въ разсужденіи Испаніи, подвергну себя опасности быть взятымъ Англичанами, которые по уваженію шѣхъже правъ неуправленія доселѣ меня не беспокоили. Не огорчитесь отказомъ и вѣрьте, что во всякомъ другомъ случаѣ за удовольствіе бы себѣ поспавилъ быль полезнымъ вашему Королю и Императору.“ 15 Марша патрионы, въ числѣ 4000, подкрѣпленные 200-ми регулярныхъ солдатъ, напали на Французонъ, которые, дабы избѣгнуть неистовства черни, сдались двумъ Англическимъ фрегатамъ, и на другой день были перевезены на купеческія суда, спойвшія въ Виго.

18 Марта Испанскій Губернаторъ Бернардо Гонзалецъ просилъ снабдить его нѣкоплымъ количествомъ сухарей, порохомъ, пушками и ружьями. Капитанъ Качаловъ, дабы и впродъ ошклонить шакія не совѣспныя съ неуправленіемъ шребованіи, далъ замѣшить Губернатору, что наснонія его показываютъ наклонность къ разрыву согласія, доселѣ счастливо сохранившягося. „Если же, писалъ онъ между прочимъ,

союзъ между Россіею и Испаніею прерванъ, и если вамъ по извѣстнѣю, по прошу о семъ меня увѣдомишь., Въ продолженіи осады Виго, многіе знаменитые Испанцы, въ томъ числѣ и преждебывшій Министръ внутреннихъ дѣлъ, Генераль Лейшенантъ и Каноникъ монастыря св. Іакова Донъ Педро Окунъ, опасаясь неистовства черни, искали убѣжища на Рускомъ шлюпѣ, были приняты и сскранены. Князей, Капитанъ Английскаго фрегата *Лайели*, также прислалъ на шлюпъ двухъ особъ, увѣривъ при томъ, что онъ опъ своего начальства имѣеть повелѣніе почитать Россійскій флагъ дружескимъ. По успокоеніи народа, тогда малые Французскіе отряды, бродившіе въ окрестностяхъ, были истреблены, благородный Гонзалецъ именемъ центральной Юстиціи подтвердилъ, что народъ Испанскій во всякихъ обществательствахъ будетъ почитать Рускихъ своими друзьями и благодарилъ за покровительство, данное на шлюпѣ именитымъ особамъ. Но такое доброе согласіе скоро было нарушено слѣдующимъ происшествіемъ: до освобожденія Виго Французскій Аббатъ былъ принятъ на шлюпъ въ званіи Переводчика и съ вѣдома Испанскаго Правительсва оставленъ въ распоряженіи Капитана Качалова.— Не смотря на ненависть народа къ Французамъ, Аббатъ, полагаясь на то, что онъ въ Руской службѣ, осмѣлился показаться въ городѣ. Чернь иншчасъ его окружила и схватила представила Губернатору, который съ шрудомъ могъ его избавить онъ

смерши и возвратишь на шлюпѣ. На другой день въ городѣ распространился слухъ, что на Рускомъ шлюпѣ хранился сокровище, принадлежащее Французамъ и скрывается опасный шпионъ. Губернаторъ Гонзалецъ, для предупрежденія своевольства черни, ошъ кошорой зависѣла защита опечеснва, пребоваль, что бы Аббатъ былъ перевезенъ на Англинскій фрегатъ. Капипанъ Качаловъ принужденъ былъ выдать Аббата, увѣривъ, что у него ничего нѣтъ принадлежащаго Французамъ, и народъ, гошодый въ возмущенію, успокоился. Въ сіе время снабженіе экипажа съѣсными припасами было почши не возможно. Къ счастью сыскался добрый и чеспный купецъ Абелаира, кошорый самъ вызвался на кредитъ доснавить нужное и не смотря на всѣ затрудненія слово свое сдержалъ какъ благородный и безкорыспный Испанецъ.

2-го Апрѣля проходящій ошрядъ Французскихъ войскъ, числомъ до 4000, сожегъ Редонделлу. Поселяне дрались опчаянно. 18 сегоже мѣсяца Французы въ большемъ числѣ покушались взять Виго, но были съ урономъ опбиты. 30 Апрѣля прибыли въ городъ 5000 чел. регулярнаго Испанскаго войска; Французы также усилились въ окрешностяхъ. Въ продолженіи Маія мѣсяца сраженія не прекращались; пожары не угасали; наконецъ Французы, совершенно разбины, принуждены были съ малыми остатками опспушить и въ началѣ Іюня военныя дѣйствія въ окрешностяхъ Виго кончились;

провинція Тул и другія сосѣдственныя области отъ ига Французовъ были освобождены. Въ продолженіи военныхъ дѣйствій, разными претребованіями Испанскихъ начальниковъ Капишанъ Качаловъ былъ поставленъ въ самое непріятное положеніе. 12 Маія, отказать Вигскому Губернатору въ порохъ и двухъ пушекъ для защищенія моста, ведущаго къ городу, гдѣ были при раза самыя упорныя сраженія, огорчило Испанцевъ; посему они и искали случая поддержать свои претребованія сильнымъ предлогомъ. Капишанъ фрегата Ифигенія Жуанъ Корранзо 26 Маія, извѣстивъ о объявленіи войны Россіи противу Франціи и одержанной Австрійцами побѣды надъ Принцемъ Евгениемъ въ Фріулѣ, предложилъ, чшобы Капишанъ шлюпа принялъ участіе въ защищеніи Виго противу Французовъ. „Согласіе, сказалъ онъ въ своемъ письмѣ, увѣритъ меня въ вашемъ хорошемъ расположеніи къ Испаніи, подъ покровительствомъ коей вы столь долго находились; отказать же приму за непріязненное намѣреніе.“ Со времени моего сюда прихода, такъ ошвѣчалъ Качаловъ, не получалъ я отъ Правительства моего никакого извѣстія о возобновеніи дружескихъ связей съ Англіею и о разрывѣ мира съ Франціею. Вы конечно, судя по своей службѣ, не можете не согласиться со мною, что и ничего не могу предпринять, не дождавшись шочнаго повелѣнія отъ моего начальства. Повелѣнія сего ожидаю съ неперпнїемъ; надѣюсь, чшо оно е вскорѣ, будешь во

мнѣ прислано, и тогда съ большимъ удовольствіемъ гошовъ буду по моей возможности прошивустать общему нашему непріятелю .,

Всѣ подобныя симъ требованія происходили опъ крайней нужды въ порохѣ, пушкахъ, а часто и въ провизіи. Должно отдать справедливосшь Испанскому Правительству, что оно было споль великодушно и снисходительно къ Россійскому флагу въ шакое время, когда мы были въ союзѣ съ Франціею, и хотя нашъ Посланникъ оставилъ Мадридъ, но оно не перемѣнило своего поведенія. Конечно иное Правительство не поперпѣло бы и одного дня въ своемъ порпѣ такого союзника, кошорый, будучи другъ его непріятелямъ, не хочеть принять никакого участія въ его дѣлахъ. Испанское Правительство всегда ошличалось особеннымъ благородствомъ. Полишика его Двора всегда была самая праводушная. Вотъ шому примѣръ: въ 1796 году, Англинскіе крейсеры, еще до объявленія войны, взяли два Испанскихъ фрегата, шедшихъ изъ Америки въ Кадиксъ съ золопомъ и серебромъ; всѣ Испанскія суда, бывшія въ Англии, были арестованы напрошивъ шого Англинскія суда, бывшія въ портахъ Испанскихъ, были опшущены и собственности Англинскихъ купцовъ объявлена неприкосновенною.

По возстановленіи совершенной тишины въ окрестносшихъ Виго, Опоршскій Консулъ доставилъ на содержаніе экипажа шлюпа 37.000 Исп. шалеровъ. Съ сего времени, по

препертъи многихъ безпокойствъ и недоспашка, по крайней мѣрѣ со стороны продовольствія были наши люди обезпечены. Въ концѣ года Капитанъ Качаловъ выдержалъ послѣднее нападеніе Испанскаго Начальства, и съ сего времени оставленъ былъ въ покоѣ на прежнемъ неутральномъ положеніи. Вошъ письмо Капитана Испанскаго корабля *Геро*, ошъ 11 Декабря.

Государь мой!

Король, мой Государь, опредѣлилъ, чшобы шлюпъ, вами командуемый, былъ задержанъ. Во исполненіе сего высочайшаго повелѣнія, дивизиѳному моему Адьютаншу приказано принять ошъ васъ порохъ и сгруза оной на кононерскую лодку свезшъ на берегъ, яко единственнѣй обрадъ въ подобныхъ случаяхъ. Шлюпъ вашъ имѣше разоружить. Впрочемъ вы можете подымашъ свой флагъ, офицеры и экипажъ могутъ ошашься на шлюпѣ и пользоваться совершенною свободою. Доброе ваше поведеніе, опытомъ дознанное, заслуживаетъ всякое съ нашей стороны вниманіе и облегченіе. Имѣю честь бышъ гошовый къ услугамъ.

Томасъ Роляри.

Милостивѣйшѣй Государь!

Письмо ваше ошъ 11го Декабря, коишъ вы предлагаеише мѣ разоружишъ Императорскѣй

Россійскій шлюпъ, подъ моимъ начальствомъ сесплящій, я имѣлъ честьъ получить. Позвольте мнѣ Г. Капитанъ вамъ замѣнить, что дурное состояніе, въ которомъ шлюпъ находится и война, еще продолжающаяся съ Англією, не позволяющъ мнѣ, безъ почнаго повелѣнія моего Правительсва, выпши изъ сего порта. Даю вамъ честное слово, что не выду отсюда не давъ вамъ о помъ знашь; повелѣніе ваше выгрузить порохъ исполнишь не могу; ибо сіе послужить пашномъ Императорскому флагу, копорый честь мнѣ повелѣваетъ защищать до послѣдней капли крови. Надѣюсь, что вы не принудите меня къ къ предосудительному поспупку; увѣряю васъ, что я не перемѣню моего поведенія и буду вести себя согласно съ дружбою и союзомъ, существующими между нашими высокими Дворами. Имѣю честьъ бышь и проч.

Алексѣй Казаловъ.

Испанскій Капитанъ, какъ видно изъ послѣдствій, не имѣлъ повелѣнія отъ Правительсва задержашъ шлюпъ плѣннымъ; но имѣлъ только нужду въ порохъ, для полученія кофраго упошребилъ сію хитрость.

1810 и 1811 годы прошли въ совершенномъ бездѣйствіи. Столь долгое отсутствіе изъ отечесва, неизвѣстность, чѣмъ кончися такое непріятное положеніе, безпреспанная опасность бышь взяшымъ Англичанами

или Испанцами и наконецъ неполученіе изъ Россіи въ продолженіе чешырехъ лѣтъ никакого повелѣнія, были доспапочными причинами къ скукѣ. Смерть священника лишила и послѣднiго утѣшенія вѣры. Почпенный спарець, чувствуя свой конецъ, рѣшился исповѣдаться у Башелера (*); причастившись св. таинъ, онъ вздохнулъ, прижалъ къ груди сосудъ и умеръ какъ праведникъ (**). Капитанъ Качаловъ посылалъ въ городъ Тую офицера просить шамошняго Епископа, чтобы возволилъ похоронить священника въ монастырѣ или при другой какой церкви, и приказалъ бы своему духовенству совершиць обрядъ погребенія съ должною честью. Къ сожалѣнію отвѣтъ Епископа былъ недостоинъ его сана. Онъ отказалъ въ погребеніи священника по той единственнo причинѣ, что покойный не признавалъ власти Папы и не былъ въ зависимости его Свяшѣйшества. Такой отзывъ показывается, до какой степени суевѣрно Испанское Духовенство; но впрочемъ неперпимость Римской Церкви къ другимъ вездѣ таковаже. По необходимости обрядъ погребенія совершилъ, какъ умѣлъ, пошѣже Башадеръ; погребено было на особомъ кладбищѣ, отведенномъ для прежде умершихъ мапдрозовъ.

(*) Помошникъ Коммисара, нмѣющаго смотрѣніе за съѣстными припасами.

(**) Его звали Петръ Андреевъ.

Въ 1811 году по осмотрѣ шлюпа Испанскимъ мастеромъ, присланнымъ изъ Ферроля, оказалось: кильсонъ и внутренняя обшивка совершенно сгнили, изъ 64 шпангоушовъ 64 найдено негодныхъ; посему мастеръ и отказался чинить шлюпъ какъ уже болѣе къ службѣ неспособный. Въ началѣ 1812 года получены изъ Россіи первая бумага, и Капитанъ-Лейтенантъ Качаловъ, по высочайшему повелѣнію объявилъ себя Капитаномъ 1-го ранга. Наконецъ къ неизъяснимой всѣхъ радости 21 Іюня получено повелѣніе опсправиться въ Россію. Въ шотъже день шлюпъ перешелъ изъ Портелло въ Виго и началъ готовиться къ отъѣзду, 5-го Іюля въ домѣ и въ присуствіи Губернатора и другихъ чиновниковъ шлюпъ проданъ съ аукціоннаго торга за 10,000 Испанскихъ шалеровъ. 16-го Іюля на двухъ купеческихъ судахъ, нанятыхъ нашимъ Консуломъ Дубочевскимъ въ Лиссабонѣ, экипажъ опсправился въ Россію.

Такимъ образомъ флотъ нашъ, по заключеніи Тильзитскаго мира лишенный сообщенія съ Россією, безъ надежды на помощь, оставленный посреди непріятелей и злыхъ друзей, спремившихся явно и тайно къ униженію чести и славы нашей, счастливо сохраненъ. Одна часть флота, въ виду враговъ, повелѣвающихъ морями, благополучно достигла союзныхъ гаваней; другая, состоящая изъ кораблей, многими сраженіями и долго-

временнымъ плаваніемъ разслабленныхъ, въ позднихъ дняхъ, грозной осени, бурей разбиша и видимо рукою Божією спасена. Послѣ того спѣсенная непріятелемъ, превосходнымъ въ силахъ и средствахъ, и стольже друзьями какъ и врагами угрожаема, благо-разумною оспорожностію и твердостію духа Главнокомандующаго изъ опасности, какъ изъ пламени, исхищена; ни одинъ корабль не достался въ руки непріятелю; всѣ экипажи, опытомъ и храбростію извѣданные, трудами и заслугами отечеству драгоцѣнные, безъ потери возвратились въ Россію. И наконецъ Правительство наше за старые неспособные въ службѣ корабли, копорые въ своихъ портахъ долженствовали бы сгнить безъ пользы, получило чрезъ продажу оныхъ за границею шаковую сумму, на копорую у насъ можно поспрошить новые корабли.

КОНЕЦЪ ЧЕТВЕРТОЙ И ПОСЛѢДНЕЙ ЧАСТИ.